Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/liubovmuzykantar038800

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

Романъ

Андрея Ярославцова.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Ѳ. В. Бавунова.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 21 Іюля 1841 г.

Цензоръ С. Куторга.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

..... Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, признакъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

А. С. Пушкинъ.

V.

V

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

I.

Кто крестъ несетъ въ уединеньѣ,
Чей дѣйствій кругъ фортуной сжатъ,
Кого бѣды въ тиши крутятъ,
Тотъ всѣмъ чужой.... его въ тоскѣ, безъ раздѣленья,
Безмолвно гаснетъ вдохновенье....
Онъ безъ свидѣтелей, безъ поприща боецъ,...

В. С. Филимоновъ.

Мы должны немного возвратиться въ нашемъ разсказѣ.

Эдуардъ, вырвавшись изъ дома Випцевичь, подъ предлогомъ головной боли, вздохнулъ свободно подъ открытымъ,

голубымъ небомъ. Огорченный низкою нравственностію людей, онъ не хотѣлъ въ ту минуту видѣть ни одного человѣка — и искалъ уединенія. Перейдя Елагиноостровскій мостъ, онъ пошелъ влѣво по той набережной аллеѣ, которая ведетъ къ взморью. Какое-то отрадное торжество начало шевелиться въ груди его. «Счастіе, право, счастіе развело меня съ ними!» думалъ онъ, сорвалъ сиреневый листокъ и, положивъ его между губами, медленно продолжалъ путь. Поглядывая то-на порхавшихъ птичекъ, то-на колышущуюся воду, онъ опять думалъ: «А какъ разсталась со мною Евгенія, единственно! Будто я пришелъ къ нимъ, какъ подрядчикъ за деньгами!... И какъ она проворно ускользнула, когда я спросилъ: *Гдѣ-же теперь знакомый вашъ, корнетъ Діановъ?*.... Га! вотъ характеры-то!.... И это милое созданіе, которымъ я столько любовался!.... Но

хорошо, очень хорошо, что все прошло! Теперь ужъ баста, никогда не влюблюсь и не женюсь! Все къ чорту! Лучше быть свободнымъ, какъ эти птицы, нежели сходить съ ума и, Богъ знаетъ, по комъ!....»

Съ этими мыслями Эдуардъ шелъ между густыхъ акацій, черемухи, сиреней, высокихъ елей, печальныхъ сосенъ и широколиственныхъ дубовъ. Дыханіе близкой осени уже было замѣтно: на иныхъ деревьяхъ цѣлыя вѣтви покрылись желтымъ цвѣтомъ; много попертвѣлыхъ листьевъ лежало на дорожкахъ.... Непримѣтно вышелъ онъ изъ аллеи на небольшую площадку съ двумя полукруглыми бѣлыми скамейками. Здѣсь сидѣлъ поэтъ, Платонъ, съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Эдуардъ смѣшался: мгновенно пришли ему на память и опера, и записка, что слова ждутъ звуковъ, и прекрасный трудъ, оставленный безъ

вниманія. Онъ хотѣлъ пройти мимо; но Платонъ остановилъ его словами: «Вы, вѣрно, прислушиваетесь къ этой печальной гармоніи природы?»

— «Нѣтъ; я гуляю..... А въ самомъ дѣлѣ — нынче осень рано наступила.»

— «Вы нарочно пришли сюда гулять?»

— «Я былъ недалеко отсюда, на Крестовскомъ-Островѣ; на дачѣ у однихъ.... Ха, ха, ха!....»

— «Что вы хохочете? Весело время провели?»

— «Очень весело!....»

— «Не разскажете-ли намъ, какъ?.... Этотъ молодой человѣкъ мой добрый знакомый.»

Эдуардъ простодушно разсказалъ свое знакомство съ семействомъ Винцевичь и свою послѣднюю любовь, и хохоталъ съ нѣкоторымъ принужденіемъ. Платонъ не годовалъ и болѣлъ сердцемъ за Эдуарда;

а его пріятель съ удовольствіемъ сказалъ: «Да изъ-этого можно сдѣлать прелестный водевиль, Платонъ Павловичъ?...»

Платонъ, не отвѣчая пріятелю, сказалъ: «Мы съ вами, Эдуардъ Богдановичъ, давно не видались; кажется, съ прошедшей зимы: видно, въ это время произошло у васъ много перемѣнъ?»

Этотъ вопросъ кольнулъ сердце Эдуарда: ему казалось ясно, что Платонъ упрекаетъ его, и еще насмѣшливо. Ободрясь немного, онъ отвѣчалъ: «Да, правда. Я былъ долго болѣнъ зимою; а потóмъ....»

— «А потóмъ?»

— «Да вотъ хоть теперь: я и здоровъ, совершенно здоровъ, а видите какія ошибки дѣлаю....»

— «Кто-жъ не ошибался? Но скажите, что сдѣлалось съ вашею первою любовью? Гдѣ-же та, для которой у меня

уже давно готова: «*Безумная ревность;*» помните, это ваше названіе?»

— «Все помню; и стыжусь только того, что утруждалъ васъ напрасно. Теперь я вижу, что моя безумная ревность была гораздо умнѣе моей довѣрчивости. Эвфалія вышла замужъ за того офицера помните, о которомъ я вамъ говорилъ. Разумѣется — у меня ни гроша, у него своя деревня!.... Я безумствовалъ, заболѣлъ; потомъ принялся-было кутить; но все такъ мнѣ наскучило, такую навело тоску, что я не зналъ куда дѣваться. Жажда любви опять явилась во мнѣ — и вотъ я очаровался Евгеніею, или какою-то куклою.

Холодное равнодушіе, съ которымъ молодой Эдуардъ разсказывалъ о важныхъ приключеніяхъ своей жизни, усилили негодованіе въ душѣ поэта. Слѣды этихъ приключеній, казалось Платону, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, какіе

остаются въ душѣ безпламенной. Удерживая свое негодованіе, онъ спросилъ: «Продолжаете вы изучать генералъ-басъ?»

— «Нѣтъ; я знаю столько, сколько мнѣ надо, а слишкомъ подробно узнавать его незачѣмъ, да и некогда. Теперь у меня все время посвящено урокамъ.»

— «Такъ вы теперь и не сочиняете ничего?»

— «Ничего!» сказалъ пасмурно Эдуардъ. «И некогда, и не хочется.»

— «Гм; неужели никогда минуты не бываетъ, въ которую бы вамъ хотѣлось что-нибудь произвесть?»

— «Почти никогда; а если и придетъ, такъ ненадолго: скука тотчасъ похититъ ее.»

— «А въ концертахъ учавствуете?»

— «Зимой не могъ за болѣзнію, а на будущую зиму — не знаю.»

— «Но развѣ ваша вторая любовь не воспламеняла васъ къ творчеству?»

— «Рѣдко и очень несильно. Она только отклонила меня отъ совершенной праздности и разврата.»

— «Васъ надо-бы женить, Эдуардъ Богдановичъ, чтобы воплощенная муза-вдохновительница была съ вами неразлучно....»

— «Платонъ Павловичъ,» сказалъ молодой человѣкъ, «не возвратиться-ли намъ домой: я думаю, насъ ждутъ къ чаю?»

Эдуардъ отказался отъ предложенія итти съ ними вмѣстѣ: и они разстались. Платонъ, болѣя сердцемъ объ Эдуардѣ, приглашалъ его къ себѣ. Небольшой разговоръ съ молодымъ поэтомъ возбудилъ въ душѣ Эдуарда нѣкоторый жаръ: его воспламененному воображенію предстало брачное состояніе опять въ той желанной прелести, въ которой онъ

представлялъ его нѣкогда. «Не музу,» сказалъ онъ самъ себѣ, «а друга, вотъ кого хотѣлъ я имѣть въ женѣ моей! Мнѣ не доставало друга!... Музы оставили меня; это я чувствую!... Во мнѣ ужъ нѣтъ прежняго порыва къ творчеству!....»

Съ этими грустными мыслями Эдуардъ продолжалъ путь свой къ взморью. Трудно было-бы заключить по его наружному виду о его внутреннемъ расположеніи: онъ шелъ неровно, глядѣлъ по-сторонамъ, хлыстикомъ пугалъ птицъ, что-то напѣвалъ. Только въ ослабѣвшихъ глазахъ его замѣтна была мука души и сердца. Вдругъ онъ остановился: на муравчатой полянѣ увидѣлъ онъ трехъ малютокъ съ нянею. Два мальчика, одинъ въ красной, другой въ голубой рубашкѣ и дѣвочка въ бѣломъ кисейномъ платьѣ; всѣ — въ бѣлыхъ брючкахъ, съ соломенными, широкопольными шляпами на

головахъ, опоясанные разноцвѣтными лентами, они имѣли въ себѣ что-то пастушеское: ихъ полненькія и нѣжныя личики напоминали амуровъ. Эдуардъ, остановясь, долго смотрѣлъ на нихъ: грація въ ихъ звучныхъ вскрикахъ и радостной бѣготнѣ забавляла его. Но скоро его удовольствіе перелилось въ грустную мысль: «Когда-то, давно въ Ригѣ и мы точно также играли!....» и онъ пошелъ далѣе.

Время вечерѣло. Было накапунѣ Иванова дня. Солнце западало безъ блеска; казалось, утомленное, оно ложилось отдохнуть, безъ мысли о нѣгѣ, на пуховыхъ разноцвѣтныхъ облакахъ, которые протянулись по всему небосклону и туманомъ соединялись съ далью моря. Такой видъ природы открылся Эдуарду, когда онъ приблизился къ взморью. Тутъ по лѣвую сторону видѣнъ лѣсъ, которымъ оканчивается Крестовскій-Островъ;

по правую, чрезъ небольшую рѣчку, пустынное мѣсто, на которомъ стоитъ одинъ только деревянный съ башенкою домъ, для стражи. Вообще печальный видъ является глазамъ съ того полукруга, который составляетъ поворотъ дороги, гдѣ шелъ теперь Эдуардъ. Рѣдко кто приходитъ сюда: развѣ промчится гуляющій всадникъ; развѣ въ облакахъ пыли пронесется величаво-смѣшная кавалькада, или дама прокатится въ великолѣпномъ ландо послѣ обѣда; иногда доброе семейство проходитъ здѣсь съ намѣреніемъ — сдѣлать *далекую* прогулку.

Сегодня здѣсь на одной изъ скамеекъ сидѣла Эмилія Гиммельтраумъ. Желтые листья съ деревъ падали кругомъ нея; до слуха ея доносился звонъ всенощнаго колокола и изъ Новой-Деревни * зву-

* Названіе одной изъ деревень въ окрестностяхъ Петербурга. Лѣтомъ здѣсь, кромѣ

ки полковой музыки; о берегъ слегка плескалась волна. Несвязные звуки, унылая мѣстность, вечерѣющее время и вдали замиравшіе осверки молніи питали задумчивость Эмиліи. Двое малютокъ играли возлѣ нея. Опустивъ руки и положивъ свою работу, она глядѣла на догаравшее солнце. «Какъ-то догорю я?» вздохнувъ, подумала она. «О, Боже мой! Боже мой! Вездѣ, куда ни посмотрю, вездѣ много радостей, надеждъ; а во мнѣ едва явится отрада, едва блеснетъ надежда — ужъ меня обхватываетъ какая-то робость.... Странно; вѣдь говорятъже люди о своихъ сердечныхъ, душевныхъ движеніяхъ, о своихъ предпріятіяхъ, замыслахъ; говорятъ объ этомъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней, — хоть иногда только-что говорятъ; а я?... Вотъ, сколько времени, втайнѣ отъ всѣхъ, за-

нѣсколькихъ городскихъ жителей, квартируетъ еще и полкъ.

нималась прекрасною мыслію завести пансіонъ; все для этого обдумала, все придумала;.... дни и ночи хотѣла посвятить этому дѣлу!... И какъ оно мнѣ нравилось! Какъ я блаженствовала въ моихъ размышленіяхъ!... И въ самомъ дѣлѣ, предметы были выбраны хороши: законъ Божій, языки, географія, исторія; въ свободныя минуты — нѣсколько примѣровъ изъ жизни знаменитыхъ людей; нѣсколько словъ о музыкѣ, о поэзіи, вообще объ изящномъ: это такъ умягчаетъ нравы!... Но, ахъ! какъ приступить, какъ начать?! Кто поможетъ? Гдѣ взять воспитанниковъ? Кто повѣритъ, что бѣдная, неизвѣстная сирота можетъ быть хорошею содержательницею пансіона?... Что-жъ мнѣ дѣлать? Теперь совсѣмъ безъ учениковъ. Я въ тягость теткѣ моей! Какъ она ни добра, все-же тяжело жить на счетъ другихъ!... Хоть бы опять поскорѣе ученики, хоть съ малень-

кою платою: — цѣлый бы день съ ними занималась!...» Приэтомъ Эмилія сошла съ мѣста и, взявъ за руки двухъ малютокъ, которые, отбѣжавъ отъ нея, рѣзвились, сказала имъ: «Ну, хорошо-ли это? Маменька отпустила васъ въ чистыхъ платьицахъ, а вы придете къ ней замарашками! Играйте вотъ тутъ!» Она поставила ихъ возлѣ скамейки, опять сѣла и, занявшись работою, думала: « Счастливая Лида! Право, быть гувернанткою въ такомъ прекрасномъ семействѣ — это рѣдкость!... И хоть безродная сирота, но ея жизнь, ея будущая жизнь совершенно обезпечена!... Но, фуй, какъ я предалась несносной грусти! А вся вина въ томъ, что у меня не стало на время занятій для выручки денегъ! фуй!...» Бѣдная Эмилія мгновенно смутилась; мысли ея перемѣшались, и изъ ихъ хаоса возникла въ воображеніи только та картина, которою она недавно любовалась:

недавно видѣла она свою подругу Лиду, игравшую съ дѣтьми, которыхъ воспитываетъ. Эта картина напомнила Эмиліи тѣ сцены, которыя она воображала въ прихотливыхъ мечтахъ объ Эдуардѣ и о бракѣ: «Нѣтъ,» подумала она, «или по-злобѣ, говорятъ объ Эдуардѣ дурное, или онъ только заблуждается! Не можетъ быть, чтобы онъ навсегда разстался съ тѣми прекрасными качествами и наклонностями, которыми обладалъ!... Онъ теперь занимается, трудится!... Потеря его тяжела, конечно; онъ можетъ.... Но всегда, какъ я его увижу, хоть вотъ вчера, онъ тотъ-же: — сердце мое такъ и затрепетало!... О, люди! люди! гдѣ-бы остеречь его, помочь ему; хоть помолиться за него: эту молитву Богъ услышитъ!... Они!...» И Эмилія отерла платкомъ лице, устремила глаза на небосклонъ; день уже потухъ. Вѣтръ потрясъ деревьями: желтые листья полетѣли на

дорожки, на траву, на рябившуюся воду; клубокъ нитокъ упалъ со скамьи и покатился за кустъ; дѣти побѣжали за нимъ; но, подходившій въ ту самую минуту, Эдуардъ поднялъ клубокъ и подалъ его Эмиліи съ обыкновеннымъ ласковымъ поклономъ. Эмилія встревожилась.

Эдуардъ никогда не находилъ въ Эмиліи ничего отталкивающаго, но никогда не чувствовалъ къ ней такого уваженія, какъ теперь, послѣ приключеній въ домѣ Винцевичъ; хотя это чувство было неболѣе какъ уваженіе — и даже холодное.

— «Въ какомъ вы уединеніи!» сказалъ Эдуардъ.

— «Я съ дѣтьми пришла сюда.»

— «А! Фрицхенъ, Лотхенъ, давайте ручку, живо!...»

— «Мадамъ Гликъ также хотѣла сю-

да придти: они здѣсь на дачѣ въ Старой-Деревнѣ;» * сказала Эмилія.

— «Ахъ, я давно ужъ не былъ у нихъ,» сказалъ Эдуардъ и сталъ играть съ дѣтьми.

Эмилія, послѣ нѣкотораго молчанія, въ которомъ боролась съ разными мыслями, спросила: «Маменька ваша здорова-ли?»

— «На другой день, послѣ вашего посѣщенія, она немного захворала; и теперь еще жалуется.....»

Этотъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ г-жи Гликъ. Окруженная взрослыми и маленькими дѣтьми, она величаво-скромно и съ привлекательною улыбкою приблизилась къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Эдуардъ и Эмилія. Въ одеждѣ ея была замѣтна большая простота: палевая, уже неновая, соломенная шляпка

* Названіе другой деревни, смежной съ Новою-Деревнею.

на головѣ и черная шаль на ея высокомъ стройномъ станѣ, который былъ облеченъ въ драдедамовое темнозеленое платье, не имѣли ничего замѣчательнаго. Но ея лице выражало много, и въ этомъ многомъ было что-то особенно такое, что возбуждало къ ней искреннее состраданіе и вмѣстѣ глубочайшее почтеніе: это лице было блѣдно и облагорожено думою, соединенною съ добросердечными чувствованіями; огонь глазъ уже потухалъ, терпѣніе рѣзко означилось на сомкнутыхъ устахъ. Обращаясь къ Эдуарду, она улыбнулась и сказала: «А! Эдуардъ Вольфгангъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы не видались! Какъ вы-это сюда забрели?!»

— «Прогулкою,» отвѣчалъ почтительно Эдуардъ.

— «И вамъ нестыдно?! Гуляете на край свѣта, а къ намъ и мимоходомъ

не зайдете?... Здоровы-ли вы все это время были?»

— «Здоровъ, слава Богу! Но вы, кажется, неочень здоровы?»

— «Ахъ, ужъ мое здоровье,» сказала г-жа Гликъ, махнувъ рукою. «Но, любезная Эмилія, вы слишкомъ долго остаетесь здѣсь: воздухъ очень похолодѣлъ; не пора-ли возвратиться домой?... Вы, Эдуардъ, должны сегодня вечеръ быть у насъ непремѣнно; и потому пойдемъте-ка теперь-же.»

Черезъ минуту вся эта небольшая толпа потянулась берегомъ къ мосту въ Старую-Деревню. Трое малютокъ, рѣзвясь, бѣжали впереди; Эмилія съ тремя милыми дочерьми г-жи Гликъ шла за ними; а позади всѣхъ шла г-жа Гликъ, ведя правою рукою мальчика, а съ лѣвой стороны имѣя собесѣдникомъ Эдуарда.

Это семейство, котораго отецъ былъ

придворный музыкантъ, жило тогда на дачѣ въ Старой-Деревнѣ, близъ самаго шлагбаума. Здѣсь небольшой сельскій съ свѣтелкою домъ былъ нанимаемъ Гликомъ каждое лѣто собственно для жены.

Когда г-жа Гликъ съ своими друзьями возвратилась съ прогулки, то ея дачный домикъ закипѣлъ семейными радостями, хлопотами, шутками, играми. Знакомое семейство съ сосѣдней дачи пришло раздѣлить вечеръ; было еще нѣсколько университетскихъ студентовъ, товарищей старшаго сына Глика.

Не буду описывать этого вечера: онъ не имѣлъ ничего особеннаго, что можно было бы изобразить хоть для эффекта, что нынче въ большой модѣ въ литературѣ; онъ не отличался ничѣмъ отъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ, о которыхъ такъ пріятно вспоминать во всю жизнь. Правда, немного такихъ вечеровъ, гдѣ,

при радушномъ, вовсе, кажется, безпечномъ пріемѣ хозяевъ и общемъ искреннемъ удовольствіи гостей, забудешь черную сторону нравственнаго міра, повеселишься отъ души, повеселишься, какъ веселятся въ минуты первой счастливой молодости!.... Сколько отрадной поэзіи въ этихъ вечерахъ! Дайте только волю воображенію, чувству: — и душа ваша узнаетъ свободу заоблачную! Смотрите, кто съ такою граціею, такъ прелестно, очаровательно, не первенствуя, первенствуетъ на этихъ вечерахъ? Дѣвицы!— Кто не испыталъ надъ собою могущества красоты?!... А въ каждой изъ тѣхъ, о которыхъ я теперь упоминаю, было хоть что-нибудь особенно милое; и всѣ вмѣстѣ составляли какой-то хоръ нимфъ, съ этими дѣтскими усмѣшками, простодушными улыбками, движеніями то-плавными, то-быстрыми, но всегда легкими, милыми; съ этимъ «*ахъ!*» съ

этимъ тайнымъ, но понятнымъ шепотомъ, наивными замѣчаніями, и съ неутомимымъ желаніемъ танца. Сколько тутъ милыхъ хлопотъ для минутной утѣхи, сколько забавной суетности длятого, чтобы стать въ кадрилѣ противъ желаемой пары; сколько фантастической рѣзвости? сколько пляски и пѣсенъ подъ звуки фортепіано?... И все это наконецъ, какъ фантасмагорія, исчезаетъ къ вашему сожалѣнію: но вы возвращаетесь съ сладкими воспоминаніями домой, подъ темноголубымъ небомъ, подъ сѣнію островскихъ рощъ; вы идете съ дачи, — а будто вышли изъ Аркадіи, такъ разогрѣто ваше чувство, такъ легко дышать вамъ!.... Право, господа, въ *пышномъ и бѣдномъ городѣ* Петербургѣ невездѣ господствуетъ *духъ принужденья, стройный видъ!....** Но постойте, не уходите еще съ этого вечера. — Ахъ, какъ

* Мысль А. С. Пушкина.

хорошо сердцу вспоминать о немъ! Жалкое перо не можетъ написать вдругъ всего, что говоритъ ему воображеніе и память!.... Вы не замѣтили, можетъ быть, какъ на моемъ чудномъ хороводѣ нимфъ сосредотачивались глаза матерей, когда-то такихъ-же игривыхъ созданій, а теперь скромно сидѣвшихъ вокругъ танцующихъ. Сколько тайныхъ помысловъ и заботъ о дорогихъ дѣтяхъ прошло въ эти минуты съ пріятными, безграничными надеждами по душѣ ихъ?!.. Но если эти дѣвицы, украшенныя благосклонностію веселой минуты, были предметомъ сладкихъ думъ матерей своихъ и доставили нѣсколько беззаботныхъ минутъ четыремъ старикамъ отцамъ, игравшимъ въ свѣтелкѣ въ вистъ, то какъ радовали, пленяли, увлекали онѣ молодыхъ людей!... Странно; на этомъ вечерѣ тягостныя условія приличія были забыты, а и самый легкомысленный не

выходилъ изъ правилъ благопристойности: тайное восхищеніе красотою или огонь чистой любви сближалъ каждаго съ избранною сердцемъ. Только въ кругу сверстниковъ мечтатель не могъ удержать своихъ восторговъ: и, встрѣченный игривыми или почти завистливыми замѣчаніями, давалъ поводъ къ разсказамъ о приключеніяхъ любви многихъ изъ нихъ.... Право, чудные вечера!.... Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, проѣзжая мимо подобнаго вечерняго собранія и вглядываясь сквозь ночной сумракъ въ освѣщенныя окна дома на веселившуюся толпу, когда вся окрестность утопала во мракѣ и тишинѣ, сравнилъ этотъ домъ съ счастливымъ ребенкомъ, у котораго, сквозь свѣтлую радость глазъ, ясно видно невинное веселіе души.

А что-же Эмилія! Ужели и она предалась безпечно общему веселію?—Нѣтъ; но она не мѣшаетъ веселиться другимъ,

даже старается помогать общему удовольствію: она то-съ малютками, то-бесѣдуетъ съ женщинами; но убѣгаетъ рѣчей, которыя коснулись бы ея личности, ея положенія внѣшняго и внутренняго: ей тягостно говорить о себѣ....

А Эдуардъ? — Эдуарду и въ этомъ обществѣ душно; онъ свободнѣе дышалъ одинъ въ аллѣяхъ Элагина - Острова, а теперь онъ опять между людьми..... Правда, между ними нѣтъ ни г-жи Винцевичь, ни Полины, ни Евгеніи, ни глупаго Аркадія; но хитрый ихъ поступокъ усилилъ въ немъ недовѣрчивость и подозрѣніе: и онъ въ этомъ отрадномъ обществѣ переносился мыслями только въ давнопрошедшее, когда за три года передъ тѣмъ онъ, какъ молодой артистъ, былъ введенъ самимъ Гликомъ въ это семейство, и какъ онъ тутъ блаженствовалъ! Теперь онъ то-за роялемъ, играетъ для танцевъ, то-въ другой ком-

натѣ съ сигарою болѣе смотритъ на веселыхъ разскащиковъ, нежели слушаетъ ихъ.

Эмиліи случилось сидѣть возлѣ Эдуарда; изъ всѣхъ вопросовъ, которые рвались изъ ея сердца, она сдѣлала только одинъ: «Не сочиняете-ли вы чего?»

— «Нѣтъ;» отвѣчалъ равнодушно Эдуардъ; «у меня слишкомъ мало времени.»

— «Этому едва можно вѣрить, господинъ Вольфгангъ; для вашего любимаго занятія мало времени!....» сказала Эмилія съ самымъ дружескимъ участіемъ, которое поколебало немного равнодушіе Эдуарда.

— «Если ужъ теперь примусь сочинять,» сказалъ онъ, «то непремѣнно сочиню фантазію: *Дьявольскій міръ!*»

— «Какая страшная мысль! Но если вы сочините это, такъ тутъ,» сказала Эмилія, опустивъ рѣсницы и поправляя

локоны стоявшей возлѣ нея дѣвочки, «вѣрно, будетъ и грусть, и скорбь, и жалобы, и слезы!...»

— «Я ужъ не знаю, что тутъ будетъ....»

— «Господинъ Вольфгангъ,» сказала подошедшая къ нему съ добродушною улыбкою г-жа Гликъ, «если вы еще не забыли вашей кадрили, которою насъ бывало такъ потѣшали, то будьте добры, сыграйте намъ ее опять.» Эдуардъ охотно взялся — и танецъ зашумѣлъ. Послѣднія слова Эмиліи, сказанныя нѣжнѣйшимъ голосомъ и ласковая просьба г-жи Гликъ согрѣли и смягчили сердце Эдуарда, привели его къ поэтическому расположенію: тоска по благамъ, и потеряннымъ и манящимъ, осѣнила его. Г-жа Гликъ сидѣла возлѣ Эдуарда и слушала музыку. При третьей фигурѣ она спросила его: «Зачѣмъ вы однакожъ совсѣмъ насъ забыли?»

— «Нѣтъ,» сказалъ Эдуардъ, «я и за гробомъ не забуду васъ! Я очень помню удовольствіе, которое имѣлъ въ вашемъ домѣ!...»

— «Много у васъ теперь занятій?»

— «Да, теперь очень много.»

— «Казенныя мѣста также имѣете?»

— «Одно.»

— «Вотъ теперь бы вамъ жениться....»

— «Нѣтъ, бракъ отъ меня далекъ.»

— «Отчего-же?»

— «Богатой жены я не ищу; а такой, которая бы могла дѣлить мою жизнь, я не нашелъ.»

— «Послушайте, я вѣдь знаю склонность къ вамъ Эмиліи Гиммельтраумъ: почему не хотите вы осчастливить достойную дѣвушку.... Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ томъ, что я говорю за нее не потому-что люблю ее какъ род-

ную;.... у меня у самой дочери невѣсты....»

— «Вы слишкомъ добры, мадамъ Гликъ! Но почему-жъ вы думаете, что если Эмилія достойная дѣвица, то и я достойный человѣкъ?...»

— «Ахъ, вы, молодые люди, вѣчно уклоняетесь отъ настоящихъ благъ; ищете, Богъ знаетъ, чего: и потомъ проведете жизнь безъ истинныхъ наслажденій для себя и для другихъ!...»

Эдуардъ не отвѣчалъ на это, и только громче заигралъ слѣдующую фигуру кадрили. Послѣднія слова г-жа Гликъ сказала съ нѣкоторымъ соболѣзнованіемъ; но она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя каждое свое слово считаютъ святынею.

Около полуночи возвратился Эдуардъ домой. Болѣзнь матери его усилилась: онъ побылъ нѣсколько минутъ при ней, пока она заснула; потомъ пришелъ въ

свою комнату и, закуривъ трубку, сѣлъ на диванъ. Въ воображеніи его проходили образы минувшаго дня; между ними, по естественной связи понятій и чувствованій, являлись знакомцы Эдуарда въ Ригѣ. И не прошло четверти часа, какъ въ его комнату отворилась дверь и вошелъ Трепенъ, добрый его знакомецъ, учитель Нѣмецкаго языка въ Ригѣ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ; лице его, выражавшее добросердечіе и умъ, походило на облочное теплое небо, на которомъ два яркія солнца — глаза, проявляли каждое движеніе души.

Послѣ дружескихъ привѣтствій, оба пріятеля сѣли на диванъ.

— «Я, по послѣднему твоему письму, рѣшился пристать прямо къ тебѣ,» сказалъ Трепенъ: «здѣсь у меня ни родныхъ, ни знакомыхъ....»

— «Что объ этомъ толковать!» сказалъ Эдуардъ. «Спать есть на чемъ;

кушанье будетъ; а сигаръ и табаку;.... но вотъ распоряжайся ими ad libitum.... Жаль, что ты опять неболѣе трехъ дней здѣсь проживешь: здѣсь, кромѣ одного Клингенау, у меня вовсе нѣтъ друзей... Здѣсь не то, что было въ Ригѣ!...»

— «Des Lebens Lenz blüht einmal und nie wieder!...» * сказалъ Трененъ: «что дѣлать?»

— «Только въ моей жизни прямо послѣ весны наступила самая жестокая зима!» сказалъ Эдуардъ и, поникнувъ глазами въ полъ, продолжалъ, казалось, спокойно курить.

Трененъ взглянулъ на своего друга съ изумленіемъ и, послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ, по-видимому, равнодушно: «А каковы занятія музыкою?»

— «Теперь опять уроковъ довольно: получаю въ годъ около пяти тысячъ....»

— «Нѣтъ, это дѣло интересное; а я

* Только одинъ разъ цвѣтетъ весна жизни.

хотѣлъ узнать то, что еще интереснѣе: ты мнѣ сказывалъ, что изучаешь генералъ-басъ, что намѣренъ писать....»

— «Оперу!.... Ни одной нотки не сочиню! ни одной нотки! Пауза до самой могилы! Вотъ единственная фантазія, которую я могу теперь сочинить!...»

Заэтимъ послѣдовало безмолвіе. Табачный дымъ туманилъ слабый въ комнатѣ свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчи. Душа Эдуарда, мгновенно прояснѣвшая отъ радостнаго нечаяннаго свиданія съ другомъ, опять смутилась.

Трененъ, замѣчая разбросанное въ комнатѣ платье Эдуарда, его горькое равнодушіе къ дорогимъ ему прежде предметамъ поэзіи, и его внутренній хаосъ, сказалъ: «Извини, но меня удивляетъ твой настоящій бытъ! Въ Ригѣ ты бывалъ даже несносенъ съ твоимъ порядкомъ и аккуратностію; предметы твоего

разговора были только музыка да театръ, театръ да музыка....»

— «То было въ Ригѣ....»

— «Такъ опять въ Ригу!» сказалъ Трепенъ шутливо, желая нѣсколько умягчить свою пытливость.

— «Той Риги ужъ нѣтъ, гдѣ ты по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ, едва переводя духъ, у моего фортепіано,» сказалъ Эдуардъ, пустилъ облако дыму и потянулся на диванѣ.

— «Гм, странно!... Послушай, изъ твоихъ писемъ, хотя, не въ упрекъ тебѣ сказать, очень немногихъ, я знаю о твоихъ приключеніяхъ: и еслибъ я не зналъ тебя прежде, еслибъ не зналъ твоей высшей любви и непривязанности къ міру внѣшнему, то настоящее твое положеніе объяснилъ бы себѣ очень естественно; а теперь....»

Эдуардъ молчалъ и, вперивъ мутные глаза въ противоположное зеркало, воз-

лѣ котораго горѣла свѣча, пускалъ густой дымъ.

Трепенъ, обнаруживая своимъ движеніемъ искренно дружеское участіе, спросилъ: «Послушай, гдѣ ты былъ сегодня?»

— «Вотъ видишь,» сказалъ наконецъ Эдуардъ, ставя трубку въ уголъ и немного ободрясь, «видишь, тебѣ, какъ человѣку, какъ другу, котораго послѣднее письмо мнѣ много помогло, тебѣ я не могу не открыться. Чтобы дать понятіе, отчего я такъ перемѣнился, довольно разсказать тебѣ одинъ минувшій день. Вообще ужъ послѣ перваго со мною приключенія и моей болѣзни всѣ люди приняли для меня другой видъ: и странно! тѣ, которыхъ я прежде уважалъ, стали мнѣ подозрительны, ненавистны; а которыхъ убѣгалъ — сдѣлались моими сообщниками, друзьями; а какъ взгляну на нихъ теперь..... Но вотъ по разсказу о

сегодняшнихъ сценахъ, ты увидишь, какъ эти люди на меня дѣйствуютъ. Представь себѣ два міра: одинъ міръ ангеловъ, а другой — дьяволовъ...»

— «Это тѣмъ легче могу себѣ представить, что еще недавно оба міра видѣлъ въ Мильтоновой поэмѣ — *Потерянный Рай.*»

— «Гм, *Потерянный Рай!*... Я не читалъ этой поэмы, а совершенно постигаю, что значитъ потерять Рай!...»

— «Вотъ, по твоему горячему чувству, я опять узнаю Эдуарда! Но прежде твое чувство разогрѣвалось только созданіями поэзіи; людскія продѣлки неслись мимо тебя; посмотримъ, что тебя горячитъ теперь?... И такъ.... я уже представилъ себѣ два міра....»

— «Я къ тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ рѣдко писалъ, что и не помню, говорилъ-ли я о моемъ знакомствѣ съ домомъ Винцевичъ?....»

— «Винцевичь?... Да, да, помню: ты писалъ, что это единственное семейство, которое тебѣ нравится и гдѣ ты принятъ, какъ домашній другъ; гдѣ ты можешь открываться сердцемъ и даже пороптать на судьбу...»

— «Такъ знай, любезный другъ, когда тебѣ случится найти такое-же *единственное* семейство, гдѣ дочери — невѣсты, а мать — колдунья, такъ это, просто, сѣть для молодыхъ людей: тутъ ты непремѣнно женихъ! И если ты какимъ-нибудь случаемъ заблаговременно успѣешь проникнуть въ таинство ихъ колдовства, то ты не будешь знать, какъ отъ нихъ отдѣлаться: демонскія ласки ихъ успѣютъ возбудить въ тебѣ столько человѣческой благородной признательности!... И когда ты вздумаешь бѣжать отъ этихъ людей, то они опять вооружатся всѣми небесными достоинствами, передъ которыми ты невольно благого-

вѣешь.... А они, удерживая тебя одною рукою друга, станутъ другою разрывать могилы твоихъ ближнихъ, шевелить прахъ достойнѣйшихъ и любезнѣйшихъ особъ: и это длятого, чтобы слабостями ихъ защитить себя. И если ты еще не склонишься на ихъ рѣчи, то они мошеннически, святотатски кинутъ въ тебя грязью, плюнутъ на тебя и вмѣстѣ будутъ тебя прославлять людямъ въ самыхъ ядовитыхъ рѣчахъ!...»

— «Какой-же горькій опытъ научилъ твой языкъ дѣлать такія мрачныя, хотя и вѣрныя, изображенія?» спросилъ задумчиво Трепенъ.

Эдуардъ разсказалъ свое знакомство съ домомъ Винцевичь и всѣ ихъ интриги. Онъ разсказалъ это со всѣмъ жаромъ оскорбленнаго сердца молодаго чоловѣка. Трепенъ слушалъ его разсказъ то-съ улыбкою на смѣшныя стороны Винцевичей, то-съ неудовольствіемъ, что Эду-

ардъ слѣпо отдавался приманкамъ, то-съ печалію, что онъ такъ далеко отступилъ отъ назначенія таланта, то-съ горькимъ состраданіемъ ко всему человѣчеству....

— «Прибавь къ этому,.... хоть напримѣръ сегодня-же утромъ,» сказалъ Эдуардъ въ заключеніе своего разсказа.... «Да впрочемъ, вѣдь ты самъ учитель: ты знаешь съ какими непріятностями, даже обидами соединена эта обязанность! Въ одномъ мѣстѣ тебя назовутъ чудомъ; въ другомъ тебѣ покажутъ видъ, будто ты ничего не смыслишь.... Но если подумаю,» продолжалъ онъ смягчась, «какъ, во время моей первой любви, каждая непріятность въ жизни была для меня ничто: все, казалось, я тружусь не одинъ, а вдвоемъ.... Да, теперь, еслибъ не эта, какая-то пустая привязанность къ жизни и еслибъ не мать!...»

— «Ну полно, полно, ты слишкомъ и почти напрасно тревожишься. Вся бѣ-

да, мнѣ кажется, въ твоемъ раздражительномъ сердцѣ. Твоя обязанность уже такого рода, что ты не можешь знать свѣта со всѣми его предразсудками, заблужденіями, слабостями; коротко — со всѣмъ его добромъ и зломъ: а оттого-то и каждый проступокъ людей для тебя ужасенъ. Что дѣлать? Участь многихъ истинныхъ музыкантовъ — подвергаться часто неблагодарности тѣхъ самыхъ людей, которымъ звуками они дали почувствовать гармонію неба.... Да и не однимъ вамъ такая участь!... Зато посмотри на инаго музыканта: онъ явно недоволенъ міромъ; но каковъ онъ въ своей сферѣ? Нѣтъ болѣе зла въ мірѣ, доколѣ звуки проникаютъ его душу!...»

— «Скажи лучше, что такъ бываетъ, только очень-очень рѣдко: потому-что однажды въ жизни можно любить и только иногда встрѣчать людей, которые дѣйствительно наслаждаются музыкою.

А чаще бываетъ, что играешь піесу, а сквозь уши втекаетъ тебѣ прямо въ сердце ядъ, который брызжетъ съ шипящихъ губъ аматеровъ-самозванцевъ. Таковы и самыя похвалы ихъ!... Сколько разъ проклиналъ я себя зато, что игралъ въ подобныхъ обществахъ; и все-же люди такъ неожиданно, такъ хитро умѣютъ убѣдить меня, что я не нахожу словъ къ отказу.... И я играю,— а сердце обливается горечью,.... голова горитъ.... Вотъ тутъ и не скажешь, что нѣтъ болѣе зла въ мірѣ!...»

Тренепъ видѣлъ, что другъ его слишкомъ растревоженъ, чтобы можно было его успокоить истинами и убѣжденіями, и потому вздумалъ навести его на другой предметъ разговора словами: «Но ты ничего не сказалъ мнѣ о твоемъ мірѣ ангеловъ?...»

Эдуардъ немного помолчалъ, немного успокоился, ободрился и началъ опять

говорить: «Да.... что мнѣ сказать? То былъ въ самомъ дѣлѣ міръ ангеловъ, откуда я возвратился съ часъ назадъ..... Право, я не стоилъ быть тамъ!...»

Изобразивъ слегка этотъ вечеръ, Эдуардъ спѣшилъ говорить о главныхъ виновникахъ того общаго удовольствія, которое соединяло гостей: о хозяинѣ и особенно о хозяйкѣ.

— «Ты не повѣришь,» говорилъ онъ, «какъ преимуществуетъ она предъ всѣми женщинами, которыхъ я видалъ доселѣ! На вечерахъ своихъ она кажется и сама гостьею, которой, какъ будто въ очередь между прочими, досталось немного похлопотать для всѣхъ. Но ты не замѣтишь на ней никогда непріятнаго лица или усталости отъ хлопотъ: всему у ней назначено мѣсто, время. Любя, чтобы каждый наслаждался свободою, она и себя не стѣсняетъ: такъ однажды у нихъ на вечерѣ.... Вѣдь и то бѣда, гдѣ

полная свобода, тамъ найдется и злоупотребленіе! Но она умѣетъ отклонять злоупотребленіе.... Одинъ какой-то офицеръ, впрочемъ веселый малый, дотого забылся у нихъ на вечерѣ, что когда мимо него что-нибудь изъ десерта несли для дамъ, то онъ выбиралъ напередъ для себя лучшее и какъ можно побольше.... Человѣкъ этотъ былъ у нихъ принятъ хорошо.... И надо было видѣть, какъ неохотно она замѣтила ему неумѣстную алчность. Проходя съ ключами въ рукѣ черезъ комнату, гдѣ этотъ офицеръ, по его словамъ, запасался опять провизіею на первой станціи, она съ усмѣшкой сказала ему: «*Дамы вамъ заэто благодарны не будутъ!*» и, стыдливо закраснѣвшись, исчезла. А воинъ черезъ минуту только вышелъ изъ замѣшательства и сострилъ: «*Чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ я распоряжаюсь, какъ въ завоеванномъ городѣ!....*» Вообще она очень скром-

на въ своихъ сужденіяхъ: когда я просилъ ея мнѣнія о моихъ піесахъ, она откровенно говорила, правится или не правится ей піеса; прибавляя только: «*Вѣдь вы знаете, что я не музыкантъ и не могу судить рѣшительно.*»

Тренепъ, замѣчая, что предметъ разсказа очень увлекаетъ Эдуарда, съ большимъ участіемъ сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ это рѣдкая женщина!»

— «А мужъ ея!...» продолжалъ съ жаромъ Эдуардъ, «надобно видѣть его, чтобы сказать, что жена была для него ангелъ-хранитель! По домашеству она уберегла его отъ всего, что могло бы помѣшать ему въ музыкальныхъ занятіяхъ. Онъ превосходный знатокъ музыки; это знаетъ цѣлый городъ и признано лучшими музыкантами; но дома онъ, какъ гость или какъ дитя: ни во что не вмѣшивается, ни о чемъ, кажется, не за-

ботится. Всѣ хозяйственныя обязанности жена приняла на себя!...»

— «Такой женѣ обязано не только семейство, но и общество, которому служитъ ея мужъ, или которому онъ приноситъ столько удовольствія....»

— «Вотъ, жди благодарности отъ общества! Что оно смыслитъ?...»

— «Но ты самъ-же говоришь, что его знаетъ цѣлый городъ....»

— «Да конечно найдутся люди, которые согласны съ тобою. Вотъ и сегодня дорогою отъ нихъ одинъ молодой Русскій, — такой впрочемъ энтузіастъ, — превозноситъ ее до небесъ за чудныя достоинства супруги и матери. Онъ мнѣ разсказалъ.... А въ самомъ дѣлѣ это чудесная черта!... Онъ разсказалъ, что послѣ одного большаго и веселаго вечера, который кончился ужиномъ, она, пришедъ въ комнату, гдѣ только были дѣти да очень близкіе молодые люди,

почти упала на стулъ и, смѣясь, сказала, когда малютки около нея прыгали — «Nun bin ich aber müde!» * А черезъ минуту встала и начала опять хозяйничать.... Жаль, сегодня она что-то очень была нездорова!... И странно, когда я спросилъ ее о здоровьѣ, то она, махнувъ рукою, сказала, «*Ахъ, ужъ мое здоровье!....*»

— «Ну а дѣти каковы?

— «О нихъ нельзя ничего сказать: они еще малы; одинъ только сынъ въ университетѣ. Но между ними замѣтно дружелюбное согласіе и горячая любовь къ родителямъ. У старшаго сына бываютъ молодые люди очень образованные.... Когда въ ихъ домѣ явится человѣкъ имъ непріятный, то бываетъ имъ въ большую тягость: и принужденный ихъ пріемъ есть одно средство освободиться отъ такого человѣка.

* Но теперь я ужъ устала!

— «По твоимъ словамъ я вижу, что это семейство одно изъ тѣхъ любезныхъ семействъ, гдѣ преобладаетъ чувство, какъ болѣе свойственное человѣчеству въ дѣлѣ общежитія.»

— «Какъ это?.... Я тебя не совсѣмъ понимаю.»

— «Тебѣ, вѣрно, случалось замѣчать, что въ разныхъ семействахъ, даже очень хорошихъ, въ одномъ руководятся болѣе чувствомъ, въ другихъ — умомъ....»

— «Проклинаю, проклинаю всѣ умныя семейства! Это все Винцевичи! Ха,ха,ха!»

— «Ну, оставимъ сегодня; поговоримъ объ этомъ лучше завтра.... Мнѣ кажется, что и семейство Винцевичь не такъ еще дурно, когда избирало тебя своимъ родственникомъ....»

Эти слова пріятно образумили молодаго, раздражительнаго Эдуарда, и онъ сказалъ: «Ты, добрый философъ; найдешь чѣмъ оправдать хоть кого....»

— «Зачѣмъ-же ты рѣдко посѣщалъ домъ Глика?»

— «Причины ясны: во время моей любви, мнѣ довольно было дома Крупникова; а послѣ того, мнѣ вездѣ несносно скучно....»

— «Тренепъ, не желая упрекомъ за посѣщеніе дома Винцевичь встревожить опять Эдуарда, улегся въ приготовленную постель на диванѣ. Эдуардъ, сидя возлѣ него, съ отраднымъ чувствомъ свиданія разспрашивалъ о его образѣ жизни въ Ригѣ; разсказывалъ, шутя, о своихъ шалостяхъ.... И Тренепъ, въ заключеніе, сказалъ: «Конечно и я веду ужъ не тѣ дни, какіе проводилъ въ дѣтствѣ; но мое правило: каждый возрастъ имѣетъ свои радости и печали; а люди — вездѣ и всегда люди.»

Это прекрасное правило молодаго мудреца было холодно для горячаго и малоопытнаго еще разсудка музыканта.

Отходя ко сну, онъ сказалъ: «А все-же мнѣ думается, что въ Ригѣ только я и пожилъ!....»

— «Спокойной ночи!» сказалъ Трененъ и съ сердечною болью подумалъ: «Какъ перемѣнился, какъ перемѣнился нашъ Эдуардъ!...»

На другой день до самаго обѣда, до четырехъ часовъ, оба друга были заняты: Трененъ — дѣлами, для которыхъ прибылъ въ Петербургъ, Эдуардъ — уроками. Къ обѣду они опять сошлись. За столомъ Трененъ разспрашивалъ Эдуарда о музыкантахъ Петербургскихъ, о ихъ занятіяхъ. Эдуардъ отвѣчалъ на это сухо, очень немного, и часто отговаривался незнакомствомъ съ ними. Замѣтно было, что эти разспросы и утреннія занятія утомляли Эдуарда. Трененъ, сравнивая въ воображеніи своемъ прежняго Эдуарда, котораго онъ зналъ въ Ригѣ, живаго, пламеннаго, оторваннаго отъ

всего житейскаго, стремящагося только къ мечтательному, къ идеальному, съ настоящимъ Эдуардомъ, разочарованнымъ, полнымъ противорѣчій, болѣе раздражительнымъ ропщуномъ, нежели благородно негодующимъ человѣкомъ, — страдалъ за погибающаго молодаго собрата. Скрывая свое страданіе, онъ придумывалъ средства опять усилить священный огонь таланта, которымъ пылало прежде сердце Эдуарда и который теперь видимо угасаетъ.

— «Ну, теперь дай послушать твоей музы!» сказалъ Тренепъ Эдуарду послѣ обѣда.

— «Нѣтъ, прежде надо немного посидѣть спокойно, чтобы не помѣшать пищеваренію,» сказалъ Эдуардъ, закуривая сигару.

— «Вишь какой гастрономъ!... А бывало въ Ригѣ — отъ сна до обѣда и отъ обѣда до сна — все у фортепіано.»

— «Тогда я былъ малъ..... Quid decet bovi, non decet Jovi!... Видишь, я еще помню твою любимую поговорку.»

— «Вижу, вижу,» сказалъ Трененъ, съ сокрушеніемъ улыбаясь неумѣстной сентенціи и опытной философіи Эдуарда.

Выкуривъ сигару, Эдуардъ сѣлъ за рояль.

— «Сыграй что-нибудь изъ твоихъ послѣднихъ сочиненій,» сказалъ Трененъ.

— «Изволь, для тебя — самое послѣднее, что и играю, можетъ быть, въ послѣдній разъ!...»

— «Что такое?»

— «Это — конецъ всѣхъ моихъ безумій!... Болѣе уже и не буду глупъ!... Это — интродукція къ увертюрѣ, которую-было я началъ сочинять для оперы, подъ названіемъ, *Безумная ревность*.... Га, га, га!...»

Съ самыхъ первыхъ аккордовъ до кон-

ца интродукціи Трененъ былъ въ восхищеніи: его изумляла смѣлость таланта, плепительные переходы изъ тона въ тонъ, борьба сильнѣйшихъ чувствъ, борьба отчаянія и сомнѣнія, бѣшенства и безпредѣльныхъ требованій; наконецъ успокоеніе ихъ и переливъ въ нѣжное, страстное состояніе, переливъ въ самое пленительное адажіо, за которымъ должно было начаться аллегро. Восхищенный Трененъ просилъ повторить эту интродукцію и безпрестанно восклицалъ: «Прелесть! чудо! единственно!»

Искреннее участіе друга разогрѣло сердце Эдуарда: онъ явился опять артистомъ.

— «Послушай, когда-жъ ты будешь продолжать эту оперу?» спросилъ Трененъ.

— «Никогда!» отвѣчалъ Эдуардъ, важно, съ властительностію таланта. «А вотъ хорошая піеса Мендельсона!...»

Трененъ, хорошо зная свойство нѣжнаго сердца, особенно музыканта, зная какъ его огорчаетъ, раздражаетъ замѣчаніе неприготовленное и не во время сдѣланное, и видя, что Эдуардъ опять въ поэтическомъ расположеніи, далъ ему волю играть. День былъ холодный, но воздухъ здоровый, крѣпительный: что также дѣйствовало на Эдуарда, подверженнаго вліянію атмосферы. Самый рояль былъ звучнѣе отъ холода. Выбранныя Эдуардомъ піесы были прелестны. Оба друга вполнѣ наслаждались. Наконецъ Эдуардъ игралъ любимую Трененомъ сонату Бетговена. Трененъ называлъ ее всегда прекрасною повѣстію. Въ интродукціи слышалъ онъ какое-то необыкновенное приключеніе въ жизни, полной блистательныхъ надеждъ; заэтимъ аллегро разсказывало ему эту прекрасную жизнь; потомъ въ адажіо эта жизнь, уже послѣ приключенія, принимала свой

правильный ходъ, мирный, довольный, между молитвъ и размышленій, уже безъ всякаго блеска; и наконецъ грустный финалъ, казалось ему, выражалъ тоску души по небесной отчизнѣ.

Трепенъ былъ очень доволенъ сонатою: и Эдуардъ радовался, что угодилъ ему. Музыка настроила одинаково души и сердца друзей. Трепенъ видѣлъ, что теперь явилась минута, въ которую Эдуарду можно говорить голосомъ разсудка. Онъ поцѣловалъ его, сказавъ: «Давно уже я не наслаждался такъ музыкою!» Эдуардъ отвѣчалъ ему крѣпкими объятіями и жаркимъ поцѣлуемъ.

— «Но, скажи пожалусто,» началъ Трепенъ, «неужели ты не будешь продолжать твоей оперы?... Вѣдь увертюра — чудная!...»

— «Право, теперь не чувствую въ себѣ той силы, которая владѣла мною тогда, когда я началъ-было сочинять опе-

ру. Одинъ Русскій поэтъ написалъ уже и слова; да я не ходилъ къ нему за ними. Вчера онъ мнѣ встрѣтился,... спрашиваетъ.... Я горю стыдомъ.... Но, право, писать вовсе нѣтъ охоты!»

— «Странно! Какъ хочешь, а я не одобрю такого изнеможенія отъ неудачной любви. Несчастный случай въ твоей жизни долженъ бы тебѣ быть только урокомъ и очень полезнымъ; теперь пересматривая его, разбирая его, такъ сказать, по частямъ, ты могъ бы его поэтизировать.... Да и что такое любовь?—Поэзія!...»

—«Бездѣлица! Поэзія!... Такъ представь-же себѣ — каково лишиться поэзіи?...»

—«Я называю любовію не предметъ любви, а это волшебное состояніе души, это возрожденіе человѣка, когда ему весь міръ и его Творецъ сдѣлаются доступнѣе; когда все для него дышетъ райскою

жизнію; когда онъ самъ выше всего, когда онъ каждый недостатокъ хочетъ пополнить, каждымъ совершенствомъ — украситься, все лучшее хочетъ принесть на жертву тому, кто для него лучше всего!... Таковы дѣйствія поэзіи!.... Но вотъ здѣсь человѣкъ часто заблуждается: увлекаемый красотами, созданіями неба, онъ всѣ эти созданія видитъ вдругъ въ одномъ земномъ существѣ. Судьба хочетъ ему показать его заблужденіе — отнимаетъ у него друга, который часто и недостоинъ его, а онъ — впадаетъ въ отчаяніе; теряя одинъ цвѣтокъ, думаетъ, что лишается цѣлаго міра!... Вотъ это мученіе составляетъ другую поэтическую сторону любви для поэта. Перенеси онъ это горе, — онъ снова увидѣлъ бы непрочность земнаго счастія и еще сильнѣе прилепился бы къ небесному: и область его творческой фантазіи украсилась бы новыми цвѣта-

ми; и онъ и міръ стали бы оттого богаче!... Ты слыхалъ о Петраркѣ: онъ любилъ безнадежно, страдалъ, когда предметъ любви его исчезъ во гробѣ, и все же высшая его любовь была отдана пользѣ, славѣ и музамъ...»

— «Гм; ты хорошо постигаешь любовь: ты сказалъ, что влюбленный все лучшее хочетъ принесть той, которая для него лучше всего...»

— «Эта мысль не новая:

Das Schönste sucht er auf den Fluren,
Womit er seine Liebe schmückt.

сказалъ Шиллеръ.»

— «Да, это правда! Все, что я ни дѣлалъ, я всегда помнилъ о *ней!*... И эту оперу я хотѣлъ *ей* посвятить!...»

— «Видишь-ли, *ей!*... Да за что-же нашъ братъ, которому цвѣты поэзіи дороги, какъ манна Израильтянамъ въ песчаной пустынѣ, за что-же мы...»

— «Если бъ я посвятилъ *ей* мою оперу, люди не лишились бы слышать это произведеніе.»

— «А теперь лишены: потому-что любя одну, ты забылъ цѣлый міръ; а лишась ея, ты только и думаешь о своемъ горѣ.»

— «Теперь я ни о чемъ не думаю; а міру и безъ меня многіе угождаютъ; для меня-же онъ слишкомъ золъ!»

— «Слѣдовательно и я для тебя золъ, и твоя добрая мать, и покойный нашъ Бекъ, и...»

— «Ну, ну, помилуй, помилуй!... Я совсѣмъ такъ не думалъ!... Есть у меня непріятели, даже враги между чужими и своими...»

— «Нѣкоторые не составляютъ міра..»

— «Вотъ, напримѣръ, пиши оперу для такихъ, какъ Винцевичи! Случалось, я играю печальную піесу: — мать вздыхаетъ, плачетъ; — а черезъ часъ на-

чнется такая хохотня!.. или подымутся насмѣшливые толки о знакомыхъ...»

— «Дались тебѣ Винцевичи! Я въ нихъ вовсе не вижу такихъ бѣсительныхъ персонъ.»

— «Да какъ, помилуй!... Пусть Евфалія!... На!.. Та начала равнодушѣть; потомъ вдругъ выходитъ за другаго.... Я не старался, я не могъ пуститься узнавать, какъ это случилось?.. Я только чуть съ ума не сошелъ!... На!... она легкомысленна!... Но тутъ, влюбиться въ меня, принимать меня въ домъ за роднаго и — подсылать кухарку узнавать не мошенникъ-ли, не подлецъ-ли я?!.. Послѣ этого имѣй духу оправдать ихъ!»

— «Оправдать ихъ совершенно — я не могу: твое открытое лице, твой образъ мыслей уже довольно внушаютъ довѣрія къ тебѣ.... Но предположи и то, что онѣ женщины, не могли тебя знать ко-

ротко; что бракъ дѣло такое, для котораго нужно быть очень осторожнымъ..»

— «Но, такъ низко быть осторожными?..»

— «Да защищая ихъ, я все-таки скажу: хорошо, что этотъ бракъ между вами не состоялся..»

— «Да счего онѣ взяли, что я хочу жениться? Я вовсе не намѣренъ жениться; я пленялся Евгеніею только потому, что она это время такъ обворожительно привлекала меня!..»

— «Обворожительно!... А сколько для того отнялъ ты времени у другой чародѣйки, — у твоей музы?» сказалъ съ нѣжностію Трененъ.

Эдуардъ усмѣхнулся, побѣжденный замѣчаніями и нѣжными упреками друга.

— «Длячего бы тебѣ,» продолжалъ Трененъ, «когда уже ты узналъ тщету любви страстной, длячего бы тебѣ не жениться теперь на доброй дѣвушкѣ?

Чѣмъ не подруга тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, эта Эмилія, которая все еще къ тебѣ не равнодушна и которая имѣетъ столько рѣдкихъ качествъ?.. »

Эдуардъ не возражалъ на это; и Тренен продолжалъ: «Не думай, впрочемъ, что, утѣшая тебя моими истинами, я самъ руковожусь ими завсегда; или, что я не болѣю сердцемъ, обрѣтая наше земное счастіе только въ мечтахъ. Я и самъ не очень довѣрчивъ къ людямъ: иногда они, можетъ быть, и искренны со мною, а все какъ-то остерегаешься. Встрѣчался и я съ вѣроломствомъ людей. Какъ быть?... Любовь, любовь! Что изъ нея сдѣлали?! Предметъ разговоровъ въ гостиной вмѣстѣ съ предметами о политикѣ и неудачныхъ женитьбахъ, о кухаркахъ и литературѣ, о собачкахъ и современно удивительныхъ допотопныхъ примадоннахъ!.. Но вамъ, поэтамъ, давно бы пора поду-

мать, что любовь для васъ есть только прелестное заблужденіе. Прелестное! правда, но все-таки заблужденіе!..»

— «Съ тобою славно побесѣдовать!» сказалъ Эдуардъ и сѣлъ къ роялю.

— «Сыграй опять твою интродукцію, если охота есть, для заключенія нашей философской бесѣды,» сказалъ Трененъ и погрузился въ сладкіе звуки.

На слѣдующій день Трененъ отправился въ Москву. Друзья разстались въ слезахъ. Трененъ сколько ни крушился о томъ, что слова его мало измѣнили друга, все-же радовался слезамъ его: онъ видѣлъ въ нихъ залогъ къ исправленію.

II.

Гляжу съ унылымъ чувствомъ я
На свѣтлый міръ, красы природы —
На званый праздникъ бытія.
Мелькаютъ дни, проходятъ годы....
А въ мірѣ бытіе мое
Ни съ кѣмъ не связано, ни для кого ненужно,
Не бьется сердце мнѣ ни чье, ...

В. С. Филимоновъ.

Кто на отчужденной груди
Скреститъ страдальческіе руки?...

Б. Александровъ.

Три дня, проведенные съ добрымъ и умнымъ другомъ, оставили глубокія впечатлѣнія въ душѣ Эдуарда. По отъ-

ѣздѣ Тренена, всякое заблужденіе казалось ему ненавистнымъ: онъ душою приближался опять къ поэтическому состоянію. Всѣ поступки его съ самаго дѣтства приходили ему на память и въ воображеніе; — самая любовь и настоящія его отношенія къ людямъ, съ ихъ прелестями и измѣнами.... Душа его окрылялась, парила грустнымъ геніемъ надъ всѣми ея утратами.... Эдуардъ садился за рояль; но прелестныя созданія души недолго облекались прелестными звуками: два, три неудачные аккорда огорчали его, и онъ, оставляя свою фантазію, выбиралъ скорѣе какое нубудь новѣйшее произведеніе Гуммеля, Герца и другихъ. Такъ проходила цѣлая недѣля послѣ отъѣзда Тренена; Эдуардъ не былъ ни у кого изъ знакомыхъ; время его текло между уроками, занятіями музыкою и заботами о больной матери.

Болѣзнь г-жи Вольфгангъ все болѣе

и болѣе усиливалась. Наконецъ часъ ея пробилъ. Сентябрь мѣсяцъ въ Петербургѣ обыкновенно мѣсяцъ смерти. Однажды день былъ грустный, холодный, ненастный, какъ участь нашей страдалицы. Эдуардъ, возвратясь домой, узналъ съ сердечною тревогою, что мать послала за пасторомъ. Эдуардъ тихо и безмолвно вошелъ въ комнату умирающей. Послѣ минутнаго молчанія, мучаясь предсмертнымъ страданіемъ, мать подала ему руку и прерывисто говорила: «Любезный сынъ!... Господь Богъ призываетъ меня къ Себѣ!... Я оставляю тебя.... подъ Его покровомъ!... Если ты увидишься когда.... съ отцемъ твоимъ и братьями,.... скажи,.... въ послѣднія минуты я.... о нихъ вспоминала, какъ любящая жена и мать!.... Я не ропщу на жизнь,.... ты былъ моимъ утѣшеніемъ и опорою.... Жаль, что ты.... остаешься одинъ!... безъ подруги!... Если ты взду-

маешь жениться,.... одна, которую я могу указать.... тебѣ,... достойнѣйшая!... Эмилія Гиммельтраумъ... Если я тебя когда-нибудь чѣмъ огорчила — прости меня!...

— «О! маменька! я! одинъ я долженъ у тебя просить прощенія!» сказалъ въ слезахъ Эдуардъ.

— «Богъ проститъ тебѣ твои заблужденія, любезный Эдуардъ!...»

При этихъ словахъ вошелъ пасторъ.

— «Дай мнѣ теперь,» сказала г-жа Вольфгангъ сыну, «совершить послѣднее мое дѣло на землѣ!...»

Эдуардъ вышелъ изъ комнаты умиравшей. Черезъ десять минутъ терпѣливой страдалицы не стало.

Сынъ пролилъ слезы надъ усопшею, но не рвался, не рыдалъ: онъ временемъ, болѣзнію матери и грустію былъ приготовленъ къ этой минутѣ; а хлопо-

ты, по случаю погребенія тѣла, не дали ему свободной минуты для печали.

Ксчастію, большую половину этихъ хлопотъ приняла на себя ближайшая пріятельница покойной, г-жа Гиммельтраумъ съ племянницею. Онѣ, съ заботливостію родныхъ, одѣли усопшую; напоминали Эдуарду все, что онъ, по незнанію или по совершенной непривычкѣ къ хозяйственнымъ хлопотамъ, оставлялъ безъ вниманія. Эдуардъ дозволилъ г-жѣ Гиммельтраумъ совершенно располагать имъ: въ тоскѣ, среди похоронныхъ заботъ, онъ видѣлъ въ ней почти мать свою. «Дѣлайте все, что вы хотите, добрая г-жа Гиммельтраумъ!» говорилъ онъ. «Когда надобны деньги — извольте!...»

Наконецъ, черезъ три дня, тѣло усопшей предали землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.... Съ могильной тишины кладбища, еще болѣе мрачнаго подъ угрюмымъ Сентябрскимъ небомъ, въ туманномъ воз-

духѣ, Эдуардъ возвратился домой почти въ такую-же тишину.... Ночь и утомленіе помогли ему заснуть.

И вотъ — Эдуардъ одинъ!... Одинъ!... Это слово здѣсь представляется мнѣ ударами маятника въ давно опустѣлыхъ покояхъ, или біеніемъ сердца въ трупѣ мертвеца.... Занятіе на урокахъ нѣсколько удаляло отъ Эдуарда мысль объ одиночествѣ; но дома — дома онъ одинъ!... Бывали минуты, когда и изъ дома, отъ родныхъ, онъ хотѣлъ бѣжать.... или хоть удалялся въ свой мечтательный міръ; но теперь этотъ міръ для него не существуетъ. Ему бѣжать не отъ кого: онъ одинъ!... Одинъ!... И потому-что одинъ, онъ хотѣлъ бы убѣжать отъ самаго себя.... Невозможно!... Га! онъ походилъ на человѣка, прикованнаго къ скалѣ, въ сердце котораго хищная птица, съ раскрытымъ клевомъ, устремила жадный взглядъ свой....

Три дня пробылъ Эдуардъ въ этомъ состояніи; на четвертый ему казалось, что языкъ его сохнетъ; кровь въ жилахъ льется медленно; руки и ноги охолодѣли; сердце въ груди катается какъ камень. «Виномъ разогрѣю кровь!» сказалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, стаканъ вина ободрилъ его, но не утолилъ тоски: душа его рвалась къ людямъ. Но куда? Клингенау занятъ; въ другое мѣсто не хочется ему.... «Пойду въ театръ!» подумалъ онъ и вышелъ изъ дома. Вечеръ былъ темный, холодный; на улицѣ тишина; огни въ домахъ уже давно зажглись. Почти на каждое освѣщенное окно Эдуардъ взглядывалъ съ какимъ-то унылымъ стремленіемъ.... Сквозь окно въ одной пекарнѣ онъ съ любопытствомъ видѣлъ, какъ у стойки, закладенной булками, сухарями, ситниками, стояла молодая дѣвушка, совершенно углубясь въ книгу, и какъ она, оторвавшись отъ

книги на минуту, чтобы удовлетворить покупателей, опять жадно принялась за чтеніе. А въ сосѣдней комнатѣ другая дѣвушка играла на фортепіано.... Эдуардъ оторвалъ свои глаза отъ этой сцены, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ далѣе и остановился противъ каменнаго дома. Много оконъ было освѣщено въ этомъ домѣ, но во второмъ этажѣ только три: и на эти-то три окна Эдуардъ заглядѣлся. Стѣны комнаты были голубыя; у оконъ шелковыя малиновыя занавѣсы. Сердце его пыло; воображеніе его украсило эту комнату хорошею мебелью, семейными портретами. Ему казалось, что доброе семейство собралось въ этой комнатѣ; еще два, три пріятеля.... Разговоры льются; анекдоты, смѣхъ, замыслы, надежды на удовольствіе въ будущемъ оживляютъ бесѣду! «Моя дорога мимо!» подумалъ онъ, отеръ холодный потъ съ лица, закутался въ плащъ и напялъ дрожки.

Въ самомъ дѣлѣ не одно любопытство заставляетъ насъ иногда взглядывать въ домы другихъ: тутъ есть темное желаніе дѣлить удовольствія, которыми соединена жизнь всѣхъ людей. И каково-же взглянуть въ ту минуту, когда вы чувствуете потребность общественности, — и по какимъ-либо отношеніямъ или обстоятельствамъ не можете удовлетворить своей потребности?.... А вы не отшельникъ, добровольно отказавшійся отъ общежитія!....

Публики было много въ Большемъ театрѣ. Блескъ огней, разноцвѣтность прихотливыхъ нарядовъ, множество лицъ, хотя и мало прелестныхъ, вывели Эдуарда изъ печальнаго положенія. Онъ охотно подавалъ руку привѣтствовавшимъ его, пока дошелъ до своего мѣста въ четвертомъ ряду креселъ. Давали оперу, *Сорока воровка.* Эдуарду пришлось сидѣть между какимъ-то пожилымъ чинов-

никомъ со звѣздою и молодымъ кавалеристомъ: и съ самой увертюры до конца перваго дѣйствія ему надобно было слышать, какъ-будто дополненіе къ Россиніевой музыкѣ, то-побрякиванье сабли или шпоръ, то-приторное безчувственное восхищеніе чиновника, которому сосѣдъ безпрестанно говорилъ что-нибудь въ похвалу, напримѣръ: «*Ваше превосходительство въ совершенствѣ оцѣниваете сего безсмертнаго композитора!*» или, «*Ваше превосходительство равно можете быть истиннымъ судьею въ театрѣ какъ и въ сенатѣ!*» Но *на сіе послѣднее* кавалерственный цѣнитель улыбался немного иронически, хотя и не безъ самодовольствія.... Болѣе-же всего раздражало Эдуарда неумѣстное рукоплесканье въ ту минуту, когда пленительная мелодія уводила душу его въ небо: оно казалось ему то-преисподнимъ, адскимъ хлопаньемъ, то-хлопаньемъ ос-

линыхъ ушей..... Но когда усерднѣйшій хлопальщикъ, его сосѣдъ, кавалеристъ, тотчасъ, по опущеніи занавѣса, обратясь къ сидѣвшему за нимъ товарищу, сказалъ: «А какую князь Дмитрій купилъ себѣ лошадь! — просто, заглядѣнье!» то Эдуардъ, вскочивъ съ мѣста, опрометью выбѣжалъ изъ ряда. У оркестра былъ онъ остановленъ толпою молодыхъ аматеровъ. На обыкновенныя ихъ вопросы: «Какъ, кто и что правится?» Эдуардъ отвѣчалъ: «Музыка ужъ новая и пѣвцы всѣмъ извѣстны.» Приэтомъ нѣкоторые улыбнулись; двое деньди даже отошли, соглашаясь насмѣшливо въ томъ, что Вольфгангъ, ксожалѣнію, говоритъ не такъ нѣжно, какъ играетъ. «Одно только скажу, господа,» продолжалъ Эдуардъ съ восторгомъ, «что воспитанница Воробьева будетъ скоро восхищать не одинъ Петербургъ!»

— «Браво!» возразилъ на это какой-

то молодой человѣкъ. «Чтобъ отблагодарить васъ за такой восторгъ, я непремѣнно перескажу ей ваши слова!»*

— «Но, скажите, господа!» заговорилъ другой, «давно-ли нашъ Гостиновъ пересталъ такъ жарко защищать Итальянскую музыку?!....»

— «Съ тѣхъ поръ,» сказалъ кто-то, «какъ онъ познакомился съ богачемъ Тѣлятинскимъ, обожателемъ Нѣмецкой оперы.»

— «Такъ онъ не безъ пользы знакомиться съ богатыми....»

— «По крайней мѣрѣ остается имъ благодаренъ....»

Эдуардъ съ удивленіемъ слышалъ насмѣшки надъ Гостиновымъ, съ которымъ за минуту эти-же самые насмѣшники обошлись, какъ съ другомъ.

* Нашъ прекрасный талантъ, г-жа Петрова, урожденная Воробьева, была тогда еще воспитанницею дирекціи Петербургскихъ театровъ.

Къ Эдуарду подошли еще нѣсколько лицъ: но онъ, замѣтивъ, что между верхними ложами есть незанятыя, поспѣшилъ перемѣнить свой билетъ, и помѣстился въ ложѣ одинъ.

Такъ-то въ свѣтѣ иногда ведется: рвешься въ него душею; а какъ придешь, то не знаешь гдѣ мѣсто найти!

Растревоженный Эдуардъ сдѣлался теперь болѣе наблюдателемъ партера, нежели зрителемъ представленія. Если до него не доходили словесныя замѣчанія, то тѣлодвиженія разговаривавшихъ цѣнителей были ему всѣ открыты. Онъ видѣлъ, какъ иной, поправляя свои два десятка волосъ на головѣ и густые эполеты, пожималъ плечами отъ восхищенія, или хлопалъ въ ладоши до тѣхъ поръ, пока въ первомъ ряду кто-то изъ важныхъ особъ также грѣлъ свои руки. Подобное видѣлъ онъ въ другомъ мѣстѣ: какой-то мужчина лѣтъ сорока, при

нѣкоторыхъ аріяхъ приходя въ умиленіе, съ сладенькою миною перегибался въ креслахъ и, замѣчая, что въ ложѣ какая-то пожилая, но властительная дама, сидѣвшая возлѣ престарѣлаго генерала, начинаетъ хлопать, клалъ свою шляпу между колѣнъ, поджималъ ноги подъ кресло и, весь скоробясь, хлопалъ изъ всей силы. Онъ видѣлъ какъ двое военныхъ во время дѣйствія разговаривали, казалось, вовсе не о сценѣ; когда-же всѣ апплодировали, то и они усердно помогали. «Рабы!» подумалъ Эдуардъ съ негодованіемъ.

Въ эту минуту, при всеобщей тишинѣ, въ которую привела милою выразительностію своею г-жа Воробьева, вдругъ и очень благозвучно выкатилось изъ чьего-то горлышка «*браво!*» Эдуардъ взглянулъ на это горлышко, украшенное двумя орденами, и узналъ въ немъ того, котораго все право на подобныя оцѣн-

ки составляли: звучный басъ, статное туловище, три тысячи душъ крестьянъ и еще кое-какія принадлежности, и который точно также говорилъ *браво* и тогда, когда видѣлъ борьбу своихъ дворовыхъ людей. «Вотъ цѣнители!» подумалъ Эдуардъ. «А мнѣ такъ хотѣлось блистать!.... Глупецъ, есть передъ кѣмъ!»

Эдуардъ въ жару негодованія замѣчалъ только тѣхъ въ театрѣ, которые увеличивали въ немъ это чувство. Онъ не видалъ, что тутъ-же сидѣлъ въ задумчивости, весь отданный музыкѣ, Крупниковъ; что въ нѣсколькихъ ложахъ миленькія головки, склонясь на полненькія ручки, вздыхали; нѣкоторыя даже отирали слезы. А сколько еще онъ не видѣлъ, что только можно слышать въ откровенномъ разговорѣ; какъ уносилось воображеніе иныхъ молодыхъ людей при звукахъ гармоніи; какъ чувство,

расплавляясь, отрѣшало ихъ отъ ежедневныхъ, по неизбѣжныхъ мелочей жизни!... Онъ не думалъ объ этомъ: онъ негодовалъ. Что дѣлать? Мы иногда все видимъ въ туманѣ, когда собственная душа наша отуманена.

По окончаніи спектакля, Эдуардъ спѣшилъ по лѣстницамъ сквозь множество народа, между восклицаній: *ахъ, какъ хорошо! ахъ, какъ мило!* и заботъ о томъ, что *не забыли-ли лорнетку въ ложѣ? Найдетъ-ли Иванъ карету?*... Въ корридорѣ Эдуардъ встрѣтилъ почтеннаго музыканта, Глика, и обѣщалъ въ скоромъ времени посѣтить его семейство.

Проходили дни, недѣли; прошелъ цѣлый мѣсяцъ; Эдуардъ никого не навѣщалъ изъ знакомыхъ своихъ. У него были раза два Клингенау, двоюродная сестра Луиза, да безвыходно гостила — тоска; тоска, отъ которой бѣжитъ всякое веселье, густѣетъ кровь, разсудокъ

мрачится и — безуміе бываетъ удѣломъ. Тоску эту увеличивали и мелочныя домашнія потребности, которыхъ Эдуардъ вовсе не зналъ до смерти матери, и нѣкоторыя другія непріятности. Такъ однажды былъ онъ обезпокоенъ шумомъ на корридорѣ у дверей своей квартиры: работница, почти задыхаясь отъ досады, разсказывала ему: «Да вотъ-съ эта жильцова горничная, черезъ-чуръ любознайка такая! Все ходитъ, да подсматриваетъ, разузнаетъ, да вывѣдываетъ: *«кто вишь у насъ бываетъ? да съ кѣмъ баринъ молодой знакомство водитъ?»* Да вотъ всякіе другіе такіе пустяки... »

— «Зачѣмъ-же она спрашиваетъ? » сказалъ Эдуардъ.

— «Да видите, сударь, у нихъ дочки-невѣсты, такъ думаютъ не женитесь-ли вы на нихъ-съ?... »

Эдуардъ улыбнулся.

— «А вотъ я,» продолжала работни-

ца, «увидала, что теперь горничная-то опять у дверей.... право, вотъ какъ-будто нюхаетъ, стоитъ не шелохнется, какъ кошка прижалась: я увидѣла въ замочную скважину, да какъ распахну дверь— прямо ей въ лобъ, она и завизжала...»

— «Но, прошу, впередъ этакъ не поступать: можно отогнать и словами....»

Въ это время одиночной тоски, получилъ Эдуардъ письмо отъ братьевъ. Хотя оно состояло изъ обыкновенныхъ холодныхъ сожалѣній о смерти матери, изъ объявленій о томъ, что они живутъ въ довольствѣ, чего и брату желаютъ; — но несчастливецъ былъ этому письму радъ, какъ узникъ мотыльку.

Вечеромъ одного Воскресенья было ему на душѣ отраднѣе: и онъ посѣтилъ домъ Глика. Здѣсь скромно и коротко сожалѣли о томъ, что онъ лишился матери. Истинное участіе въ подобныхъ случаяхъ немногословно. Гостей было—

нѣсколько дѣвицъ, между которыми и Эмилія Гиммельтраумъ, и трое молодыхъ людей. На ту пору г-жа Гликъ хотя и охотно сидѣла между гостями, но говорила мало и съ трудомъ переходила изъ комнаты въ другую, гдѣ ложилась на нѣсколько минутъ, какъ она выражалась, *отдохнуть:* но собственно этого требовала ея болѣзнь. Самого Глика не было дома: онъ ушелъ въ оркестръ на вечернее представленіе.

Эдуардъ подошелъ къ г-жѣ Гликъ, когда она шла медленно по комнатѣ. Они сѣли у стѣны поотдаль отъ того преддиваннаго стола, за которымъ молодые люди и дѣвицы играли въ вопросы и отвѣты.

— «Я хотѣла было въ той комнатѣ лечь отдохнуть, да угарно немного отъ самовара,» сказала г-жа Гликъ.

Эдуарда болѣзненно поражала истлѣвающая жизнь въ доброй матери добра-

го семейства, хотя она и старалась быть радушною, даже веселою. Онъ сказалъ ей: «Лѣтомъ, когда я васъ видѣлъ, вы не такъ были еще слабы, мадамъ Гликъ! Позвольте спросить, — развѣ вы не лечитесь?»

— «Ахъ, что лечиться! Я увѣрена, когда начну лечиться, то совершенно слягу...»

— «Вы слишкомъ мало вѣрите докторамъ..»

— «Ахъ, я никому не вѣрю!..»

Такой образъ мыслей показался Эдуарду страннымъ, даже кольнулъ его чувствительность. «Слѣдовательно и мнѣ вы не вѣрите?!» хотѣлъ онъ спросить и— остановился: онъ очень уважалъ г-жу Гликъ, и потому легко себѣ представилъ, что такія мысли были слѣдствіемъ какого-нибудь нерасположенія.

Послѣ нѣкотораго молчанія г-жа Гликъ

спросила: «Чѣмъ вы теперь занимаетесь, г-нъ Вольфгангъ.»

— «Я теперь занимаюсь только обученіемъ: все время у меня посвящено урокамъ.»

— «Не сочиняете-ли чего?»

— «Нѣтъ; я оставилъ это, какъ не мое дѣло. Начиналъ изучать генералъ-басъ, но — и то оставилъ... Съ лѣтами ко всему охота проходитъ...»

— «Не будете-ли участвовать въ концертахъ во время поста?»

— «Теперь трудно показывать свое искусство: пріѣзжаютъ все такіе виртуозы!.. Публика начинаетъ требовать большой отчетливости въ игрѣ, хоть и не всегда истиннаго наслажденія!..»

— «Такъ вы кромѣ уроковъ ничѣмъ не разнообразите своего времени?»

— «Почти ничѣмъ.... Въ общество ходить — мнѣ скука: тамъ столько интригъ, самолюбія, равнодушія!.... Въ

иномъ тотчасъ попадешь въ женихи;.... въ иномъ попросятъ играть — и всѣ начнутъ говорить подъ музыку, и никто не слушаетъ.... Мнѣ скучно одному, правда; но все-же лучше грустить одному, нежели веселиться въ такихъ обществахъ!..»

— «И я опять вижу, что вы не можете жить одинокимъ.»

— «Это правда!» сказалъ со вздохомъ Эдуардъ.

— «Видите,» говорила г-жа Гликъ, добродушно улыбаясь, «не права-ли я, что совѣтовала вамъ, помните, жениться?... Когда вы бывали у насъ первые разы, назадъ тому, кажется, года три, то вы были совсѣмъ другой человѣкъ. Да, тогда вы жили съ родителями, съ братьями: вы не были одинъ!»

Почтеніе, которое Эдуардъ питалъ къ г-жѣ Гликъ, ея болѣзненный видъ и желаніе не казаться больною, материнскій

образъ настоящаго разговора, — все внушало молодому несчастливцу довѣріе къ благоразумной, доброй собесѣдницѣ.

— «Мнѣ кажется,» сказалъ онъ, «едва-ли бы я нашелъ подругу, которой бы могъ совершенно отдаться.... Да и мой образъ жизни...»

— «Я васъ знала всегда съ хорошей стороны. Если вы заблуждались.... Но что жъ дѣлать? Jugend hat keine Tugend!.» *

— «Извините, я хотѣлъ сказать, что по занятіямъ моимъ я рѣдко бываю дома... Теперь, если мнѣ несносно одиночество, то каково-же будетъ оно для молодой женщины? для женщины, которая всегда любитъ болѣе общежитіе, любитъ безпрестанно быть съ кѣмъ-нибудь...»

— «Нин!.. помилуйте! Вы бы меня не узнали теперь, еслибъ видѣли меня

* Юность не имѣетъ добродѣтели. — Пословица, какъ у насъ: Мóлодо, такъ и зéлено.

въ дѣвушкахъ. Я только и рвалась, какъ бы мнѣ быть на балѣ; или хоть гдѣ-нибудь потанцовать. Надобно вамъ сказать, что моя покойная матушка не умѣла жить; Богъ съ нею! А батюшка былъ слишкомъ скупъ. Была еще у меня сестра, но почти всегда больная, слабоумная... Она жила все у насъ теперь, и недавно умерла... Такъ я по хозяйству сколько бывало ни хлопочу, а все— только и заботы о моемъ гардеробѣ; хотя онъ и весь, ха, ха, состоялъ изъ трехъ платьевъ!... Я такъ была рѣзва, что когда зимою у насъ на дворѣ бывали горы, то я съ хозяйскою дочерью— веселою Русскою дѣвицею — съ этихъ горъ каталась на ногахъ!..»

— «Ужъ этого я никакъ не подозрѣвалъ за вами, смотря на васъ и на вашихъ дѣтей теперь!..»

— «И когда я выходила замужъ, я только и имѣла въ головѣ, что еще ве-

селѣе буду жить!.. А какъ вышла, то съ самыхъ первыхъ дней и засѣла дома; и все одна да одна: мужъ безпрерывно занятъ внѣ дома. Мнѣ скука ужасная! хоть плачь!.. Конечно мы выходили; у насъ бывали гости, — но очень рѣдко: мужъ мой недовольно получалъ еще содержанія... Ну, а потóмъ пошли у насъ дѣти: тутъ хотя мужъ и получилъ хорошія мѣста, мы имѣли достаточное содержаніе, но ужъ домашнія обязанности, дѣти и другія заботы заняли все мое время... Такъ я и разсталась совершенно съ моимъ дѣтствомъ, съ моими рѣзвостями и веселостями.»

— «И вамъ не жаль ихъ?»

— «Теперь, — нѣтъ. Жизнь и радости дѣтей замѣнили мнѣ всѣ утраты.»

— «Да, когда глядишь на вашихъ дѣтей, то надобно думать, что вы ихъ очень любите.»

— «Кому-жъ ихъ и любить?..»

Этотъ откровенный разсказъ г-жи Гликъ, какъ восходящее солнце, разгонялъ тьму сомнѣній на Эдуардовомъ небосклонѣ. Онъ радовался, всею душею радовался, что встрѣтилъ женщину, какой не предполагалъ даже и въ уважаемой имъ особѣ. Его изумляло, что рѣзвая, по его понятіямъ даже вѣтренная дѣвочка могла сдѣлаться прекрасною матерью, для которой каждая тягость брачной жизни была новымъ случаемъ къ совершенствованію.

— «Но отчего-же вы, мнѣ кажется, несовсѣмъ довольны жизнію?» спросилъ Эдуардъ.

— «Вы видите, какова моя жизнь теперь. Прибавьте къ этому, что продолжительная моя болѣзнь должна-жъ была наскучить нетолько мнѣ, да и всему семейству.... Иные, хоть ужъ это немножко и оскорбительно,» примолвила г-жа Гликъ съ добродушною улыбкою,

«не вѣрятъ, право, что я больна!... Да и болѣзнь-то моя странная: продолжается нѣсколько лѣтъ; часто — вечеромъ я вся распухну, а наутро здоровехонька, какъ ни въ чемъ не бывала!... Но послѣдніе два года я особенно разстроила себя хлопотами, которыми вовсе бы не мнѣ слѣдовало заниматься!...» Приэтомъ г-жа Гликъ сдѣлала движеніе негодованія и съ угрюмымъ лицемъ, задумчиво потупила глаза въ землю.

Эдуардъ немного помолчалъ и, сердечно раздѣляя ея неудовольствіе, спросилъ: «И эти хлопоты для вашего-же семейства?...»

— «Ахъ, да куда-жъ мнѣ хлопотать далѣе моего семейства?... Да ужъ пусть бы эти хлопоты имѣли успѣхъ; а то — я-же виною, что онѣ только запутали дѣло! Вотъ это-то меня и тревожитъ болѣе всего!... Видите, дѣло въ томъ, что намъ, по завѣщанію одного родствен-

ника, слѣдуетъ получить имѣніе, довольно значительное. На это-же имѣніе совершенно посторонніе люди, съ которыми покойный имѣлъ тѣсную связь, объявили претензіи, даже письменное доказательство отъ покойнаго, что имѣніе слѣдуетъ имъ. Но мы знаемъ, что это послѣднее сдѣлано покойнымъ при концѣ жизни, когда онъ былъ въ полоуміи. Изэтого теперь возникъ такой процесъ, что я не знаю чѣмъ и кончится? Дѣло наше — совершенно правое; но кому-жъ о немъ хлопотать?! Мужъ мой не можетъ въ него входить: онъ давно бы все проигралъ; адвокатамъ мы передарили множество — и все напрасно.... Да ужъ пусть бы противная сторона взяла себѣ часть и оставила намъ другую: я бы согласна; а вѣдь они хотятъ все себѣ взять!... А сколько мы еще своихъ денегъ на эту тяжбу употребили!... Право, еслибъ знали, такъ

лучше бы и не начинали!... Я желала моему семейству добра; но что-жъ мнѣ дѣлать? — Я женщина!...»

Эдуардъ, видя изъ послѣднихъ словъ, что г-жа Гликъ разстроивается, сердечно соболѣзновалъ и искалъ утѣшить ее чѣмъ-нибудь. «Надобно признаться,» сказалъ онъ, «что вы рѣдкость между женщинами нашего времени!... Вамъ обязано не только ваше семейство, но и общество!...»

— «Да что-жъ я обществу-то сдѣлала?» сказала г-жа Гликъ, улыбаясь.

— «Какъ — что? Помилуйте! Вы всѣ обязанности по домашеству, всѣ заботы о семействѣ приняли на одну себя: вы такимъ образомъ дали своему мужу полную свободу трудиться для удовольствія общества. Слѣдовательно, вы помогли ему въ этихъ трудахъ....»

— «Ну!» промолвила съ улыбкою г-жа Гликъ и, махнувъ рукою, продол-

жала: «Однако-жъ я съ вами заговорилась. Правда, мнѣ стало теперь полегче; но ужо́ ночью я, вѣрно, заэто буду страдать.»

— «Вы хотѣли полежать; теперь ужъ, вѣрно, нѣтъ угара въ комнатѣ....»

— «Да теперь мнѣ не хочется лежать....»

Тутъ одна изъ дочерей г-жи Гликъ что-то шепнула ей, и она, обратясь къ Эдуарду, сказала: «Дѣти хотѣли бы послушать вашей музыки, да стыдятся васъ обезпокоить....»

Нѣсколько времени Эдуардъ игралъ. Потомъ стали танцовать. Эдуардъ, соблюдая трауръ, не танцовалъ, но былъ со всѣми очень любезенъ. Эмилія веселилась въ общемъ веселіи и, казалось, нисколько не старалась обратить на себя вниманіе Эдуарда.

Въ одиннадцать часовъ вечера возвратился изъ театра и отецъ этого семей-

ства. Почтенный музыкантъ, послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю, забылъ свое утомленіе и дряхлость, сѣлъ за рояль и съ удовольствіемъ игралъ для танцовъ.

Въ прекрасномъ расположеніи духа возвратился Эдуардъ домой. Но если семейный прелестный бытъ Глика оставилъ въ немъ живое прелестное впечатлѣніе, то мать этого семейства рѣшительно перемѣнила его мысли въ нѣкоторомъ отношеніи. Онъ почиталъ теперь совершенно несправедливымъ думать такъ дурно о женщинахъ, какъ онъ думалъ со времени первой и, особенно, второй своей любви. Теперь — даже въ своей покойной матери онъ находилъ такія достоинства, какихъ не замѣчалъ въ ней, при ея жизни. Пылкій Эдуардъ радовался, что въ г-жѣ Гликъ встрѣтилъ опять женщину, какой, казалось ему, нельзя было и предполагать. «У ней,» думалъ онъ, «у ней одной допро-

шусь я, какъ мнѣ жить?! Она мнѣ поможетъ, какъ родная мать; это я вижу!...»

Хотя Эдуардъ былъ приглашенъ посѣщать домъ Глика каждое Воскресенье, но на слѣдующій разъ онъ не хотѣлъ удовлетворить этому приглашенію, боясь наскучить частыми посѣщеніями; въ другое Воскресенье онъ былъ у Клингенау. Поэтому-то онъ радостно пришелъ въ домъ Глика въ третье Воскресенье. Онъ встрѣтилъ здѣсь опять тѣ-же лица, съ которыми видѣлся за три недѣли; не было только Эмиліи Гиммельтраумъ.

Г-жа Гликъ, при входѣ Эдуарда, разговаривала съ своею пріятельницею. Она сидѣла въ большихъ креслахъ, какъ бы утопая въ нихъ, очень блѣдная и разслабленная. Неподалеку отъ нея, вкругъ диваннаго стола, сидѣли дѣти съ своими гостями. Эдуардъ подошелъ къ рукѣ г-жи Гликъ.

— «Извините,» сказала она улыбаясь, «что не могу подняться!.... Я въ этихъ креслахъ, будто въ ямѣ!...»

— «Не смѣю и спрашивать о здоровьѣ....»

— «Зимою обыкновенно болѣзнь моя чаще тѣшится надо мною.... Мнѣ только и жизни, что весной да лѣтомъ.»

— «Такъ дай Богъ, чтобы весна поскорѣе наступила!....»

— «Моя жена,» сказалъ, шутя, г-нъ Гликъ, «очень не любитъ зимы; зато и зима не любитъ ея! Хе, хе, хе! хе, хе, хе!»

Г-жа Гликъ разсмѣялась и одышливо закашлялась. Въ этотъ вечеръ г-нъ Гликъ былъ дома: и Эдуардъ то-бесѣдовалъ съ нимъ, то-участвовалъ въ танцахъ. Подъ конецъ вечера г-жѣ Гликъ сдѣлалось тяжелѣе: ее перевели въ другую комнату, откуда она, лежа на диванѣ, любовалась семейными забавами. Часовъ въ десять двери этой комнаты затворились; и хотя

игры семейства не были тѣмъ прерваны, но замѣтно нарушались усилившеюся болѣзнію матери: безпрестанно кто-нибудь изъ дѣтей съ большею заботливостію входилъ въ комнату больной. И гости скоро разошлись.

Человѣку, непрерывно переходящему отъ удовольствія къ удовольствію, отъ блаженства къ блаженству, трудно имѣть то свойство, которымъ обладаетъ иногда человѣкъ, добровольно лишившійся участія въ людскихъ радостяхъ. Я говорю о свойствѣ чувствовать и замѣчать каждый оттѣнокъ добраго, милаго поступка въ другихъ. Правда, такое свойство иногда слишкомъ увеличиваетъ достоинства: такъ брошенному на островъ пустынный общество можетъ представиться раемъ... Эдуардъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ замѣчалъ и терпѣливое бодрствованіе г-жи Гликъ надъ болѣзнію; и шутки мужа, употребленныя, какъ

ему казалось, для ободренія больной; и милыя забавы дѣтей, и заботы ихъ о больной матери... Все это такъ мирило его съ жизнію, такъ счастливо располагало духъ его, что хотя слова г-жи Гликъ — *я будто въ ямѣ* — и смущали его, но мгновенно; онъ только и думалъ: какъ бы поскорѣе настала весна; какъ бы опять ожила добрая Гликъ; какъ бы она сдѣлалась его другомъ, безъ котораго ему жизнь — мученье!

Въ нравственномъ мірѣ человѣка бываютъ приливы и отливы то-радости, то-горя. Съ Эдуардомъ случился приливъ радости на другой-же день послѣ вечера у Глика. Пріятныя впечатлѣнія, согрѣвая его сердце, пробудили въ немъ размышленіе, которое теперь легко находило возможность, удобство, прелесть жизни. Въ такомъ расположеніи духа, съ сигарою и чашкою кофе, встрѣчалъ Эдуардъ у окна зимнюю Петербургскую

зарю. Туманы вмѣстѣ съ дымомъ всходили и разсѣявались въ воздухѣ; тяжелыя облака на небосклонѣ начали перечеркиваться огненными полосами багряной зари и образовали почти до верхняго углубленія неба какую-то лѣстницу изъ дымчатыхъ, огненныхъ и золотыхъ ступеней. На самой нижней ступени явилось въ своей пурпурной порфирѣ солнце; недолго оставалось оно въ этой порфирѣ: казалось, оно оставило ее землѣ и великолѣпно, въ своемъ невыразимомъ блескѣ, понеслось въ необъятныя области небесъ, для благотвореній мірамъ и прославленій Бога.... Прекрасное утро есть прекрасная молитва востающаго дня!... На тотъ разъ эта молитва украсилась благовѣстомъ гудящихъ колоколовъ Петербургскихъ церквей: былъ праздникъ — Зачатіе Св. Анны.

Давно Эдуарду міръ не казался такъ прелестенъ. Бодрость духа и хорошая

погода имѣли вліяніе и на его тѣло: онъ чувствовалъ себя здоровѣе. Прекрасныя качества семейства Глика безпрестанно мелькали въ его воображеніи, особенно-же сама терпѣливая страдалица — мать: онъ былъ восхищенъ ею. Ему приходила на мысль его покойная мать: и онъ удивлялся, что доселѣ не замѣчалъ въ ней многихъ достоинствъ, которыя находилъ теперь только по сравненію съ г-жею Гликъ. Еще мысль его останавливалась на Эмиліи: въ его воображеніе врѣзывались ея скромность, терпѣніе, благоразуміе и какое-то неподражаемое человѣколюбіе...

Хотя учительскія обязанности и прервали сладкія размышленія и мечтанія Эдуарда, но отрадное чувство осталось съ нимъ.

Вечеромъ того-же дня онъ долго съ удовольствіемъ занимался музыкою; перебиралъ свои сочиненія и принимался

опять за продолженіе увертюры къ оперѣ — *Безумная ревность.* Но избытокъ пріятныхъ чувствъ мѣшалъ ему въ дѣлѣ творчества: оно возможно только тогда, когда поэтъ смотритъ на землю съ неба, т. е., заключаетъ въ себѣ не одну отдѣльно, а вдругъ всѣ стихіи великаго ученія: *вѣру*, *надежду* и *любовь*. *Любя* міръ, поэтъ *вѣритъ*, что есть надъ міромъ Промыслъ, и *надѣется*, что онъ не дастъ злу покарать добро въ мірѣ. Теперь-же Эдуардъ чувствовалъ въ себѣ только *любовь* къ человѣчеству.

Въ слѣдующій вечеръ Эдуардъ пришелъ къ поэту Платону. Встрѣтивъ здѣсь нѣсколько незнакомыхъ лицъ, просилъ его на два слова въ другую комнату.

— «Я пришелъ къ вамъ, Платонъ Павловичъ, попросить слова для оперы — *Безумная ревность*...»

— «Извольте! Съ большимъ удовольствіемъ!..»

— «Я чувствую что-то-такое...» говорилъ Эдуардъ, положивъ руку на сердце свое.

Глаза поэта блеснули радостію; онъ сказалъ: «Дай Богъ, чтобы это *что-то-такое* не оставляло васъ!... Напишите такую оперу, чтобы каждая безумная ревность, слушая вашу музыку, истлѣла въ прахъ, въ пепелъ!..»

Эдуардъ пожалъ руку Платону и сказалъ: «Извините, если чего не пойму — приду къ вамъ спросить...»

— «Это и необходимо! Я думаю, чтобы произвесть одно цѣлое, — сочинителю словъ надобно слиться душою съ сочинителемъ музыки!... Мы взаимно можемъ быть другъ другу полезны...»

— «Въ этомъ я съ вами согласенъ!..»

Они разстались. Эдуардъ, возвратясь домой, не имѣлъ терпѣнія прочитать всей оперы: онъ слегка пробѣжалъ ее; нѣкоторыя аріи, понравившіяся ему, пѣлъ

подъ аккомпаниментъ фортепіано; финалъ оперѣ думалъ дать другой; но еще не писалъ. Въ сладкихъ надеждахъ думалъ онъ: «Вотъ разскажу и я повѣсть изъ моей жизни доброй г-жѣ Гликъ! О, она будетъ лучшій мой цѣнитель! Только такія сердца могутъ быть истинными критиками!..»

На слѣдующій день его груди стало даже больно отъ того прилива радости, который наполнялъ его уже третій день. Вечеромъ, занятый своею оперою и напѣвая разные мотивы, медленно возвращался онъ домой съ уроковъ по Большему Проспекту Васильевскаго-Острова, подъ звѣзднымъ, безлуннымъ небомъ. Видъ дома Круппикова не произвелъ въ немъ горькихъ воспоминаній: Эдуардъ съ нѣкотораго времени утѣшалъ себя одною мыслію: «*Она* была слишкомъ вѣтрена!» Дома слуга подалъ ему письмо, сказавъ: «Это письмо принесъ съ часъ назадъ

какой-то молодой господинъ съ заплаканными глазами.» Эдуардъ безпокойно сорвалъ черную печать и вынулъ—пригласительный билетъ на погребеніе г-жи Гликъ...

О счастіе, почто-же на отлетѣ
Ты намъ въ лицѣ умильно такъ глядишь?
Почто въ своемъ предательскомъ привѣтѣ,
Спѣша отъ насъ: *я вѣчно!* говоришь... *

Какъ изобразить горесть Эдуарда? Какъ изобразить горесть человѣка, которому все въ мірѣ измѣняетъ?!.. Что изображу тѣмъ, когда скажу, что Эдуардъ, читая билетъ, и уже предчувствуя, отъ кого онъ, все еще боялся дойти до конца, гдѣ должно быть имя усопшаго; все еще думалъ, что смерть отнимаетъ у него не ту, которая почти воскресила его.... Но послѣднія слова приглашенія были: — «*чтобы отдать послѣд-*

* Изъ элегіи В. А. Жуковскаго.

ній долгъ моей любезной супругѣ, Викторіи Гликъ..» И Эдуардъ залился слезами; съ часъ ходилъ онъ по комнатѣ взадъ и впередъ, билъ себя въ грудь, хватался за сердце. Но теперь не было у него матери, которая пришла бы утѣшить его. Теперь онъ былъ одинъ....

Онъ смотрѣлъ на билетъ; думалъ, не ошибся-ли въ имени: всѣ слова билета для глазъ его исчезали, всѣ, кромѣ одного имени усопшей. «Но какъ?!» думалъ онъ: «Только три дня прошло, какъ она дѣлила забавы семейства!.,. Она сказала: — *я будто въ ямѣ!..* Ужели?!..»

Кто испыталъ мученія одиночества среди многолюдія, тотъ не будетъ удивляться горести Эдуарда о потери рѣдкой женщины — друга.

Эдуардъ ни за что не могъ приняться — и отправился въ домъ Глика. Его встрѣтилъ старшій сынъ покойной. Эду-

ардъ взялъ его за руку и посмотрѣлъ ему въ заплаканные глаза.

— «Что дѣлать!» сказалъ горестно молодой человѣкъ.

— «Можно мнѣ взглянуть?» спросилъ скромно Эдуардъ.

— «Пожалуйте.»

Эдуардъ стоялъ у гроба; глядѣлъ въ лице усопшей: оно было какъ живое. Сынъ говорилъ, что она умерла, исполнивъ весь христіанскій долгъ по обряду Римско-католическому; что она умерла очень спокойно; до послѣднихъ минутъ старалась не давать дѣтямъ повода къ скорби.... Но Эдуардъ глядѣлъ пристально въ лице усопшей и думалъ: «Nun bist du müde, gute Seele!» * Когда-же увидѣлъ подлѣ себя плачущаго мужа покойной, то, какъ-бы завидуя, что онъ хоть могъ и лишиться еще кого-

* Наконецъ ты устала, прекрасная душа.

нибудь, палъ ему на шею и кричалъ, какъ отчаянный: «Я одинъ! я одинъ!»

Не постигая горести Эдуарда, но соболѣзнуя ему, добрый мужъ и сынъ пригласили его на выносъ тѣла въ церковь. Эдуардъ былъ: онъ видѣлъ слезы, слышалъ вопли; смотрѣлъ, какъ старикъ мужъ былъ окруженъ дѣтьми; какъ одна изъ дочерей, въ изнеможеніи, обвила его руками, какъ слезы старика падали на нее.... Стоя въ углу, позади всѣхъ, Эдуардъ въ какомъ-то исступленіи думалъ: «А кто-же проводитъ меня, когда я умру?!..»

На другой день, для погребенія тѣла, онъ ранѣе всѣхъ прибылъ въ церковь. Встрѣтившійся ему здѣсь, молодой Славеновъ съ оскорбленіемъ замѣтилъ: «Зачѣмъ товарищи г-на Глика не составили оркестра для отпѣва?! Никогда Requiem не имѣло бы большаго достоинства, какъ теперь, надъ прахомъ добродѣтельной!»

Эдуардъ подтвердилъ его слова и остался одинъ за колонною, гдѣ, кромѣ нищихъ, никто не видѣлъ его горючихъ слезъ: онъ плакалъ уже не только о потерѣ новаго друга, но оплакивалъ всю судьбу свою....

Тѣло усопшей отвезли на Смоленское кладбище. У могилы встрѣтили ее четыре тромбона. Звуки и слезы проводили въ могилу ту, которая въ жизни любила музыку и осушала слезы чѣмъ могла, хоть состраданіемъ.

Эдуардъ возвратился домой, избѣгая приглашеній на поминки. «Я не умѣю,» думалъ онъ «соболѣзновать; а утѣшать другихъ!.... Но мнѣ-ли утѣшать?..»

Въ этотъ-же вечеръ Клингенау навѣстилъ Эдуарда и засталъ его за бутылкою вина и за чтеніемъ.

— «Вотъ странность! Эдуардъ читаетъ!» сказалъ Клингенау.

— «Да, отъ скуки... У маменьки оста-

лись кое-какія книги... Это Фаустъ Гете; — только такая чертовщина, ничего не понимаю!»

— «Такъ зачѣмъ-же читать?»

— «Да такъ, чтобъ время чѣмъ-нибудь убить. Сегодня несносная скука одолѣла меня послѣ похоронъ г-жи Гликъ.»

— «Если она была хороша, такъ не скукою бы ее поминать.»

— «Да, она такъ была хороша, что еслибъ я встрѣтилъ дѣвушку съ такими качествами: я бы сейчасъ женился!»

— «А, можетъ быть, и встрѣчалъ, да не замѣчалъ.... Тебя съ нѣкотораго времени бракъ очень занимаетъ...»

— «Мнѣ одиночество ужасно! Я не привыкъ, я не могу жить одинъ!»

— «А музы?»

— «Музы со мною слова не перемолвятъ, супу мнѣ не сварятъ и за домашествомъ не присмотрятъ: а вотъ у

меня безпрестанно то-что-нибудь сломаютъ, то-что-нибудь пропадетъ... »

Клингенау, смотря на жизнь глазами человѣка практическаго, подкрѣплялъ мысли Эдуарда о неудобствахъ одиночества, о выгодахъ брака; и хотя слегка удивлялся, что возвышенные порывы Эдуарда ослабѣли, но говорилъ, что добрая жена никогда не помѣшаетъ, а напротивъ поможетъ таланту.

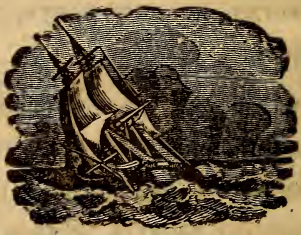
Эдуардъ довольно равнодушно разстался съ Клингенау. Съ этого времени онъ въ теченіе двухъ недѣль, по вечерамъ, послѣ дневныхъ занятій, всегда былъ дома и съ сигарою что-то прилежно обдумывалъ.

Послѣ этихъ двухъ недѣль опять пришелъ къ нему Клингенау и сказалъ, что принесъ очень много непріятныхъ вѣстей и только одну пріятную, да и ту неважную.

— «Разсказывай; послушаемъ,» сказалъ безпечно Эдуардъ.

— «Вотъ видишь,» началъ Клингенау...

Но мы имѣемъ причины сказать прежде нѣсколько словъ объ Эмиліи Гимельтраумъ.



III.

«Иль забыла она,
«Что кругомъ сирота?!.....»

Изъ стихотворенія Эмиліи.

Не горе-ль? Въ этой нищей долѣ
И спесь развратныхъ богачей
Меня не оскорбляла болѣ!....

Б. Александровъ.

Но что сказать объ Эмиліи? Жизнь ея безцвѣтна, какъ порою небо Сѣвера. А вѣдь и это небо часть того, которое служитъ престоломъ Богу.... Но ужель цвѣтиста жизнь той, которая въ роско-

ши и нѣгѣ, подъ напѣвами лести, проводитъ дни за чудеснымъ dolce far niente?.... Нѣтъ, жизнь Эмиліи подобна свѣтлому ручью, котораго живой глубокій токъ стѣсненъ дикими берегами и забытъ людьми.... Знакомыхъ у нея очень немного. Она не знаетъ блестящихъ, шумныхъ баловъ; раззолоченныхъ, полныхъ гармоніи и яда, гостиныхъ. Только изрѣдка бываетъ она въ семействѣ Глика, еще бываетъ она у Лунзы, двоюродной сестры Эдуарда; наконецъ — Промыслъ не покидаетъ Эмиліи! — у ней есть другъ, Русская дѣвица, которой участь во многомъ сходна съ ея участію.

Есть по одной линіи Васильевскаго-Острова деревянныя ворота между двумя стѣнами деревянныхъ сараевъ. Все это въ красивой симметріи, окрашено краскою; ворота всегда заперты; надъ ними надпись: домъ купца — я назову

его, по праву романиста, — домъ купца Кряжева. Если вамъ случится взглянуть въ ворота на дворъ: вы увидите хозяйственный порядокъ, чистоту и деревянный домъ, по-видимому, давно построенный, не въ одно время, не при однихъ обстоятельствахъ; что замѣтно по неединству архитектуры. Но благоразуміе хозяина дома дало всему единство: бѣлыя стѣны, зеленая желѣзная кровля, чистота остановятъ ваше вниманіе. Устройство дома въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ того времени, о которомъ я теперь повѣствую, измѣнилось очень немного; измѣнился только бытъ семейства, живущаго въ немъ; — но, при добрыхъ началахъ, добрыя бываютъ и перемѣны. Мы будемъ говорить не о настоящемъ, а о прошедшемъ. Не имѣю надобности вводить читателя во всѣ таинства и нетаинства этого дома: зачѣмъ, безъ нужды, входить въ подробности;

посмотримъ на цѣлое и, по творенію, заключимъ о творцѣ: по дѣлу познается мастеръ....

Лучи солнца растопили и испарили снѣгъ; Май одѣвается зеленью, убирается цвѣтами; быстрыя ласточки щебечутъ въ тепломъ воздухѣ; голубое небо ясно; прозрачныя, серебряныя облака носятся по немъ; золотой шаръ горитъ высоко въ углубленіи лазореваго свода.

Въ небольшемъ саду, которымъ отдѣляется домъ купца Кряжева отъ смежныхъ садовъ, уравнены, углажены дорожки; садовникъ подвязываетъ кусты и внимательно посматриваетъ на сиреневыя деревья. Изъ двери, которая находится между домомъ и каменными оранжереями, явился въ зеленомъ халатѣ, съ палевою соломенною шляпою на головѣ и сигарою во рту самъ хозяинъ. Спокойно посматривая на занятіе садовника, на распускающіяся сирены, онъ пошелъ

дорожкою прямо къ гранитному памятнику, который стоитъ посреди сада, безъ надписи, безъ всякаго изображенія. Памятникъ этотъ есть, просто, небольшая дикаго мрамора колонна на кубическомъ шлифованномъ гранитѣ, поставленномъ на двухъ нешлифованныхъ гранитныхъ ступенькахъ.

Вотъ изъ той-же двери высыпало человѣкъ шесть дѣтей, чисто и мило одѣтыхъ, съ полненькими розовыми личиками. Каждое изъ нихъ, имѣя въ рукахъ горшекъ съ цвѣтами, бѣжало торопливо къ памятнику. Здѣсь отецъ принималъ отъ дѣтей цвѣты, какъ будто ихъ приношеніе, и уставлялъ этими цвѣтами ступеньки памятника. Дѣти, среди милыхъ хлопотъ, радостнаго крика и рѣзваго усердія, безпрестанно убѣгали въ домъ и возвращались съ новыми цвѣтами. За малютками заботливо ухаживала пожилая няня; вмѣстѣ-же съ ними, то-играя, то-

остерегая рѣзвыхъ, ходила дѣвица-гувернантка.... Украсили памятникъ; на верхъ колонны поставили круглый красивый цвѣтникъ съ розами. Это памятникъ жены Кряжева, матери малютокъ. Такъ начинается въ домѣ Кряжева каждое лѣто съ того дня, какъ смерть увела въ могилу его добрую жену....

— «Но» — скажутъ мнѣ иные, «гдѣ же такіе Русскіе купцы-поэты?!..» «Въ Петербургѣ, милостивые государи и государыни! въ Россіи!....»

Люблю такіе патріархальные поступки въ семействахъ: они лучше всякихъ совѣтовъ образуютъ нравственность дѣтей. Такъ въ иныхъ, ксожалѣнію, немногихъ домахъ, вводятъ иногда дѣтей въ больницы, которыя, кстати замѣтить, у насъ устроены и содержатся на славу. Въ самомъ дѣлѣ, видъ страждущихъ собратій лучше всего развиваетъ въ насъ духъ кротости.

Не правда-ли, добрый читатель, — въ такихъ домахъ можно жить хорошей дѣвицѣ гувернанткою? Но быть такою хорошею дѣвицею, какъ была Лида, это, по крайней мѣрѣ, рѣдкость. Круглая сирота, она воспиталась въ Домѣ-Трудолюбія и потомъ, какъ очень дальняя родственница Кряжева, поступила къ нему въ домъ гувернанткою. Тутъ она создала себѣ свой міръ занятій, сообразный съ нравомъ хозяина, — скромный и трудолюбивый. Ея рабочій столикъ стоитъ у окна въ садъ, на западъ; возлѣ него другой столъ, для занятія съ дѣтьми. Въ девятомъ часу утра она всегда уже у окна чѣмъ-нибудь занимается; потомъ обучаетъ дѣтей въ положенные часы утромъ и послѣ обѣда. Всѣ свободныя минуты она посвящаетъ или рукодѣлію или чтенію. Но и тогда дѣти не забыты ею: каждый необыкновенный ихъ поступокъ, излишній шумъ или

крикъ привлекаетъ ея вниманіе. И дѣти любятъ ее. Такъ однимъ вечеромъ добрый Кряжевъ, полный довольствія, игралъ въ мячикъ съ дѣтьми въ саду. Утомясь, онъ сѣлъ между цвѣтами у оранжереи къ столу, на которомъ стоялъ стаканъ и бутылка бѣлаго вина. Дѣти продолжали играть. Лида сидѣла въ своей комнатѣ у окна и что-то шила; а между тѣмъ въ трехъ сосѣднихъ садахъ молодые люди, дѣвицы и даже старики дѣлили время въ веселыхъ играхъ. Но Лида привыкла къ своей долѣ: и счастлива! Желанія не терзаютъ ее!... Вдругъ одна изъ дѣвочекъ въ саду Кряжева визгнула и начала почти задыхаться отъ плача: отецъ бросился на вопль, узналъ въ чемъ дѣло и сердито взглянулъ на няньку, которая не доглядѣла, какъ стоявшая у стѣны какая-то палка упала на голову мимобѣжавшей дѣвочки. Ласки отца не могли

такъ успокоить ребенка, какъ поспѣшно прибѣжавшая добрая Лида. Дѣвочка тотчасъ перестала плакать, была уведена въ комнату и возлѣ своей утѣшительницы занялась нарядомъ куколки. Съ такимъ нѣжнымъ чувствомъ она, почти безраздѣльно, доживаетъ жизнь свою. Лице ея истомлено терпѣливымъ трудолюбіемъ: розовый цвѣтъ сбѣжалъ съ него и меланхолія провела по немъ свои черты.

Въ комнатѣ Лиды всегда строжайшій порядокъ, и, какъ у Эмиліи въ переднемъ углу виситъ Распятіе, такъ у ней въ переднемъ углу Образъ и передъ нимъ неугасимо теплится лампада.

Лампада есть безкорыстная жертва Богу; а ея слабый свѣтъ прекрасно изображаетъ благотворящую кротость. Въ первомъ случаѣ она полезна, —учитъ насъ истинной жертвѣ; во второмъ — она прекрасна, — возбуждаетъ чувство

изящнаго. А то и другое свойственно душѣ Лиды. И въ этомъ огонькѣ лампады, во время сумерекъ и мрака ночи, она находитъ, къ своему утѣшенію, какое-то сходство съ солнцемъ. Недаромъ же восточные стихотворцы говорили о солнцѣ, что оно,

.... свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенной,
*Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.**

Отдыхая иногда отъ трудовъ, у окна своего, Лида смотритъ на догарающее солнце. Не думаетъ-ли она въ ту минуту: «Солнце, ты гаснешь, совершивъ полный дневный путь; а я, — я угасаю уже наполудни!.... Но нечего дѣлать: и *тамъ* и *здѣсь* воля Божія!....»

Надобно-ли говорить, что и она имѣетъ свои слабости: она человѣкъ; довольно

* Изъ *Восточныхъ стихотвореній* А. С. Пушкина.

того, что въ ней достоинства выше недостатковъ.

Эту-то дѣвицу послало Провидѣніе истиннымъ другомъ Эмиліи. Между ними нѣтъ ничего тайнаго....

Желалъ-бы я, чтобы въ этихъ немногихъ словахъ она узнала себя! Это дань ея труженичеству, мечтательности!.. Но далѣе.

Подвечеръ, въ началѣ Декабря, Эмилія, кончивъ занятіе на фортепіано съ дѣтьми Кряжева, сидѣла съ Лизою вдвоемъ. Дѣти въ другой комнатѣ, подъ надзоромъ няни, играли. Лида что-то шила и внимательно слушала забавный разсказъ Эмиліи о новыхъ ея женихахъ.

— «Но, послушай,» возразила Лида, «что-же ты дѣлаешь?! Ты отказываешь достойнымъ людямъ!..»

— «Ни слова противъ ихъ достоинствъ; но неоспоримо и то, что я не могла бы

быть съ ними счастлива!.. О Земхамѣ нечего тебѣ уже и говорить...»

— «Согласна; тутъ я и сама иначе бы поступила...»

— «Ну, а другіе: этотъ офицеръ.... Онъ точно, съ добрымъ сердцемъ, съ нѣжнымъ чувствомъ; но когда заговоритъ о своихъ начальникахъ, то мнѣ думается, что онъ ими только и живетъ и дышитъ. Въ немъ нельзя предполагать хорошаго мужа и отца: онъ почти не имѣетъ своего образа мыслей. Заговоритъ-ли кто объ ошибкахъ полководцевъ, о недостаткахъ дисциплины, о честолюбивыхъ видахъ какого нибудь паркетнаго воина, — онъ сейчасъ вынимаетъ изъ кармана свой сигарный ящичекъ, — и ужъ того и жди, что заговоритъ о сигарахъ.... А этотъ учитель,— онъ полюбилъ меня, кажется, потому-что встрѣтилъ во мнѣ дѣвушку, какихъ еще не встрѣчалъ, по незнанію свѣта;

онъ полюбилъ меня, какъ новую идею, отъ которой онъ въ восторгѣ, но которую, узнавъ, онъ непремѣнно включилъ бы въ свою логику, о которой такъ охотно говоритъ: и я стала бы для него ни-болѣе ни-менѣе какъ логическая истина... Но какой онъ несносный педантъ!.. Да впрочемъ ужъ въ этомъ-то Богъ съ ними! мужчина — всегда мужчина....»

— «Но, послушай, вѣдь если ты будешь судить такъ о всѣхъ... Я читала недавно повѣсть объ одной красавицѣ, пренебрегшей многими достойными женихами...»

— «Знаю, знаю!... Я не красавица!... Но... Ахъ, какая ты, Лида! тебѣ всегда надо повторять, что это только посторонніе препятствія, которыя бы я умѣла уважить, еслибъ не умѣла отклонить. Но главное — моя совѣсть всегда бы меня мучила!... Я виновница бѣдствія Эдуарда; и одна я могу быть его истин-

нымъ другомъ, — дѣлить его несчастіе и счастіе!..»

— «Что прекрасно, то прекрасно! И дай Богъ тебѣ на то силы!... Но, не сердись, — я все боюсь: не мечты-ли?..»

— «Ну, Лида, оставимъ объ этомъ... Ужъ я и надѣяться перестала.... Да и еслибъ мнѣ, какъ говорятъ, суженный нашелся, — я не могу располагать моею рукою, пока Эдуардъ не женится.»

— «Мнѣ кажется, едва-ли ты была причиною разрыва между ними. Можетъ быть *она* ужъ и давно его разлюбила, и только, послѣ встрѣчи съ тобою, случилось *ей* вскорѣ выдти замужъ.»

— «Ужъ я не знаю!.. Знаю только, что онъ имѣлъ ея согласіе на бракъ съ нимъ; и вдругъ, послѣ моего разговора съ нею, все уничтожилось... Я не знаю, былъ-ли бы онъ съ нею счастливъ; но страданія его были ужасны!... Да и женитьба его хотя и освободитъ меня, но

не извинитъ!.. Но довольно... Ахъ! вѣдь ты не повѣришь, какъ мнѣ объ этомъ и думать тяжело! Когда говорятъ объ Эдуардѣ дурное, — мнѣ его жаль, ужасно жаль! даже до-слезъ! И не такъ жаль, какъ всякаго другаго, но такъ, что я тотчасъ-же хотѣла бы пойти, пересказать ему все, что о немъ говорятъ; остеречь его; помочь ему исправиться!.. Хоть только остеречь!... А когда увижу его, то сердце такъ и затрепещетъ радостью: и кажется, люди, хоть и самые вѣрные, наговорили на него болѣе, нежели,.. даже, кажется, налгали!.. Знаешь-ли,» продолжала вполголоса Эмилія, приблизясь къ подругѣ, «я часто молюсь за него, въ жару, въ бреду, въ слезахъ!..»

— «Счастливая мечтательница!» шепотомъ говорила тронутая Лида. «По крайней мѣрѣ пощади меня!» сказавъ это, Лида тревожно скрывала глаза свои.

— «А! ты сказала, что истребила въ

сердцѣ твоемъ даже и воспоминаніе о любви...»

Съ увлаженными глазами Лида живо схватила свое шитье и, трогательно улыбаясь, наложила его на ротикъ нескромной подруги.

— «Такъ помечтать, право, не грѣхъ!» сказала Эмилія. «Мнѣ кажется, вѣдь оттого наше трудолюбіе не уменьшится!.»

Заэтимъ послѣдовало нѣкоторое безмолвіе. Лида шила; Эмилія глядѣла на теплющуюся лампаду.

— «Скажи, Лида,» спросила Эмилія, «зачѣмъ у васъ, у Русскихъ, зажигаютъ лампаду предъ образомъ? Мнѣ это и самой нравится; только я не знаю, что оно выражаетъ?»

— «Какъ — что? Это такая-жъ жертва, какъ и милостыня.»

— «Но милостыня можетъ принесть пользу хоть тому, кому я подаю ее; а тутъ?...»

— «А помнишь Самарянинку, что самымъ дорогимъ масломъ помазала ноги Спасителю?.. Притомъ-же это доставляетъ мнѣ очень милую заботу.»

— «Да, правда. Въ самомъ дѣлѣ у Русскихъ много прекрасныхъ обрядовъ.»

— «Хоть я это переняла еще у родителей; но мнѣ очень пріятно, когда въ сумеркахъ я сижу тутъ, у окна, а передо мной въ углу свѣтитъ лампада... Все какъ-будто я не одна; будто на меня кто сверху смотритъ! Право, будто Херувимъ прилетѣлъ и сидитъ у моего образа!..»

Послѣ нѣкотораго взаимнаго безмолвія Эмилія сказала: «Знаешь что, Лида, если тебѣ случится узнать мѣсто гувернантки, или домашней учительницы, или хоть что-нибудь такое, скажи мнѣ, пожалусто: я думаю и сама занять такое мѣсто.»

— «А твоя тетушка?..»

— «Я ей, право, въ тягость: а тогда я и ей могу помочь.»

— «Постой, я сегодня что-то читала въ газетахъ... Сейчасъ!..»

И Лида принесла *Санктпетербургскія Вѣдомости.* Въ статьѣ — о приглашеніяхъ — онѣ читали: *Нужна благовоспитанная дѣвица изъ благородныхъ, могущая смотрѣть за двумя малолѣтными дѣтьми и обучать оныхъ особенно музыкѣ. Таковая можетъ явиться по Дворцовой набережной въ домъ подъ N 10, на лѣвой рукѣ отъ Гагаринской пристани, спрося господъ Лиховскихъ.*

— «Какія поясненія! Какія подробности! А ужъ какой слогъ!» смѣясь говорили дѣвушки.

— «Постой,» сказала Лида, «кажется, Машенька Егорова что-то мнѣ говорила объ этомъ мѣстѣ: я ее спрошу и дамъ тебѣ отвѣтъ, хоть послѣ завтра.»

— «Еслибъ мнѣ досталось такое-же

мѣсто, какъ твое, я бы ничего болѣе не желала!» задумчиво говорила Эмилія.

—«А, можетъ-быть, еще и лучше будетъ...»

— «Если лучше можетъ быть...»

Подруги разстались среди обѣщаній и надеждъ.

На третій день Лида писала къ Эмиліи, что Машенька Егорова мало знаетъ домъ Лиховскихъ; что, по ея словамъ, господинъ изъ военныхъ и служитъ въ полиціи; что хотя мужъ и жена малообразованы, но, по словамъ всѣхъ тѣхъ, которые бываютъ у нихъ на вечерахъ, они — люди очень добрые; и что, если она согласна вступить къ нимъ гувернанткою, то господинъ самъ желаетъ пріѣхать къ ней для условій.

Охотно желавшая быть гувернанткою, Эмилія теперь долго была въ печальномъ раздумьѣ; горько было ей рѣшиться; но тоскою отуманенный разсудокъ

не видѣлъ другихъ лучшихъ средствъ къ поддержанію ея: и нужда заставила ее рѣшиться быть гувернанткою въ домѣ ей неизвѣстномъ, отъ котораго она уже чувствуетъ отвращеніе.

Быть гувернанткою!.. это значитъ, развить науками — небесными дарами всѣ свои способности, образовать умъ и сердце, и все это вмѣстѣ съ самымъ лучшимъ возрастомъ, съ лишеніемъ многихъ удовольствій, даже съ умерщвленіемъ части себя, употребить на то, чтобы собою показать примѣръ добронравія ребенку; тому ребенку, котораго она, какъ первый и лучшій учитель начинаетъ воспитывать и который иногда, нанося ей множество непріятностей своими дѣтскими шалостями, своимъ упрямствомъ, можетъ-быть, оскорбитъ ее впослѣдствіи забвеніемъ или — даже насмѣшкою!... Не говорю того о всѣхъ: есть родители, любящіе такихъ воспи-

тательницъ наравнѣ съ дѣтьми своими. Эта уравненная любовь очень полезна въ дѣлѣ воспитанія. Но есть семейства, гдѣ гувернантка нанята длятого, чтобы учить дѣтей *по-французски*, какъ нянька — длятого, чтобы дѣти себѣ носа не расшибли.... А сколько еще есть такихъ людей, которые ищутъ въ гувернанткѣ слабую сторону женщины? Сколько такихъ, которые съ пренебреженіемъ произносятъ названіе — *гувернантка?*... Странно! у насъ, на Руси, еще въ недавнемъ времени званіе учителя почиталось низкимъ!...

Черезъ два дня, послѣ записки Лиды, лихая пара вороныхъ остановилась у воротъ дома, гдѣ жила Эмилія; огромный кучеръ смѣло отдернулъ медвѣжью полость съ саней — и изъ нихъ вышелъ толстый, краснолицый мужчина, въ собольей, сѣрой шубѣ, съ краснымъ воротникомъ, опушеннымъ бобровымъ мѣ-

хомъ. Изъ подъ треугольной шляпы кинулъ онъ спесивый взглядъ на билетъ дома — и вошелъ въ квартиру г-жи Гиммельтраумъ. Это былъ Лиховскій. Привыкшій считать себя властелиномъ тамъ, гдѣ видѣлъ людей бѣдныхъ и незнатныхъ, Лиховскій надмѣнно поглядывалъ на скудную мебель и маленькія комнаты, и, усаживаясь въ передній уголъ, говорилъ покрякивая: «Незавидную-же вы квартирку занимаете, сударыня. Ги, ги, ги; но у меня совсѣмъ другое!.. Конечно, нужда; что дѣлать?..»

Г-жа Гиммельтраумъ не знала что говорить и какъ стоять передъ богатымъ посѣтителемъ. Эмилія, оскорбленная надмѣнностію Лиховскаго, теряла уже терпѣніе, и скромно спросила: «Такъ вы, милостивой государь, и есть тотъ самый господинъ Лиховскій, который желаетъ имѣть для своихъ дѣтей гувернантку?..»

Ея голосъ, скромность и, по-видимому, невниманіе къ спесивымъ замѣчаніямъ перемѣнили Лиховскаго: онъ съ сладенькою миною вдругъ началъ: «Точно такъ-съ, сударыня; я объ этомъ публиковалъ въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ*, и, узнавъ о васъ черезъ моихъ знакомыхъ.... Они мнѣ васъ очень хвалили, сударыня!... Потому то я и рѣшился самъ пріѣхать къ вамъ,» говорилъ Лиховскій, поглядывая въ окно на своихъ вороныхъ. «Вотъ, изволите видѣть, мнѣ надобно гувернантку, то есть, для обученія малютокъ всякимъ наукамъ. Они маленькіе шалуны; но вы ихъ полюбите, я увѣренъ: они презатѣйливые ребята. А жена моя не даетъ имъ спуску: чуть-мало — тотчасъ за уши! фю!..»

— «Позвольте узнать, какимъ-же именно наукамъ?»

— «Конечно, чтобъ они говорили по-

Французски, по-Нѣмецки, по-Англійски, — на всѣхъ языкахъ....»

— «Извините, такую обязанность едва-ли кто изъ гувернантокъ можетъ принять....»

— «Какже-съ, помилуйте; у моего брата, я вамъ скажу:... вотъ онъ начальникъ отдѣленія въ одномъ департаментѣ;... у него дѣвица, и очень умная такая, обучаетъ разнымъ наукамъ...»

— «Еслибъ я могла знать, какимъ именно?...»

— «Да, конечно....»

— «Я могу обучать тремъ языкамъ: Французскому, Нѣмецкому и Русскому. Русскій языкъ мнѣ знакомъ какъ свой природный, потому-что я родилась и все жила въ Россіи. Я могу также передать имъ начальныя основанія Арифметики, Географіи и Исторіи; коротко, — я могу приготовить ихъ къ какому-нибудь учебному заведенію.»

— «Ну, ну, вотъ чего-же болѣе! Этого хоть бы и мнѣ, сударыня, такъ достаточно! Жена моя только мнѣ и наказывала.... А позвольте, вы не упомянули, — а Закону Божію; это ужъ непремѣнно!...»

— «Нѣкоторыя понятія я могу имъ сообщить о религіи; но... я исповѣданія Лютеранскаго, а вы, кажется, Русскій?..»

— «Да, да, да!... Точно такъ-съ; промахнулся!... То-то и есть, что это не по нашей части. А все — жена!... Что дѣлать? По службѣ — такъ ужъ насъ возьми; а въ просвѣщеніи-то мы и пасъ! Ха, ха, ха! Что дѣлать, сударыня: сначала были недостатки; — мы учились за мѣдный грошъ; а теперь, хотя, по милости Божіей, и довольно имѣю, да ужъ учиться-то поздно... Вотъ вы объ этомъ, сударыня, лучше посовѣтуйтесь съ женою: она женщина очень воспитанная; сама была въ богатомъ

пансіонѣ, — такъ ужъ все знаетъ!.... А я только пріѣхалъ условиться съ вами на счетъ платы. Само собою разумѣется, что сверхъ всего вы будете имѣть прислугу, лучшій столъ; кромѣ одежды... Мнѣ васъ очень рекомендовали: потому-то я и желалъ бы душевно, чтобъ вы взялись быть воспитательницею моихъ дѣтей; я ихъ очень люблю. Да и время-же нынче такое: все требуютъ образованныхъ, да просвѣщенныхъ.... Такъ какую-же вы плату назначите, сударыня? Прошу васъ покорнѣйше, объявить мнѣ это безъ всякихъ каламбуровъ: я человѣкъ былъ военный!»

— «Но, позвольте, милостивый государь, я объ этомъ поговорю лучше съ вашею супругою,» сказала застѣнчиво Эмилія.

— «Да какже-съ, помилуйте; меня жена только затѣмъ и прислала....» При этомъ Лиховскій опять взглянулъ на по-

кон отъ пола до потолка и продолжалъ: «То есть, вѣдь я отецъ, такъ долженъ-же и узнать.... Я нахожу въ васъ дѣвицу съ качествами рѣдкими; но надобно-же... Конечно-съ, говорить о жалованьѣ, — это дѣло нѣжное.... Но вотъ-съ у моего брата живетъ дѣвица, очень воспитанная, очень образованная, — по пяти сотъ рублей въ годъ. Вотъ еслибъ вы,... такъ мы сейчасъ бы и дѣло рѣшили: только бы послѣ вы представились моей женѣ...»

— «Я завтра постараюсь имѣть удовольствіе видѣться съ вашею супругою; и тогда мы условимся рѣшительно.

Стыдливость Эмиліи заставила Лиховскаго сдѣлаться уступчивѣе: онъ сказалъ, вставая съ мѣста: «Если ужъ-вы непремѣнно того желаете, то не смѣю безпокоить васъ долѣе, и надѣюсь, что вы, сударыня, не оставите исполненіемъ мо-

ей покорнѣйшей просьбы. И затѣмъ — счастливо оставаться, сударыня!...»

Послѣднее обращеніе Лиховскаго немного успокоило Эмилію: его спесь и грубыя выраженія она приписывала только необразованности....

— «Ну что-жъ, узнай, лучше, жену: вѣдь тебѣ съ нею дѣло-то имѣть,» говорила Эмиліи тетка.

Но жить въ семействѣ, гдѣ такой необразованный человѣкъ-отецъ, — эта мысль разстроивала Эмилію. Въ раздумьѣ пришла она посовѣтоваться съ хозяевами дома, въ которомъ жила. Недавно она кончила обучать ихъ дочь, поступившую въ казенное заведеніе. Она всегда цѣнила образованный умъ хозяина, чиновника, и доброе сердце жены его....

— «Если ужъ вы рѣшились быть гувернанткою, то, конечно, надо рѣшить-

ся и на нѣкоторыя непріятности,» говорилъ благоразумный хозяинъ.

— «Ахъ, это ужъ неизбѣжно въ жизни! Я боюсь только, чтобы тутъ въ домѣ не подвергнуться несноснымъ непріятностямъ. Вы видите, какой странный человѣкъ, этотъ Лиховскій: я не могу даже составить себѣ никакого понятія о его характерѣ.

— «И нельзя составить, потому-что у него, какъ я вижу, нѣтъ своего характера; это характеръ цѣлыхъ десятковъ, цѣлыхъ тысячъ Русскихъ въ наше время. Но не опасайтесь, онъ не страшный, не злой характеръ.... Впрочемъ, вѣдь если вамъ не понравится, такъ...

— «Да, конечно. Но хотѣлось бы такимъ дѣломъ заняться съ пользою и для другихъ, нетолько для себя.»

— «Но что-же васъ такъ пугаетъ?»

— «Да какъ примѣниться къ этому характеру?... Началъ онъ со мною такъ

спесиво, а кончилъ такими низкими поклонами!... Воспитать дѣтей своихъ онъ хочетъ, потому-что нынче *время такое, все требуютъ образованныхъ!...* О деньгахъ онъ такъ заботился; да еще говоритъ: *о платѣ объявите мнѣ безъ коламбуровъ: я былъ военный!...* Ну если онъ, пожалуй, во всемъ будетъ ссылаться на то, что онъ *военный?....*»

— «Не безпокойтесь: вы видите, что въ воспитаніи дѣтей онъ совершенно зависитъ отъ жены. Вотъ ужъ тутъ онъ и не скажетъ, что онъ былъ *военный;* да, въ этомъ случаѣ онъ будетъ совершенный отголосокъ жены... А что онъ съ вами обошелся сначала грубо и спесиво, а потомъ низкопоклонно, то это только слѣдствіе малообразованности нашей. Причудница судьба вывела его изъ бѣднаго и незначительнаго состоянія въ богатое и порядочное: и онъ, не постигая своего новаго положенія, думаетъ,

что сталъ выше всѣхъ во всемъ — и сдѣлался смѣшенъ. Онъ перемѣнилъ свое обращеніе съ вами оттого, что его самолюбіе чѣмъ-нибудь подстрекнулось....»

— «Я обходилась съ нимъ съ уваженіемъ, какъ прилично. Конечно, онъ дѣлалъ неразъ очень смѣшные промахи: удивился вдругъ, что я не берусь обучать его дѣтей Закону Божію, и очень смѣшался, когда я напомнила ему, что я Нѣмка.»

— «Да; ну вотъ видите, что это не злой характеръ, онъ еще сознаетъ свои ошибки. На это также немного смотрите, будто онъ потому только и воспитываетъ своихъ дѣтей, что *нынче требуютъ все образованныхъ.* Это требованіе для такихъ людей сильнѣе всѣхъ убѣжденій разума. И хорошо, что хоть это ихъ побуждаетъ воспитывать дѣтей. Они потому только и отдаютъ своихъ дѣтей въ высшія училища, въ лицеи,

въ университеты, что *этого требуютъ*, и что *тамъ даютъ чинъ*, по окончаніи курса наукъ. Разумѣется, съ усиленіемъ просвѣщенія такія понятія измѣнятся: есть уже молодые люди, которые спѣшатъ образоваться не для чина: очень еще немногіе; что дѣлать?... Но главнѣйшая бѣда для воспитательницъ та, что въ ихъ занятія часто вмѣшиваются сами необразованные родители. Мнѣ кажется, чтобы отстранить ихъ тамъ, гдѣ они мѣшаютъ, необходимо привязать къ себѣ дѣтей и исполнять свои обязанности какъ можно усерднѣе.»

— «О, за этимъ дѣло не станетъ!» сказала быстро Эмилія...

Такія убѣжденія успокоили и ободрили Эмилію. На другой день она явилась въ домъ Лиховскихъ. Въ передней слуга сказалъ ей: «Господа уѣхали загородъ на пикникъ; а барыня приказала сказать, что когда придетъ гувернант-

ка, такъ чтобы пришли-съ въ другой разъ.»

Это оскорбило Эмилію; но причины, побудившія ее вступить въ новое званіе, одолѣли оскорбленіе; съ стѣсненнымъ сердцемъ спросила она: «Госпожа твоя не назначила день, когда мнѣ придти?»

— «Онѣ сказали-съ, что если вамъ угодно, такъ чтобъ пожаловали завтра утромъ.»

— «Если мнѣ угодно!» подумала Эмилія и, грустная, возвратилась домой. Долго она опять раздумывала вступить-ли ей въ домъ Лиховскихъ; совѣтовалась съ теткою; даже говорила ей о непріятностяхъ, которыя ожидаютъ ее въ этомъ семействѣ; разсказывала, что изъ передней, въ которой былъ какой-то тяжелый запахъ, она видѣла въ огромной залѣ паркетные полы, дорогія занавѣсы у оконъ, богатую мебель, картины; но что многія картины висятъ не на мѣ-

стѣ, неровно, сдвинуты на сторону; занавѣсы помяты; одинъ стулъ стоялъ посреди залы, возлѣ него лежалъ хлыстикъ; въ отдаленной комнатѣ кричали дѣти и разговаривали грубые женскіе голоса; что лакей — какой-то связанный, неповоротливый человѣкъ...

Тетка и сама соглашалась съ Эмиліею въ томъ, что это мѣсто непріятное, безпокойное, но не отклоняла ее рѣшительно; только не разъ упрекнула ее тѣмъ, что она отказалась отъ замужества, особенно съ Земхамомъ.

Эмилія съ нѣкотораго времени не отвѣчала на этотъ упрекъ; но онъ-то и былъ теперь главною причиною рѣшимости ея — оставить домъ тетки.

На другой день, противъ всякаго ожиданія, г-жа Лиховская приняла Эмилію какъ самая благовоспитанная дама, какъ заботливая, нѣжная мать и умная хозяйка; она разсыпалась предъ нею въ са-

мыхъ ласковыхъ обѣщаніяхъ — любить ее, какъ родную. Эмилія мысленно раскаявалась въ своихъ заключеніяхъ объ этомъ домѣ; душевно радовалась пріему г-жи Лиховской, и вечеромъ того-же дня, разставшись въ жаркихъ слезахъ съ теткою, прибыла въ домъ Лиховскихъ.

Вотъ, что она писала къ Лидѣ изъ дома Лиховскихъ:

Здравствуй, Лида! Цѣлую тебя! Я рада свободной минутѣ, чтобы хоть этой маленькою запискою передать тебѣ понятіе о моемъ новомъ житьѣ. Прибывъ счастливо въ домъ, я попала къ нимъ прямо на вечернее собраніе. Пили чай. Госпожа приняла меня ласково; но мнѣ казалось, что уже не такъ, какъ утромъ. Она подвела мнѣ своихъ дѣтей и, улыбаясь, сказала: «вотъ вамъ мои шалуны; будьте съ ними построже.» Мальчики положили пальцы въ ротъ... Гости посмотрѣли на меня и

потомъ опять продолжали свой разговоръ. Я прислушиваюсь къ ихъ рѣчамъ: не знаю, въ нихъ нѣтъ ничего дурнаго;— но я чувствую ко всему въ домѣ опять какое-то отвращеніе. Не капризъ-ли это? думаю. Грудь моя до-того стѣснилась, что я не могла выпить и чашки чаю. Я ушла въ мою комнату, укрылась лицемъ въ подушку и залилась слезами. Г-жа Лиховская и ея дѣти пришли меня утѣшать: я устыдилась, что дошла до такого малодушія. Г-жа Лиховская говорила мнѣ, что непремѣнно познакомится съ моею тетушкою; что я могу навѣщать ее такъ часто, какъ хочу; что я съ ними буду скоро въ театрѣ... Я не знаю, что начать? Брожу изъ комнаты въ комнату.. Наконецъ бьетъ девять часовъ: дѣти улеглись спать съ нянькою — и я свободна, одна въ моей комнатѣ; и чтобы опять не сдѣлаться ребенкомъ, не плакать, — я пишу къ

тебѣ... Комната моя немного холодна и воздухъ несовсѣмъ чистъ. Но, что дѣлать?... Бьетъ полночь.... Прощай, милая Лида! —

Утро. — Я спала не болѣе трехъ часовъ; пробуждаюсь, слышу въ сосѣдней комнатѣ громкіе голоса. «Что такое?» думаю; точно на Сѣнной!.. Но это были подчиненные г-на Лиховскаго съ рапортами и другіе посѣтители по надобностямъ... Прощай!

P.S. Я хотѣла послать къ тебѣ эту записку на другой-же день, послѣ вступленія въ домъ Лиховскихъ, но все не имѣла случая. Ахъ, Лида, теперь я на самой себѣ убѣждаюсь, какъ трудно Эдуарду выполнять принятыя имъ обязанности!... Тебѣ о томъ нечего говорить: ты знаешь это. А вѣдь есть-же люди, которые бранятъ его!..

Что осталося? — терпѣть?

Болѣ счастливый боится,

Чѣмъ несчастный умереть.

Твой любимый стихъ, Лида! — Прощай, мы скоро увидимся!

Твоя, любящая тебя, Эмилія Гиммельтраумъ.

IV.

Tout est plein de ces poltrons adroits qui cherchent, comme on dit, à tâter leur homme, c'est-à-dire, à découvrir quelqu'un qui soit encore plus poltron qu'eux, et aux dépens duquel ils puissent se faire valoir.

Ж. Ж. Руссо.

Теперь мы можемъ продолжать то, что начали въ допредшествовавшей главѣ.

— «Вотъ видишь,» сказалъ Клингенау, «у нашего старика былъ о-Рожде-

ствѣ вечеръ. Дочь его превосходно играетъ на фортепіано, такъ, для акомпанимента ей, приглашены были четверо театральныхъ музыкантовъ. Гостей было очень много. Послѣ музыки составились танцы. Я не танцовалъ котильона, и пришелъ въ комнату, гдѣ разговаривали: трое музыкантовъ, нашъ старикъ, да еще нѣсколько гостей. Рѣчь зашла о томъ, кто у насъ теперь въ городѣ лучшіе виртуозы, знатоки и любители музыки?... Надобно сказать, что всѣ три служителя Аполлона славно послужили въ этотъ вечеръ и Бахусу. По крайней мѣрѣ двое-то были еще довольно скромны въ своихъ сужденіяхъ; но третій, третій дѣлалъ такія смѣлыя заключенія, что чудо! Особенно онъ противъ Русскихъ музыкантовъ. Заговорили о какомъ-то Русскомъ скрипачѣ.... «Помилуйте,» сказалъ онъ, «какой это талантъ! Публика только по капризу сво-

ему приняла его такъ восторженно!.. » А какъ его убѣдили, что этотъ Русскій дѣйствительно талантъ, такъ онъ сказалъ: «Да, я согласенъ, что онъ талантъ; но онъ не будетъ талантомъ, онъ уничтожится! Публика его избалуетъ; посмотрите, вѣдь онъ какъ заносится! Онъ слушать никого не хочетъ!..» Приэтомъ два другіе музыканта улыбнулись; одинъ изъ гостей, казалось, желая прекратить жаркое сужденіе самолюбиваго критика, спросилъ его: «Но, скажите, отчего давно уже нигдѣ не слыхать Эдуарда Вольфганга?..» «Этотъ спился!» отвѣчалъ онъ преравнодушно и хлебнулъ пуншу. «Жаль,» сказали нѣкоторые; — «а онъ многаго, очень многаго обѣщалъ!..» «Обѣщать-то онъ мастеръ,» сказалъ опять горячій музыкантъ. «Прошедшимъ постомъ онъ много непріятностей причинилъ моему дядѣ. Дядя давалъ концертъ; Эдуардъ Вольфгангъ взялся участвовать; и въ день

концерта лежалъ безъ памяти: такъ былъ пьянъ!..» «Ну совсѣмъ нѣтъ!» сказалъ спокойно другой пожилыхъ лѣтъ музыкантъ; «на него тогда налгали: онъ, просто, былъ болѣнъ горячкою...» «По крайней мѣрѣ,» продолжалъ первый, «я видѣлъ его неразъ очень въ нетрезвомъ видѣ. Теперь нигдѣ не видать его на музыкальныхъ вечерахъ; а бывало онъ самый ревностный участникъ. Если онъ теперь занимается музыкою, такъ потому-что надобно-жъ чѣмъ-нибудь содержаться. Ктому-же онъ очень дурно поступилъ съ однимъ семействомъ Винцевичь, котораго сынъ мнѣ хорошо знакомъ. Онъ влюбился въ его сестру, свелъ ее просто съ ума, обѣщалъ непремѣнно жениться — и что-же? вдругъ пересталъ ходить въ этотъ домъ! Это ужъ, просто, вѣтренность!..»

Эдуардъ слушалъ свой приговоръ съ стѣсненнымъ духомъ; сердце, какъ ка-

мень, стучало въ груди его. Въ злой клеветѣ онъ находилъ и заслуженный, хотя безпощадный упрекъ. «Знаю я этого негодяя!» сказалъ онъ, закуривая сигару. «Тебѣ извѣстно, что по болѣзни моей я не могъ тогда участвовать въ концертѣ его дяди. Но не это вооружаетъ его противъ меня: это бы для него ничего, потому-что съ дядею онъ не въ ладахъ. Его бѣситъ вотъ что: когда мы дѣлали въ домѣ его дяди репетицію къ концерту, то онъ, въ числѣ прочихъ акомпанируя мнѣ, ошибся и вздумалъ свою ошибку сложить на меня. Мнѣ стало досадно; я уличилъ его въ несправедливости; прочіе приэтомъ подшутили надъ нимъ, даже подсмѣялись... Съ тѣхъ поръ онъ, какъ фальшивая нота въ піесѣ, наноситъ мнѣ вездѣ непріятности.»

— «Однакожъ такія непріятности могутъ тебѣ повредить. Вотъ и въ мага-

зинѣ у Пеца, я бралъ на-дняхъ ноты, для старика; тутъ были двое пожилыхъ мужчинъ: одинъ что-то говоритъ: «Развѣ — Эдуардъ Вольфгангъ?..» а другой ему отвѣчаетъ: «Куда? Этотъ занимается только для уроковъ, какъ поденщикъ!..» Ну что бы тебѣ дать концертъ?..»

— «Что-за-концертъ! Теперь и безъ меня много охотниковъ давать концерты. Вкусъ публики дѣлается както страненъ: всѣ требуютъ піесъ такихъ вычурныхъ, гдѣ надо только блеснуть чистотою и скоростію игры. Для этого не стоитъ и затверживать піесы. Самъ Фильдъ не играетъ иныхъ варіацій Герца потому только, что, для проклятыхъ скачковъ черезъ пятьсотъ клавишей, надо трудиться цѣлую недѣлю.»

— «Такъ напиши что-нибудь!..»

— «Кчему гнаться за пустою славою? Она, того и гляди, что лопнетъ, какъ плохая струна!»

— «Но ты страненъ! Какже уступить всѣмъ потому только, что остаешься въ бездѣятельности... Бывало ты....»

— «Мнѣ надо перемѣнить образъ жизни; я вижу. Коротко, — я рѣшился жениться!..»

— «Доброе дѣло... Ахъ, да; я было и забылъ тебѣ подтвердить истину моихъ новостей о тебѣ и показать, что не всѣ-же раздѣляютъ о тебѣ дурное мнѣніе. Взгляни на это письмо!» Тутъ Клингенау показалъ Эдуарду письмо Эмиліи къ Лидѣ, извѣстное читателю изъ предшествовавшей главы.

— «Какъ!» сказалъ изумленный Эдуардъ, «она—гувернантка!... И столько терпитъ!...»

— «И бѣдная дѣвица!» прибавилъ Клингенау.

— «Такъ я не ошибся!..»

— «А видѣлъ тутъ внизу, что о тебѣ-то она говоритъ?»

— «Такъ я не ошибся-же въ моемъ выборѣ!..»

— «Наконецъ-то ты перемѣнилъ о ней свое мнѣніе.»

— «Да я о ней никакого и не имѣлъ. Я не цѣнилъ ее, потому что, Богъ знаетъ, чѣмъ увлекался!... Но какъ тебѣ досталось это письмо?»

— «Страннымъ случаемъ. Одинъ изъ нашихъ конторскихъ комми, сынъ Русскаго купца, у котораго Лида живетъ гувернанткою, принесъ это письмо въ контору для любопытства: я выпросилъ его на день...»

— «Нѣтъ, нѣтъ, оно останется вѣчно у меня!»

— «Что-жъ, ты хочешь оскорбить этихъ дѣвушекъ?..»

Эдуардъ возвратилъ письмо.

— «Но, послушай,» сказалъ Клингенау, «вѣдь ты могъ бы выбрать себѣ невѣсту побогаче Эмиліи...»

— «Богаче Эмиліи нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!.. Будь только шаферомъ на моей свадьбѣ!»

— «Ужъ и вспыхнулъ. Конечно того, что ты получаешь, довольно будетъ для васъ...»

— «И еще болѣе буду получать, когда буду знать, что тружусь не для одного себя...»

— «А при покойной матушкѣ-то?...»

Эдуардъ угрюмо проговорилъ: «Я тогда нехорошо поступалъ! Я знаю!»

— «Если ты теперь такъ думаешь, то, пожалуй, я буду твоимъ шаферомъ. Право, ты доброе дѣло сдѣлаешь и ей и себѣ!.. Только этой перемѣны въ тебѣ я не ожидалъ послѣ того, какъ ты всегда убѣгалъ Эмиліи. Скажи, давно-ли ты ее знаешь?»

— «Какъ мы пріѣхали въ Петербургъ изъ Риги. Тогда она пришла къ намъ съ теткою, такая скромная; на меня она

и глазъ не подымала. Потомъ я встрѣтился съ нею на небольшомъ балѣ. Въ мазуркѣ ей пришлось сидѣть возлѣ меня: я слышалъ, какъ она умно говорила съ своимъ кавалеромъ о сочиненіяхъ, да вѣдь какихъ-же, — Шиллера! А со мною если и скажетъ слово, то все какъ-то застѣнчиво, стыдливо и тотчасъ опуститъ рѣсницы. Я ее ангажировалъ на котильонъ. Мы съ нею весь танецъ проговорили о музыкѣ. Она очень разговорилась; разсказала мнѣ странную участь свою: — на второмъ году она лишилась отца, а вслѣдъ затѣмъ мать ея уѣхала за границу — и по-сю пору о ней нѣтъ никакого извѣстія. Тетка ея приняла ее къ себѣ въ домъ на мѣсто дочери... Съ того вечера я былъ совершенно очарованъ ею. Вскорѣ надо мною одни начали подшучивать, другіе — называть женихомъ. Это мнѣ не нравилось; а какъ мы видались рѣдко, а мнѣ случалось ви-

дѣть хорошенькихъ часто, то я легко исцѣлился отъ очарованія; я сдѣлался къ ней равнодушенъ. Но она все таила въ себѣ любовь ко мнѣ: была застѣнчива, стыдлива, неловка. Мнѣ было жаль ея; потомъ я старался избѣгать ея; а когда увидѣлъ Эвфалію, — такъ я ее даже возненавидѣлъ.... Но изъ этого письма ты видишь ея удивительный характеръ и неистощимую любовь ко мнѣ: только такая душа можетъ такъ думать обо мнѣ!... Бѣдная Эмилія! Конечно, теткѣ содержать ее нечѣмъ: она получаетъ маленькій пансіонъ послѣ мужа...»

— «Ну, такъ — *совѣтъ вамъ да любовь!* какъ говорятъ Русскіе. А мы посмотримъ на васъ, да, пожалуй, и сами женимся....»

По уходѣ Клингенау Эдуардъ сѣлъ-было за рояль, — но фантазія его была безцвѣтна, хотя сердце и полнилось самодовольствіемъ; онъ хотѣлъ-было пи-

сать къ Тренену въ Ригу о своей рѣшимости на бракъ, — но для письма мысли его слишкомъ разбѣгались; и онъ сталъ думать о томъ, какъ ему начать новое дѣло, какъ приступить къ г-жѣ Гиммельтраумъ, какъ предложить руку Эмиліи? Онъ то-ходилъ, то-сидѣлъ долго съ поникшею головою, думалъ — и ничего не могъ придумать. «А, да что много разсуждать!» сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ; «поступлю, какъ можно откровеннѣе: вѣдь онѣ знаютъ меня! И дѣло кончено; и финалъ моему сумасбродству!...»

* *
*

На другой день вечеромъ Эдуардъ очень удивилъ г-жу Гиммельтраумъ своимъ посѣщеніемъ. Бывало только по надобности для матери своей, и то случайно, заѣзжалъ онъ въ домъ Гиммельтраумъ....

— «Мое посѣщеніе васъ удивляетъ?» сказалъ Эдуардъ.

— «Нѣтъ, я очень рада, что вижу васъ опять: мы ужъ давно не видались. Какъ вы поживаете?»

— «И такъ-и-сякъ.... Да, скажите, Эмилія въ гувернанткахъ?!»

— «Да; она сама того пожелала. Конечно, лучше одно мѣсто вѣрное, нежели множество безпокойствъ съ этими минутными учениками, которыхъ она обучала.... Но какъ вы объ этомъ узнали?!»

Эдуардъ немного смѣшался: «Я не знаю,» сказалъ онъ; «мнѣ говорилъ Клингенау;... я не знаю, откуда онъ это провѣдалъ.... Я принесъ вамъ новость, г-жа Гиммельтраумъ.... Я не буду многословить; я рѣшился исполнить завѣтъ моей матери и мое собственное желаніе, — я хочу жениться.»

— «Вы сдѣлаете хорошее дѣло.»

— «Я думаю, это дѣло тогда только будетъ хорошо, когда Эмилія не откажетъ мнѣ въ своей рукѣ...»

— «Конечно,» начала съ нѣкоторою разстановкою г-жа Гиммельтраумъ, опустивъ глаза въ землю, «это.... совершенно зависитъ отъ Эмиліи,... принять ваше предложеніе;... но,... г-нъ Вольфгангъ....

— «Понимаю, понимаю! Недобрые слухи обо мнѣ и до васъ дошли. Не всѣ они вѣрны. А испытавъ невѣрность моихъ призраковъ, я во многомъ уже исправился: и для-того-то я и женюсь, чтобы имѣть вѣрнаго друга, который бы замѣнилъ мнѣ все на свѣтѣ!...»

— «Правда, вы не родились съ вашими заблужденіями. Я вами долго восхищалась; только, послѣ несчастнаго приключенія съ вами, вы слишкомъ многое себѣ дозвол...»

— «Забудьте это! Эмилія сдѣлаетъ

меня опять человѣкомъ, котораго и вы опять полюбите!...»

— «Я бы очень того желала. Я любила покойную вашу матушку, какъ сама себя: и желаю вамъ счастія всегда. Не знаю, какъ будетъ согласна моя Эмилія.»

— «Будьте такъ добры, г-жа Гиммельтраумъ, скажите вы ей первая объ этомъ; потóмъ уже я приступлю.»

— «Но вѣдь, г-нъ Вольфгангъ, у ней приданаго....»

— «Развѣ я затѣмъ пришелъ?! Если она согласна, — вотъ и приданое!... Я думаю нанять квартиру здѣсь на Литейной; въ ней мы поселимся всѣ трое: я, она и вы. Вы у насъ заступите мѣсто матери и хозяйки; пріищите, пожалусто, хорошую прислугу.»

— «Хозяйство Эмилія знаетъ нехуже меня.»

— «Ну всеже на первое время вы ей

найдете что сказать; да и вдругъ нельзя ее до всего допустить, всѣмъ озаботить.»

— «О, вы не знаете моей Эмиліи!» говорила уже радостно г-жа Гиммельтраумъ. «Даромъ-что она теперь въ чужемъ мѣстѣ и очень хорошемъ, какъ она говоритъ, но она не забыла своей тетки: она получила впередъ жалованье и прислала уже нѣсколько денегъ мнѣ... О, она очень добрая дѣвушка!....»

— «Я надѣюсь, что она составитъ мое счастіе!.... Когда-же вы, г-жа Гиммельтраумъ, скажете ей объ этомъ?...»

— «Я завтра утромъ схожу къ ней...»

— «А вечеромъ она не будетъ-ли у васъ?... О, пусть она оставитъ то мѣсто, пусть опять придетъ къ вамъ!... Квартиру мы скоро найдемъ....»

— «Г-жа Гиммельтраумъ, улыбнувшись, сказала: «посѣтите насъ завтра

вечеромъ: я думаю Эмилія моя будетъ здѣсь.»

Эдуардъ поцѣловалъ ее. «Вы будете мнѣ матерью!» проговорилъ онъ. «Постарайтесь, г-жа Гиммельтраумъ, чтобы у Эмиліи была хорошая теплая одежда: вотъ для этого деньги! Я не умѣю самъ купить....»

— «Постойте, постойте, г-нъ Вольфгангъ! Я ничего не могу отъ васъ принять для Эмиліи, безъ ея воли....»

*
* *

На другой день г-жа Гиммельтраумъ пришла къ Эмиліи утромъ. Онѣ радостно поздоровались; Эмилія просила ее подождать до окончанія срочнаго занятія съ дѣтьми. Черезъ четверть часа дѣти, закрывъ книжки, убѣжали изъ комнаты Эмиліи: тетка и племянница остались однѣ.

— «Ну что, все-еще тебѣ здѣсь нравится?» начала тетка.

— «Ничего, довольно сносно.»

— «Ну, послушай, что я тебѣ скажу, такъ ты и не думала и не гадала.... Но только смотри, разсуди объ этомъ хорошенько, посовѣтуйся еще сама съ собою....»

— «Что-же такое?»

— «Хоть и много сулятъ хорошаго; но всеже и меня еще раздумье беретъ...»

— «Да что такое?! Вы такъ сегодня таинственны, загадочны!...»

— «Да, да, подумай хорошенько, чтобъ послѣ не каяться: дѣло важное!...»

— «Вы знаете, что я неопрометчива и терпѣть умѣю. Горе или радость пришли вы мнѣ сказать, — скажите: я готова на все!»

— «Увидимъ. Вчера вечеромъ былъ у меня Эдуардъ Вольфгангъ...»

Сердце Эмиліи встрепенулось, но от-

радное предчувствіе стѣснилось робкою надеждою: и она старалась утаить свое смятеніе.

— «Знаешь-ли, какую новость онъ намъ принесъ?» продолжала тетка: «онъ проситъ руки твоей!...»

Эмилія схватила тетку за плеча и, радостно изумленная, шепотомъ проговорила: «Что вы говорите!!...» Потомъ оставила ея руки и смущенно сказала: «О, фуй, тетенька, какъ можно такъ шутить!...»

— «Ну что-же, вѣдь ты сказала, что готова на все?....»

— «Что вамъ вздумалось этимъ шутить?... Оставьте, пожалусто!...»

— «Не шучу; я тебѣ говорю, что онъ вчера удивилъ меня своимъ предложеніемъ. Онъ говорилъ, какъ благороднѣйшій молодой человѣкъ: онъ давалъ мнѣ даже денегъ на теплую для тебя одежду; сказалъ, чтобы я пріискала по-

рядочную квартиру на Литейной; что мы помѣстимся въ ней всѣ трое; чтобы я была у васъ хозяйкою, пріискала бы хорошихъ служительницъ....»

— «Послушайте, тетенька, я знаю, что этакъ выдумывать вы неспособны...»

— «Чтобы тебѣ въ этомъ убѣдиться то онъ просилъ меня пересказать тебѣ все то, что уже я сказала, и потóмъ пригласить тебя вечеромъ ко мнѣ: тамъ онъ хочетъ видѣться съ тобою самъ.»

Эмилія съ слезящимъ взоромъ жарко поцѣловала тетку и сказала: «Вы меня дѣлаете ребенкомъ!.... Я вѣрю всему!... Но сегодня не приду къ вамъ!....»

— «Какже, помилуй! Вѣдь не мнѣ за него выходить замужъ!... Ха!...»

— «Ну, хорошо!... Да нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не приду!» говорила Эмилія въ какихъ-то судорожныхъ отъ радости движеніяхъ.

— «Такъ что-жъ я ему скажу?»

— «А онъ, можетъ-быть, еще отдумаетъ...»

— «Нѣтъ, онъ не будетъ безчестенъ.»

— «О, фуй, безчестенъ!... Но я вамъ пришлю ужо отвѣтъ вечеромъ, часу въ осьмомъ....»

Приэтомъ г-жа Лиховская зачѣмъ-то спросила Эмилію: и тетка спѣшила уйти съ надеждою на записку.

Во весь этотъ день Эмилія была сама не своя: чтобъ скрыть замѣшательство, она занималась почти безпрестанно съ дѣтьми то-ученьемъ, то-ихъ игрушками. Иногда воображеніе представляло ей уже ея материнское состояніе.

Вдругъ вечеромъ въ осьмомъ часу, когда она была одна въ своей комнатѣ и линевала тетрадки чистописанія для воспитанниковъ, отворилась дверь и, вмѣстѣ съ г-жею Гиммельтраумъ, вошелъ Эдуардъ. Эмилія оледенѣла на своемъ стулѣ; самъ Эдуардъ немного потерялъ

присутствіе духа: онъ нерѣшительно приблизился къ Эмиліи и сказалъ: «Я слишкомъ смѣло поступилъ; но я пришелъ убѣдить, что ищу вашей руки и вашего сердца.»

— «Они всегда вамъ принадлежали!» проговорила тихо Эмилія, поникнувъ глазами, на которыхъ навернулись крупныя слезинки.

Эдуардъ, въ пылу сердечнаго чувства, сказалъ: «Я не ждалъ, чтобы послѣ моихъ безумствъ и людскихъ наговоровъ, вы еще меня помнили!....»

— «Эдуардъ,» сказала въ слезахъ Эмилія, «для осужденій — есть много людей; для благословеній....»

— У насъ нѣтъ родителей!» говорилъ Эдуардъ, рыдая и держа въ объятіяхъ свою невѣсту.

— Другъ, для этого у насъ будетъ Богъ!» сказала тихо Эмилія.

— Но, дѣти, будьте-же благоразумны,»

сказала г-жа Гиммельтраумъ; «вѣдь вы въ чужомъ домѣ!»

Тутъ одинъ изъ дѣтей Лиховскихъ вбѣжалъ въ комнату Эмиліи и, увидѣвъ незнакомыя лица, опять убѣжалъ.

Новые друзья уговорились такъ, чтобы Эмилія на другой-же день оставила домъ Лиховскихъ и, вмѣстѣ съ своею теткою, занялась бы приготовленіемъ къ свадьбѣ.

* *
*

Въ этотъ-же вечеръ г-жа Лиховская пришла въ кабинетъ къ мужу и говорила: «Посмотри-ка, Ваничка, какова наша гувернантка?! Мы ее хотѣли полюбить, какъ дочь; думали, что она—ангелъ во плоти, никуда не ходитъ; а у нея ужъ и женихъ нашелся!»

— «Да какъ-такъ?!»

— «Да вотъ также! Я все подслуша-

ла у дверей: онъ у нея сейчасъ былъ.»

— «Ахъ, онъ бестія! Да какъ онъ смѣлъ въ нашъ домъ войти?»

— «Онъ вмѣстѣ съ ея теткою былъ. Они ужъ уговорились, чтобы она завтра-же и отъ насъ отошла.»

— «Да, какже! А мы ее не отпустимъ!.. Пускай на свое мѣсто другую пріищетъ; а то опять хлопотать мнѣ...»

— «Нѣтъ, нѣтъ, ужъ ее удерживать я не хочу; пусть только завтра мнѣ скажетъ, такъ и съ Богомъ; сейчасъ ей паспортъ въ руки! Они даже цѣловались тамо!... Вотъ тебѣ и кроткая, и хваленая, и сирота безпомощная!...»

— «Вишь, Нѣмка проклятая! А вѣдь кажетъ такая тихонькая, водой не замутитъ... Ну, воля твоя, матушка: надобно будетъ опять приказать Пискалеву, чтобъ написалъ публикацію, да и въ газеты.»

Этотъ разговоръ, который, казалось,

такъ встревожилъ добрыхъ родителей и благонравныхъ воспитателей, былъ скоро замѣненъ другимъ. Ваничка разсказалъ супругѣ о какомъ-то очень успѣшномъ своемъ дѣлѣ, которое, какъ онъ выразился, *вмѣстѣ съ богатою Турецкою шалью будетъ представлено на благоусмотрѣніе его милой женѣ.* За *таковую* новость милый Ваничка былъ награжденъ нѣжнѣйшими супружескими ласками.

* *
*

Въ продолженіе недѣли все было сдѣлано по желанію Эдуарда: одежда для Эмиліи куплена; въ порядочную и хорошо меблированную квартиру въѣхали за три дня до свадьбы г-жа Гиммельтраумъ и Эмилія. Желая своею радостію подѣлиться съ теткою, Эмилія говорила, рѣзвясь: «Видите, тетинька, неправа-ли я

теперь, что любила Эдуарда всегда и что вы напрасно меня упрекали?... »

— «Ну что-жъ, моя любезная Эмилія, человѣкъ можетъ и ошибиться: и я вѣдь не Богъ!..»

Сколько радостей было для Эмиліи, когда послѣ бѣдной, потомъ холодной квартиръ, она вдругъ сдѣлалась хозяйкою очень хорошенькихъ комнатъ, новой красивой мебели. Съ какимъ восторгомъ встрѣтила она, принесенный отъ Эдуарда наканунѣ дня свадьбы, рояль... Но какъ разсказать всѣ радости такой невѣсты, какъ Эмилія; да иныя изъ нихъ покажутся даже смѣшными: такъ, оставаясь одна въ диванной, въ сумеркахъ, когда ничто не могло помѣшать ея радостнымъ мечтамъ и разрушить ту перспективу брачнаго и семейнаго благополучія, которую создавала ея молнійная фантазія, она то - прижимала свои руки крестообразно къ груди и ходила по

комнатѣ, какъ-бы лелѣя дитя; то-садилась на диванъ и, чуть переводя дыханіе, ласкала, въ воображеніи, Эдуарда: въ воздухѣ слышались поцѣлуи. Но всѣ ея радости, помыслы и заботы о будущемъ оканчивались, вмѣстѣ съ окончаніемъ дня, теплою, продолжительною молитвою.

Эдуардъ ждалъ дня свадьбы, какъ дня, съ котораго начнется его лучшая, спокойная жизнь. Онъ, по непривычкѣ и неопытности, мало заботился о приготовленіяхъ для домашества: все это онъ предоставилъ г-жѣ Гиммельтраумъ и заботливой Эмиліи.

Свадьба, по желанію невѣсты, была самая скромная: были приглашены только близкіе родные и коротко знакомые. Вѣнчаніе совершилось въ церкви Св. Петра. Молодые супруги отъ души и сердца произнесли обѣтъ взаимно любить другъ друга; но души ихъ неодинаково

были свѣтлы: святое терпѣніе и упованіе на Промыслъ были сильнѣе въ младенчествующей душѣ Эмиліи, нежели въ огорченной безвременною опытностію душѣ Эдуарда.

Въ числѣ любопытныхъ въ церкви, на хорахъ, близъ самаго алтаря сидѣли обѣ сестры Винцевичь съ братомъ. Безъ сомнѣнія, что они нашли много смѣшнаго въ Эмиліи и Эдуардѣ. Наглость Аркадія простерлась дотого, что онъ послѣдовалъ за вѣнчальнымъ поѣздомъ; и когда Эдуардъ вышелъ изъ кареты, то Аркадій, съ безсмысленнымъ лицемъ, протягивая ему руку, поздравлялъ его; но Эдуардъ, слегка кивнувъ головою на этотъ привѣтъ, подалъ руку выходившей изъ кареты Эмиліи.

Когда въ этотъ вечеръ Эдуардъ садился за рояль, чтобы играть для танца, то съ удовольствіемъ вообразилъ себя на мѣстѣ Глика, а свою Эмилію—на

мѣстѣ прекрасной покойной жены его. Такъ, онъ довольствовался уже подражаніемъ, тогда какъ прежде неохотно подражалъ кому-нибудь.

Нельзя незамѣтить еще, что на десертномъ столѣ, вмѣсто всѣхъ пышныхъ украшеній, стояла красивая изъ гаруса ваза. Ее сдѣлала Эмилія въ минуты отдыха въ домѣ Лиховскихъ. Эдуардъ наполнилъ ее живыми цвѣтами и самъ поставилъ на столъ, къ удовольствію всѣхъ гостей и вопреки желанію стыдливой молодой супруги. Эта ваза дала поводъ ко многимъ шуткамъ и остротамъ. Поэтъ Платонъ, танцуя съ Эмиліею, сказалъ ей: «Какъ бы я желалъ, чтобы эта ваза была эмблемою вашей жизни!»

— «Очень благодарю васъ за доброе желаніе!»

— «Жаль, что не всѣ цвѣты въ этой вазѣ равно прелестны.»

— «Тѣмъ вѣрнѣе эмблема!... И въ са-

мой радости бываютъ грустныя воспоминанія.»

— «Это правда. Помните, какъ Шиллеръ сказалъ въ своей одѣ — An die Freude?..»

— «Вы вѣрно хотите сказать:

Duldet muthig, Millionen!
Duldet für die bess're Welt!..» *

— «Да!» отвѣчалъ Платонъ и понесся съ Эмиліею въ танцѣ...

Свадьба есть всегда величайшій семейный праздникъ: онъ не только для участниковъ, но и для любопытныхъ, болѣе всѣхъ другихъ заключаетъ въ себѣ веселія и радостей жизни; это пиръ пировъ! Оттого-то слова: *«здѣсь свадьба!»* собираютъ всегда толпу людей передъ домомъ, гдѣ свадьба... Въ этой толпѣ

* Люди, страдайте терпѣливо! Страдайте для лучшаго міра!...

Ф. Шиллеръ — въ одѣ *«На радость.»*

теперь, передъ окнами квартиры господъ Вольфгангъ, находился и Аркадій Винцевичь. Онъ со своими пріятелями толкалъ прохожихъ, задѣвалъ женщинъ, хохоталъ, поглядывая на освѣщенныя окна новобрачныхъ. А между тѣмъ бѣда подстерегала его; тогда, какъ онъ перебѣгалъ черезъ дорогу, неслась по улицѣ во весь опоръ съ санями безъ кучера лошадь: она такъ ударила Аркадія оглоблею, что его привезли домой замертво.

V.

Часы не шли, они летѣли
Въ бесѣдѣ милой и простой;
Друзья, казалося, хотѣли
Воскликнуть вмѣстѣ: *время стой!*
. . . . . .
Въ его глазахъ я прочитала,
Чего такъ сильно онъ желалъ:
Ему противиться не стала, —
И онъ меня поцѣловалъ.

Изъ стихотворенія К.

Вотъ наконецъ осуществилось желаніе Эдуарда, хоть отчасти; онъ не одинъ: онъ любитъ женщину, и имѣетъ въ ней истиннаго друга. Вотъ предѣлъ жела-

ніямъ любви — и душѣ свободнѣе; теперь она опять можетъ парить въ область поэзіи!...

На другой день послѣ свадьбы молодые, какъ водится, ѣздили съ визитами. На третій день Эдуардъ хотѣлъ дома отдохнуть отъ свадебныхъ безпокойствъ; но изъ двухъ домовъ, гдѣ онъ обучалъ музыкѣ, получилъ вдругъ извѣстіе: если онъ желаетъ продолжать фортепіанные уроки, то чтобы далъ рѣшительный отвѣтъ.

— «Нечего дѣлать, Эмилія, надо съ тобою на нѣсколько часовъ разстаться.»

— «Поди, поди, Эдуардъ» сказала Эмилія; «въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ-же твои ученики будутъ оставаться безъ уроковъ?»

— «Но ты останешься безъ учителя!» сказалъ Эдуардъ, шутя и цѣлуя Эмилію.

— «Ничего; я въ это время буду готовить мой урокъ, — твои любезныя макароны.»

— «Нѣтъ, на кухню ты не должна ходить. Тетенька, вы, пожалусто, не пускайте ее на кухню!» И, поцѣловавъ Эмилію, Эдуардъ отправился на уроки; а его молодая жена отправилась на кухню дѣлить домашніе труды съ теткою.

Такъ началось новое житье молодыхъ супруговъ. Эдуардъ, возвращаясь утомленный съ утреннихъ уроковъ, хотя иногда и заставалъ Эмилію на кухнѣ, но не сердился на то; только улыбаясь, кричалъ: «Молодая хозяйка, давай скорѣе обѣдать! Я голоденъ, какъ собака!» И послѣ этого тотчасъ-же садились за столъ.

Както разъ Эдуардъ, хорошо расположенный, игралъ на фортепіано; Эмилія въ той-же комнатѣ сидѣла на диванѣ. Эдуардъ кончилъ піесу и сѣлъ возлѣ жены.

— «Послушай,» сказала она, «мнѣ все хотѣлось спросить, узнать хоть немного,

какъ сочиняютъ что-нибудь музыкальное?... Мнѣ кажется — это величайшее удовольствіе!... Какъ ты, напримѣръ, сочинялъ твои піесы?»

Эдуардъ подумалъ немного, потомъ сказалъ: «Да какъ?.... Сначала сердцу както пріятно; потомъ вся грудь наполняется звуками; я сажусь за фортепіано; все изъ груди такъ и спѣшитъ вылиться звуками; въ ушахъ, въ головѣ моей, кругомъ меня — звуки; я ничего не помню; мыслей нѣтъ; всѣ мысли, кажется, облеклись въ звуки!... И все это бывало однако-жъ слѣдствіемъ впечатлѣній...»

— «Каково-жъ тебѣ бывало въ этомъ состояніи?... Что ты чувствовалъ?»

— «Что чувствовалъ въ то время? я не знаю; но когда вся піеса, или хоть первые очерки ея были готовы, то удовольствіе переполняло мое сердце, разливалось по всей груди: — и груди бы-

ло даже больно; ее както ужасно ломило; я весь истомлялся!... Но знаешь-ли чего я послѣ всего этого еще желалъ?..»

— «Чего-же?»

— «Нѣтъ, извини; я не хочу оскорбить тебя и воспоминаніемъ объ этой пустой женщинѣ.»

— «Зачѣмъ-же ты ее бранишь, если она оставила тебѣ хоть пріятное воспоминаніе?... Чего-жъ ты желалъ послѣ твоего вдохновенія?»

— «Я — хотѣлъ, очень хотѣлъ ее поцѣловать! Но святѣе того поцѣлуя ничего не могло бы быть!... Иногда мнѣ хотѣлось, чтобы она поскорѣе услыхала мое новое произведеніе; или — чтобы кто-нибудь похвалилъ мое сочиненіе — и она бы услыхала эти похвалы!...»

— «Вотъ я скорѣе не одобрю въ тебѣ желанія похвалъ...»

— «Отчего-же? Развѣ меня не должны

похвалить, когда я сочинилъ что-нибудь хорошее?...»

— «Все правда; но длячего бы не сочинять такъ, чтобы не въ похвалахъ, а въ самомъ произведеніи, въ самомъ вдохновеніи находить свое удовольствіе?... Похваламъ иногда и вѣрить нельзя!...» Эмилія, замѣчая, что вниманіе Эдуарда разсѣявается, сказала: «Ахъ, кстати, сыграй тотъ полонезъ, который ты давно когда то сочинилъ!..»

— «А ты гдѣ его слышала?»

— «Ты его игралъ однажды у Луизы на вечерѣ, въ день ея рожденія..... Ты въ тотъ вечеръ былъ ужасно разстроенъ.»

— «О, я ужъ того и не помню!» сказалъ Эдуардъ и сталъ играть полонезъ, посвященный Эвфаліи.

Эмилія стояла за стуломъ и живо воображала тотъ вечеръ: много грустнаго ожило въ ея памяти; но настоящее положеніе успокоило ее. Думая, что Эду-

арду доступны теперь всѣ предложенія, совѣты и доказательства, Эмилія съ величайшимъ добродушіемъ сказала: «Зачѣмъ ты, Эдуардъ, не составляешь у себя музыкальныхъ вечеровъ?..»

— «Да; ты не знаешь сколько тутъ педантства, самолюбія и другихъ несносныхъ мелочей входитъ!... интригъ!... Вмѣсто музыки тутъ иногда придется слушать самыя нелѣпыя нападки на своихъ собратій!... А ужъ, Боже сохрани! если вотрется еще любитель-критикъ!...»

— «Ну, помилуй, ужели нѣтъ добрыхъ людей?!..»

— «Тебѣ всѣ кажутся добрыми, потому-что ты сама добрѣе всѣхъ!...»

— «Да впрочемъ, что-жъ тебѣ до того, добры-ли они или нѣтъ? Была бы только добрая музыка: это пріятно, а для тебя, думаю, еще и полезно.»

— «Я и безъ нихъ знаю столько, сколько они всѣ вмѣстѣ!..»

Эти слова были сказаны съ нѣкоторою гордостію и презрѣніемъ къ толкамъ, которые въ ту минуту пришли на память Эдуарду. Его гордый тонъ опечалилъ Эмилію.

Замѣтивъ свою неловкость, Эдуардъ смягчился и продолжалъ: «Если ты хочешь, а я очень желалъ бы, завести у насъ небольшія собранія.»

— «Неужели карты?»

— «Нѣтъ, я ихъ не знаю; а учиться... для этого я уже слишкомъ лѣнивъ... Нѣтъ, пусть приходятъ наши родственники, знакомые; пригласи еще кого хочешь.... Пусть танцуютъ. Я люблю, когда все вертится, шумитъ, хлопочетъ, суетится изъ ничего, переливаетъ-себѣ изъ пустаго въ порожнее! ха, ха, ха!..»

— «Да, если часто, такъ это наскучитъ.»

— «Зачѣмъ часто? Когда вздумаешь: вотъ хоть въ слѣдующее Воскресенье...»

Несовсѣмъ-то охотно приняла это предложеніе Эмилія, — но приняла: она почитала это средствомъ еще болѣе пріучить Эдуарда къ семейному, какъ прочному и самому вѣрному житью. Молодые супруги уговорились, кого пригласить на первый разъ. Эмилія, по желанію Эдуарда, охотно приняла на себя всѣ распоряженія для такихъ собраній.

Въ этотъ-же вечеръ за чаемъ Эмилія спросила Эдуарда: «А ты еще не писалъ въ Москву о нашемъ бракѣ?»

— «Я писалъ къ отцу передъ свадьбой: я просилъ у него благословенія; онъ прислалъ мнѣ его.... Чудакъ, замѣчаетъ, зачѣмъ я взялъ безъ приданаго?!.. Хе, хе, ледяной человѣкъ!..»

— «Оставь это, Эдуардъ!..»

— «А вотъ лучше я къ кому напишу, къ моему Тренену въ Ригу! Тотъ

порадуется моему счастію! Онъ мнѣ и самъ того желалъ.» И Эдуардъ поцѣловалъ жену, сказавъ: «Знаешь что, Мильхенъ, я стану теперь писать письмо къ Тренену, а ты вели приготовить мнѣ стаканъ глинтвейну.»

— «Ну, Эдя, развѣ нельзя безъ этого?...»

— «И, что за пустяки! Человѣку надобно жить по-человѣчески. Мудрецы говорятъ:

Wer liebt kein Wein, kein Weib und kein Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang!...

Да впрочемъ, я чувствую маленькую лихорадку.»

— «Ну, это дѣло другое...»

VI.

Напѣнь мнѣ чашу золотую
Виномъ Токайскимъ огневымъ:
И я кручину сердца злую
Развѣю весело, какъ дымъ!

А. В. Григорьевъ.

Стучите чашами громчей;
Дружней гетеръ и Вакха пойте!
Волненіе души моей
Хоть на минуту успокойте!

Баронъ Дельвигъ.

Веселые вечера въ домѣ Вольфганга составлялись чрезъ три недѣли. Виновницею общаго удовольствія была Эмилія. У нихъ бывали три или четыре до-

брыя семейства; Луиза, бывшая въ это время уже замужемъ; неизмѣнная подруга Эмиліи, Лида; и нѣсколько молодыхъ людей, неогрубѣлыхъ, неразочарованныхъ, не пустыхъ сердцемъ.

На такихъ вечерахъ веселье, дружба и любовь дѣлаютъ жизнь тѣмъ, что она есть: они изгоняютъ изъ нея суетное приличіе, которое безобразитъ общество и рядитъ его въ маску.

На этихъ вечерахъ радушная Эмилія старалась молодыхъ гостей занять танцами, а пожилымъ — доставить предметъ для разговора то-замѣчаніемъ о какихъ-нибудь добрыхъ качествахъ въ дѣтяхъ присутствовавшихъ семействъ, то-сердечнымъ участіемъ о воспитаніи, о домашествѣ и тому подобномъ. Но Эдуардъ всегда бывалъ только веселымъ гостемъ: онъ то-игралъ на фортепіано для танцевъ, то-смѣялся съ молодыми людьми, то шутилъ съ дѣвицами, или любез-

ничалъ съ женщинами; но иногда вдругъ садился уединенно, задумчиво глядѣлъ на танцующихъ и — опускалъ голову, будто подъ грузомъ тяжелыхъ воспоминаній. Въ такомъ случаѣ наблюдательная Эмилія, старавшаяся отклонять все, что мѣшало общему веселью, тотчасъ подходила къ мужу: и онъ, цѣлуя ея руки, мгновенно опять развеселялся.

Правда, хотя Эдуардъ добровольно отдавался въ зависимость Эмиліи; хотя она умѣла выводить его изъ нѣкоторыхъ заблужденій, но это было съ Эдуардомъ не во всякое время: иногда прихоти его были ему милѣе убѣжденій жены-друга. Въ такомъ случаѣ Эмилія употребляла благоразумное снисхожденіе или терпѣніе.

Самое тѣло Эдуарда, пострадавшее много отъ разстройствъ физическихъ и душевныхъ, часто лишалось своей крѣпости, утомлялось и — мѣшало его ве-

селости. Погода имѣла на него также полное свое вліяніе. И въ веселомъ и грустномъ положеніи духа, Эдуардъ часто садился возлѣ своей жены, слушалъ, когда она читала что-нибудь, или засыпалъ, какъ ребенокъ, опустивъ голову на ея руки.... Прекрасная черта семейнаго благополучія! правда! Но — и Эмилія несовсѣмъ была довольна вовсе бездѣятельною нѣгой Эдуарда.

Счастливъ человѣкъ, неиспытавшій высокихъ наслажденій, помысловъ и надеждъ генія или таланта! Для него довольно ежедневныхъ занятій въ его кругу дѣятельности; довольно общепринятыхъ срочныхъ удовольствій, забавъ и увеселеній, онъ въ продолженіе цѣлой своей жизни только приближается къ той цѣли, къ понятію о томъ совершенствѣ, съ полнымъ, хотя иногда темнымъ сознаніемъ котораго родятся геній и талантъ. Ему не съ чѣмъ сравнить своего счастія: когда

онъ счастливъ по-земному,—онъ забываетъ, что можно быть счастливѣе; когда онъ несчастливъ по-земному, —утѣшится надеждами, что это несчастіе замѣнится другими благами, или пройдетъ. Но счастіе генія или таланта въ томъ и состоитъ, что онъ геній или талантъ: и каково-жъ лишиться этого счастія?!... Онъ сталъ Аббаддоною! Онъ былъ близъ самаго Рая, и упалъ въ пропасть, увлекаемый какою-то мечтою-демономъ. Рай исчезъ для него, но мучительное воспоминаніе о немъ живетъ въ душѣ его: нѣтъ силъ приблизиться опять къ Раю, но душа, вкусившая Райскія блаженства, жаждетъ ихъ снова: — а какія-же блаженства въ пропасти?!... Но она ищетъ ихъ и тамъ; и эти, сладкія для нея поиски, ускоряютъ ея гибель: но это—ея ужасное блаженство!...

Кто-то изъ философовъ сказалъ, что благороднѣйшее, въ своемъ разрушеніи,

есть ужаснѣйшее. Если это такъ, то Эдуардъ счастливъ, что невовсе отдался страстямъ, и что спутницею въ своей обыкновенной жизни выбралъ женщину необыкновенную. Пусть погибъ талантъ, но несовсѣмъ еще погибъ человѣкъ!...

Обезпеченный по домашеству и имѣя съ кѣмъ дѣлить время, Эдуардъ пересталъ искать развлеченій внѣ дома; онъ даже чаще началъ заниматься музыкою. Эмилія радовалась исправленію мужа. Въ ихъ домѣ почти каждый день начинался и оканчивался музыкою. Такъ начался и одинъ день въ Мартѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ три мѣсяца послѣ ихъ свадьбы. Вешняя погода съ ея свѣтлымъ солнцемъ, легкимъ воздухомъ и трельнымъ пѣніемъ жаворонковъ ободряли и нѣжили человѣка. Эдуардъ уже съ семи часовъ сидѣлъ за роялемъ; Эмилія въ осемь часовъ вышедъ изъ своей уборной, въ спальномъ капотѣ, но уже съ причесан-

ною головою и съ прелестною краскою въ лицѣ, разливала кофе. Прислушиваясь къ музыкѣ, она повременамъ, въ сладкомъ забвеніи, чуть-чуть струила кофе въ чашку. Г-жа Гиммельтраумъ дошивала свое платье къ празднику. Эдуардъ пришелъ пить кофе: лице его выражало довольствіе.

— «Что это игралъ ты?» спросила Эмилія.

— «Піесу Мендельсона.»

— «Прекрасная піеса!» сказала Эмилія, подавая Эдуарду большую раззолоченную чашку кофе.

Послѣ недолгаго молчанія, въ которомъ сердце каждаго будто отдыхало отъ пріятныхъ впечатлѣній, г-жа Гиммельтраумъ и Эмилія заводили рѣчь о нѣкоторыхъ приготовленіяхъ къ празднику Пасхи. Эдуардъ, по нелюбви къ разговору о такихъ предметахъ, на все соглашался и наконецъ, сказавъ: «Но по-

жалусто дѣлайте, что хотите: вѣдь дурнаго не сдѣлаете!» отправился на уроки.

По обыкновенію ждали Эдуарда и въ этотъ день къ обѣду; но въ срочный часъ онъ не пришелъ. Столъ былъ накрытъ; кушанье готово; Эмилія сидѣла у окна и нетерпѣливо ждала мужа; прошло болѣе полутора часа, — Эдуардъ не приходилъ. Вдругъ Эмилія ахнула, накинула платокъ на голову, салопъ на плеча, кликнула слугу и опрометью бросилась съ нимъ къ воротамъ, у которыхъ извощикъ снималъ съ дрожекъ Эдуарда, обезсиленнаго виномъ. Эмилія, скрывая свое лице, заботливо, съ помощію слуги, ввела мужа въ покои.

— «Не сказывайте Эмиліи Александровнѣ, что я пришелъ домой!» на силу проговорилъ Эдуардъ.

Эмилія, вся въ жаркихъ слезахъ, уса-

живая Эдуарда, ропотно сказала: «Успокойся, Эдуардъ, она ничего не узнаетъ!»

Это поразило Эдуарда; онъ угрюмо проговорилъ: «Извини меня, Мильхенъ!.. Злой духъ не оставляетъ меня!... Мнѣ было ужасно скучно!..»

— «Лягъ, лягъ!» говорила Эмилія, ухаживая около мужа; «Успокойся, Эдуардъ; тебѣ надо уснуть.»

Эдуардъ забылся сномъ; Эмилія вышла изъ комнаты, крѣпясь терпѣніемъ. Она не могла обѣдать. Тетка долго и съ досадою ждавшая обѣда, сѣвъ за столъ, начала̀ припоминать Эмиліи свои совѣты, начала̀ особенно упрекать ее за то, что она не вышла замужъ за Земхама, который отдѣлалъ свой домикъ, какъ игрушку; говорила ей, что еще это приключеніе съ Эдуардомъ только начало тѣхъ бѣдствій, которыя должны непремѣнно его постигнуть....

Эдуардъ, услыхавъ слова тетки, раз-

разился надъ нею бранью за жену свою. Слѣдствіемъ было то, что г-жа Гиммельтраумъ рѣшилась непремѣнно оставить домъ Эдуарда.

Семейныя непріятности почти всегда скоро проходятъ, особенно тамъ, гдѣ есть хоть одно истинно любящее и достойное любви сердце. Благоразуміе, а еще болѣе, мысль о претерпѣнныхъ Эдуардомъ несчастіяхъ, о причинахъ этихъ несчастій, и безпредѣльная любовь къ мужу, который и въ своемъ недостойномъ положеніи помнилъ свою достойную подругу, успокоили Эмилію. Г-жа Гиммельтраумъ, разсудивъ, что ей гораздо лучше жить на всемъ готовомъ у Эдуарда, нежели переносить непріятности бѣдной и одинокой жизни, сказала Эмиліи, что только для нея остается она еще жить въ ихъ домѣ. А Эдуардъ на другой-же день своимъ молчаніемъ и

снисхожденіемъ показалъ, что онъ сознаетъ свой неприличный вчерашній поступокъ.

Скоро все въ домѣ опять пришло въ обыкновенный порядокъ: опять день начинался музыкою, поцѣлуями, шутками и дѣятельностію. Свѣтлый праздникъ встрѣтили радостно: у Эдуарда въ первый день былъ веселый вечеръ...

На другой день Эдуардъ, возвратясь домой изъ церкви, сказалъ равнодушно и даже съ желаніемъ угодить женѣ: «Эмилія, завтра хоронятъ твою бывшую соперницу.»

Эмилія поблѣднѣла.

— «Что ты, Эмилія?! Не безпокойся: я о ней и думать позабылъ,» сказалъ

безпечно Эдуардъ и началъ, къ удовольствію Эмиліи, разговоръ о назначенномъ у Луизы вечерѣ.

VII.

Жизнью земною играла она, какъ
младенецъ игрушкой.
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась
тамъ

Баронъ Дельвигъ.

Умерла Эвфалія!... Ея смерть пробуждаетъ во мнѣ грустныя воспоминанія, наводитъ на меня печальныя думы. Вся повѣсть моя есть слѣдствіе этихъ воспоминаній и думъ. Вотъ и теперь, когда только что занялась заря, я сижу

опечаленъ среди этихъ воспоминаній и думъ и ввѣряю ихъ бумагѣ... Зачѣмъ ты, розовая, прелестная заря утренняго неба покрываешься иногда, въ самыя первыя минуты твоего явленія, туманомъ? Зачѣмъ прекрасный день, тобою обѣщанный землѣ, становится пасмуренъ, и изъ жизни людей, бѣдныхъ радостями, улетаетъ еще одна радость?.... Или ты скрываешься отъ глазъ преступныхъ? Или ты оскорбилась, что міръ еще дремлетъ, когда ты взлетѣла уже на небосклонъ? Или... Но ты, заря, — дочь мудрой природы: ты покорна законамъ ея! А люди сами себѣ могутъ предписывать законы. Зачѣмъ они покорствуютъ иногда не законамъ истины? Зачѣмъ они такъ дѣтски идутъ по дорогѣ жизни, и, срывая на ней прелестные цвѣтки, разбрасываютъ ихъ безпечно?... Грустно! Эти слова уже невпервые повторяются, и человѣку ослѣпленному напрасно бу-

дутъ повторяться до самаго конца міра!... Грустно!... Какъ хорошо иногда начнешь день свой, а какъ дурно его кончишь! Грудь наша разрывается отъ тоски и раскаянія!... О, хорошо еще, если благотворная тоска и спасительное раскаяніе имѣютъ силу надъ нами!...

Въ соединеніи двухъ, совершенно безкорыстно любящихся, сердецъ можетъ существовать истинная любовь. Такъ это и бываетъ, но рѣдко, недолго: на землѣ, ксожалѣнію, и нравственный міръ въ рукахъ времени. Зависимость отъ людей, слабость собственной воли, недостатокъ силы чувствованія, недальновидность, малоупованіе въ Промыслъ и довѣріе людямъ пристрастнымъ истребляютъ любовь въ сердцѣ женщины, хотя иногда и оставляютъ ее еще доброю, нѣжною, благопріязненною къ мужу. Но такой поступокъ женщины разрушаетъ весь міръ прекрасный, фантастическій, но невовсе

неосуществимый міръ таланта, невполнѣ еще развившагося: вся вѣра въ прекрасное какъ бы оставляетъ его и только иногда лучи ея проникаютъ въ его погасшее сердце. Мы видѣли неразъ подобное явленіе въ Эдуардѣ; неразъ сердцѣ его вспыхивало огнемъ поэзіи, грудь волновалась, какъ гладкая поверхность воды отъ перваго вешняго вѣтерка; онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе какой-то необычайной силы: онъ ударялъ въ струны;... но то было не вдохновеніе; то было минутное, темное воспоминаніе невозвратимаго и тревога по немъ. Оно быстро исчезало изъ груди Эдуарда:—и онъ, не имѣя силы перенесть своего несчастія, непривыкшій довольствоваться жизнію человѣка общественнаго, старался развѣять свою кручину, заглушить вопли сердца... Но и въ самомъ забытіи своемъ онъ помнилъ людей, близкихъ его сердцу: онъ

не хотѣлъ своимъ дурнымъ поведеніемъ оскорбить нѣжной матери; онъ хотѣлъ утаить свои слабости отъ горячо любившей его жены... И такого человѣка оставила ты, Эвфалія! Ужели лучшую долю избрала ты себѣ?!...

Правда, нѣжнѣйшія и лучшія заботы Кроткина были объ Эвфаліи. Она была освобождена отъ всякихъ домашнихъ безпокойствъ: для этого наняты были вѣрные и честные люди. Мужъ старался иногда замѣчаніями остеречь Эвфалію отъ нѣкоторыхъ словъ или поступковъ, не дурныхъ по-себѣ, но недопускаемыхъ приличіемъ. Владѣя флейтою, какъ лучшій виртуозъ, онъ иногда довольно горячо замѣчалъ ошибки въ игрѣ Эвфаліи. Но эти нѣжныя заботы, дружескія остереженія мужа и нетерпѣливыя замѣчанія музыканта нестолько укрѣпили брачныя связи, сколько стѣснили мужа и жену нѣкоторыми принужденіями. Хотя

Кроткинъ давно уже привыкъ къ этимъ принужденіямъ, но для Эвфаліи, привыкшей къ волѣ, они были тягостны; только мысль, что она должна покорствовать мужу, какъ прежде покорствовала отцу, облегчала ей эту тягость. По этому-же покорству она принудила себя ѣздить съ мужемъ, хотя изрѣдка, въ домы знатныхъ. Но тамъ ее томило это мелочное искусство, съ которымъ такъ суетливо, такъ заботливо различаютъ чины и богатство; это презирающее состраданіе; вся эта мучительная система условій, которую называютъ высшимъ тономъ, и которая есть только порожденіе не истиннаго образованія, а временныхъ обстоятельствъ. Этотъ высшій тонъ тѣмъ несноснѣе былъ для Эвфаліи, что она видѣла въ немъ смѣсь чего-то грубаго съ занятою, чужеземною наружностію,— безобразное лице въ прелестной шелковой маскѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ бѣдны изобрѣтательностію, что нерѣдко надѣваемъ на себя такое платье, какое Парижскіе законодатели-модисты отдаютъ уже своимъ слугамъ... И мы презираемъ бѣдность!... Бѣдные!...

Эвфалія, съ минуты своего замужства, очень рѣдко видѣлась съ прежними своими друзьями: съ семействомъ Дубиныхъ и съ Софьей Васильевной. Кроткинъ скучалъ въ обществѣ, гдѣ не могъ ни заняться музыкою, ни завесть разговора о предметахъ политическихъ или хоть служебныхъ. Эвфалія, во всемъ покорная спутница мужа, оставила свою дѣвическую, прелестную рѣзвость и игривость и, въ кругу юныхъ, прежнихъ друзей своихъ, стала застѣнчиво-скромна... Когда молодые люди, плѣнявшіеся ею до безумія, искали теперь въ ея глазахъ бывалаго дѣтскаго привѣта,—она стыдливо опускала глазки и улыбалась, какъ

ребенокъ, въ которомъ возникаетъ самопонятіе. Когда-же они, наперерывъ другъ передъ другомъ, приглашали ее для танца, то она часто отказывалась, скромно сидя возлѣ мужа, который безпрестанно заботился, чтобы она не простудилась. И прежніе игры и танцы въ семействѣ Дубиныхъ, лишились одушевительной своей веселости, которую приносила Эвфалія. Да, эта веселость скоро и совсѣмъ исчезла, когда обольстительные призраки свѣта сманили нѣкоторыхъ изъ этаго круга и доставили имъ одну пустоту сердечную. — Только ты, Славеновъ, съ сладкимъ вздохомъ вспоминаешь объ этихъ вечерахъ... Когда-нибудь мы вспомнимъ о тебѣ; а теперь броди-себѣ по бѣлу-свѣту!...

Эвфалія покорствовала мужу, потому-что почитала законы Божескіе и человѣческіе, соединившіе ее съ нимъ; она уважала въ немъ достойнаго человѣка

тѣмъ болѣе, что его высоко цѣнилъ и самъ Крупниковъ, любимый ею. И въ самомъ дѣлѣ, Кроткинъ составилъ бы счастіе женщинѣ, которая, при добромъ сердцѣ и благоразуміи, можетъ искусно примѣниться къ духу общества. Но Эвфалія могла только или лишиться свободы и увядать терпѣливо, или дѣтски играть жизнію. И, кажется, эта вторая доля ждала ее въ бракѣ съ Эдуардомъ: характеры ихъ, уже сходные, еще болѣе породнились во время любви.

Изъ всѣхъ прежнихъ, коротко знакомыхъ Эвфаліи, посѣщала ее теперь, изъ признательности и по просьбамъ Кроткина, одна Софья Васильевна. Она, съ минуты выбытія изъ дома Крупникова, хотя и поселилась въ домѣ отца своего, но, скучая образомъ жизни Василія Екимыча, часто гостила у своихъ родныхъ. Она-то принесла однажды Эвфаліи вѣсть о томъ, какой безпорядоч-

ной жизни предался Эдуардъ. На ту пору Эвфалія болѣе, нежели когда-либо, чувствовала грусть своего замужства: она ужаснулась; она видѣла себя виновницею его бѣдствій, она знала, что онъ слишкомъ былъ хорошъ, чтобы упасть вдругъ до такой степени.... Эвфалія, при такой вѣсти объ Эдуардѣ, залилась горькими слезами.

— «Еслибъ я знала,» говорила, почти равнодушно, Софья Васильевна, «что это тебя и теперь еще, въ твоемъ счастливомъ положеніи, такъ потревожитъ, я бы тебѣ этого не разсказала ни зачто.»

Но Эвфалія плакала, отирала слезы и не отвѣчала бывшей подругѣ. Пришедшій въ ту минуту Кроткинъ удивился слезамъ жены. Но она, не запинаясь, сказала ему: «Я о томъ плачу, что Сонинька совсѣмъ не навѣщаетъ меня; совсѣмъ меня забыла!...»

И мужъ убѣждалъ и просилъ Софью Васильевну продолжать съ Эвфаліею знакомство и дружбу по-прежнему.

Все-же Эвфалія часто наединѣ, представляя себѣ Эдуардово ужасное положеніе, въ которомъ видѣла неизбѣжную гибель, мучилась и горько плакала. Только бракъ его съ Эмиліею далъ разсудку ея средство успокоить совѣсть. Въ Эвфаліи возникла теперь опять прежняя ошибочная мысль, что Эмилія была ей соперница и что Эдуардъ искусно скрывалъ отъ нея свою любовь, можетъ быть, очень преступную, и бракомъ съ нею хотѣлъ отдѣлаться отъ обманутой своей любимицы. Многое придумалъ заблудившійся разсудокъ Эвфаліи, для успокоенія тревожной совѣсти, и наконецъ успѣлъ примириться съ нею. Но когда у Эвфаліи родился сынъ и сдѣлался единственнымъ, необходимымъ предметомъ всѣхъ ея заботъ, всей ея люб-

ви, то нерѣдко, держа ребенка у груди и представляя себѣ участь Эдуарда, она задумывалась надъ дитятею и съ тоскующимъ взоромъ глядѣла на образъ Богоматери.

Съ минуты рожденія сына Эвфалія пріобрѣла много милыхъ заботъ, и тѣмъ отдалила отъ себя много скучныхъ минутъ: кромѣ того въ своемъ дитятѣ она получила такого друга, съ которымъ и сама могла быть опять дитятей. И, кажется, судьба сжалилась надъ нею, не дала ей узнать холодной и потому несносной для нея старости. Полтора года замужствовала она, и вдругъ слегла въ постель отъ сильной простуды. Кроткинъ, а еще болѣе, Крупниковъ употребили все стараніе къ ея излеченію, но напрасно: съ каждымъ днемъ силы ея слабѣли и организмъ разрушался. Добрый отецъ почти неотлучно былъ при ея постели; старался тѣшить люби-

мую свою Эвфалію всѣмъ, чѣмъ только могъ. Наканунѣ Свѣтлаго праздника онъ привезъ ей нѣсколько горшковъ имъ самимъ взлелѣянныхъ цвѣтовъ. Эвфалія выбрала изъ нихъ бѣлую розу и велѣла поставить ее возлѣ своей кровати. Съ сильнымъ волненіемъ чувства она глядѣла на эту розу; на блѣдномъ лицѣ ея выражалась глубокая тоска.

На другой день отецъ прямо отъ Свѣтлой заутрени пріѣхалъ къ больной. Она была очень слаба; взглянула угасавшими глазами на склонившуюся розу и едва проговорила: «Ваша роза, папенька, увядаетъ!»

Отецъ, желая отклонить ее отъ грустной мысли, шутливо сказалъ: «Она тебѣ кланяется; поздравляетъ тебя съ праздникомъ!...»

— «Ахъ, какъ она уже склонилась!... Кажется, ваша роза, папенька, скоро

умретъ!...» проговорила Эвфалія и закрыла глаза.

Отецъ и мужъ поняли намекъ ея и, желая утаить слезы свои, вышли поспѣшно изъ комнаты. Черезъ четверть часа страдалица попросила духовника.

Послѣ исповѣди и причащенія Святыхъ Тайнъ, Эвфалія немного успокоилась; на блѣдномъ, нѣжномъ лицѣ ея видна была твердость душевная. Но смерть сочла уже минуты ея жизни. Скоро Эвфалія потребовала своего сына: его принесли. У кровати больной стояли теперь: кормилица съ ребенкомъ, Крупниковъ, Кроткинъ и старая няня, Архиповна,—живая лѣтопись жизни Эвфаліи. Ребенокъ спалъ на рукахъ кормилицы. Мать благословила его дрожащею рукою и остановила на немъ взоръ свой. Никто изъ окружавшихъ не понималъ того чувства, которое горѣло еще въ этомъ взорѣ, но каждый безмолвно бла-

говѣлъ передъ нимъ. О! еслибъ кто зналъ, что въ этомъ тоскующемъ взорѣ умирающей матери исчезла уже прежняя безпечная Эвфалія; еслибъ кто зналъ, что въ эту минуту мать Эвфалія, покидая сына, живо представила себѣ погибшій талантъ Эдуарда и настоящее его жалкое положеніе; еслибъ кто зналъ, какъ въ эту минуту разрывалось сердце матери, трепетавшей за сына,—тотъ не за Эвфалію только, не за одного бы себя страдалъ, но страдалъ бы высокою мукою за все человѣчество, гдѣ и прекраснѣйшее сердце, руководимое пристрастіемъ и ослѣпленнымъ разсудкомъ, можетъ безсознательно причинить много зла ближнему... Долго умирающая глядѣла на сына и потомъ опять благословила его. Двѣ крупныя, холодныя слезы выкатились изъ глазъ ея и по жаркимъ ея щекамъ пробѣжали жгучими каплями. Она взглянула на отца и хотѣла

обратиться къ мужу, но послѣдній предсмертный вздохъ остановилъ ее; она подняла свою руку, какъ бы желая взять дитя свое... Старикъ Крупниковъ, весь въ слезахъ, схватилъ эту руку... Мгновенный, безжизненный взглядъ, какъ слабая искра западающаго въ облакахъ солнца, блеснулъ еще доброму старику и — угасъ навѣки... Еще минута—и передъ безутѣшно плачущими: Крупниковымъ, Кроткинымъ, кормилицею и нянею, лежалъ блѣдный трупъ прелестнаго цвѣтка Кавказа.

* *
*

По желанію Крупникова, Эвфалію похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, подлѣ нѣжной воспитательницы ея, Вѣры Александровны. Въ день погребенія, когда уже опустили гробъ въ землю, хорошо одѣтая молодая женщина, подъ

черною вуалью, склонилась надъ могилою и, вмѣстѣ съ горячими слезами, опустила на гробъ Эвфаліи горсть земли. Скрывая свое лице и отирая глаза, она поспѣшно удалилась съ могилы и возвратилась домой, чтобы помогать въ хозяйствѣ своей теткѣ, г-жѣ Гиммельтраумъ.

VIII.

Den Göttern gleich' ich nicht! Zu tief ist es gefühlt;
Dem Wurme gleich' ich, der den Staub durchwühlt;
Den, wie er sich im Staube nährend lebt,
Des Wandrers Tritt vernichtet und begräbt.

Göte.

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

А. С. Пушкинъ.

Еслибы смерть Евфаліи случилась полтора года ранѣе, то, вѣрно, была бы причиною смерти Эдуарда; но теперь,—

теперь онъ удивлялся только, что могъ когда-то увлечься такою, по его словамъ, *легкомысленною дѣвушкою;* теперь онъ былъ доволенъ своимъ настоящимъ образомъ жизни и не думалъ о настоящей причинѣ гибели своего таланта. Если кто смѣлыми вопросами тревожилъ усыпленную его способность, то онъ отговаривался или безвременіемъ, или тѣмъ, что не имѣетъ охоты, или что его творчество было только дань первой юности. Если-же кому случалось сильною истиною, яснымъ доводомъ уничтожить его отговорки, то онъ тотчасъ начиналъ скучать отъ разсѣянности и невнимательности. Двѣ склонности души — разсѣянность и невнимательность, спутницы человѣка, нелюбящаго мыслить, усиливались въ Эдуардѣ съ каждымъ днемъ.

Эмилія старалась его исправить: она чаще начала обращаться къ нему съ вопросами по дѣламъ домашнимъ, но всег-

да, къ прискорбію ея, Эдуардъ цѣловалъ ее и съ нѣжностію говорилъ: «Душенька, дѣлай что тебѣ угодно: вѣдь ты знаешь, что я для этихъ дѣлъ совершенный негодяй!... И неужели-же ты, моя милая хозяйка, соскучишься хозяйничать?... »

Изъ этихъ словъ Эмилія видѣла, что Эдуардъ, по разсѣянности, дѣлается равнодушнѣе даже и къ ней самой: въ первые дни брака онъ никакъ не хотѣлъ, чтобы жена его занималась чѣмъ-либо въ домѣ, а теперь, черезъ полгода, готовъ былъ удивляться, еслибъ Эмилія выполнила прежнее его желаніе.

Эмилія стала заводить съ нимъ разговоры о музыкѣ, о музыкантахъ; но, послѣ немногихъ словъ, Эдуардъ обыкновенно говорилъ: «Но, душенька, говорить о музыкѣ мнѣ также приторно, какъ слушать лѣниваго ученика!»

Что было дѣлать бѣдной Эмиліи? Духъ

ея страдалъ; будущность пугала ее; ксчастію терпѣніе ея бодрствовало и укрѣплялось; но стараніе ея исправить мужа истощилось. Она прибѣгнула къ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ; между ними нашлись и суевѣрные, которые убѣдили ее обратиться къ юродивой старушкѣ, Маврушѣ, жившей тогда на Козьемъ-Болотѣ въ Коломнѣ. Она имѣла даръ предсказывать будущее: Эмилія рѣшилась спросить у ней судьбу свою. Юродивая странными какими-то рѣчами дала ей понять, что у ней родится сынъ, случится несчастіе, потомъ счастіе польется рѣкою. Эмилія, возвратясь отъ предсказательницы, мучительно каялась въ своемъ дерзновеніи проникать будущее.

Родившійся сынъ нисколько не измѣнилъ характера Эдуарда. Онъ иногда приходилъ домой очень отяжеленный виномъ. Дурныя привычки легко и скоро

прививались къ его характеру. Онъ дѣлался запальчивъ, особенно въ нетрезвую минуту. Такъ однажды пришелъ онъ въ казенное заведеніе, на уроки, и очень въ непристойномъ видѣ. Швейцару заведенія велѣно было отказывать Эдуарду въ подобномъ случаѣ. На этотъ разъ Эдуардъ не послушалъ Швейцара и хотѣлъ силою итти въ классъ; швейцаръ употребилъ съ своей стороны также силу: взбѣшенный Эдуардъ далъ ему пощечину. Эту сцену увидѣлъ одинъ изъ главныхъ начальниковъ заведенія: и Эдуардъ былъ выведенъ изъ корридора.

Бѣдная Эмилія въ тотъ день опять встрѣтила мужа у воротъ. Но она не знала случившагося съ нимъ. На другой день Эдуардъ разсказалъ, что ему, за вчерашній поступокъ, приказано подать просьбу объ увольненіи изъ заведенія: «Чортъ ихъ побери!» прибавилъ онъ. «Не бѣда; а впередъ наука!...»

Но бѣда ему готовилась: многіе домы, узнавъ объ этомъ происшествіи, отказали ему отъ уроковъ: чрезъ что его годовой доходъ въ одинъ мѣсяцъ сократился почти тремя тысячами рублей. И тутъ только Эдуардъ озадумался. Но Эмилія старалась сохранить свой характеръ: она ничѣмъ уже не тревожила мужа и старалась казаться даже спокойною, хотя внутренно страшилась за Эдуарда: онъ стоялъ теперь между двумя крайностями,—между борьбою съ бѣдностію и совершеннымъ распутствомъ. Сколько первая была для него несносна, столько второе—вожделенно.

IX.

Мнѣ было все равно любить:
Душѣ роднымъ казался каждый;
Не разбирала, что мнѣ пить,
Лишь только-бъ не томиться жаждой.....

Н. А. Кирсановъ.

Но свѣтъ... жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ преступленій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья....

А. С. Пушкинъ.

У генерала N. гремѣлъ блистательный балъ. Генералъ награжденъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника: и вотъ что

было причиною торжества. Въ пятнадцати великолѣпныхъ комнатахъ безпрестанно улыбались богатство и знатность.

Въ одной изъ этихъ комнатъ, княгиня С., урожденная графиня Д., та самая, которая за два года назадъ приняла такое живое участіе въ Эдуардѣ, такъ, можно сказать, полюбила его въ этомъ-же домѣ, сидѣла вдвоемъ съ генераломъ N. Послѣдній старался предупредить каждое ея желаніе, угадать каждую мысль ея, угодить малѣйшему ея требованію: потому-что она была теперь супругою сына князя С., главнаго его начальника и покровителя, который собственно и былъ виновникъ награды и бала. Послѣ нѣсколькихъ словъ о цвѣтахъ, стоявшихъ въ комнатѣ и понравившихся княгинѣ, и которыми N. обѣщалъ завтра-же украсить ея будуаръ, N. искусно повелъ рѣчь о музыкальномъ

мірѣ: онъ зналъ, что это любимѣйшій міръ княгини.

— «Кстати!» сказала съ живостію княгиня; и потомъ немного успокоясь, продолжала: «Пантелей Кондратьичъ, я хочу васъ кое-о-чемъ очень-очень убѣдительно попросить; только, чуръ! не отказывайте!...»

— «Княгиня, зачто-жъ, при настоящихъ моихъ безпредѣльныхъ радостяхъ, вы хотите меня казнить вашими просьбами?! Развѣ недовольно велѣть, приказать!... Послѣ тѣхъ милостей, которыми осыпалъ меня его сіятельство, вашъ батюшка, развѣ я могу не исполнить чего-нибудь для васъ?...»

Княгиня слегка но двусмысленно улыбнулась и сказала: «То, о чемъ я хочу васъ просить, не имѣетъ никакого отношенія къ милостямъ князя; оно касается только человѣколюбія...»

— «О, княгиня, надѣюсь, что вы ме-

ня не сочтете варваромъ!» сказалъ N., улыбаясь торжественно.

— «Безъ многихъ словъ; дѣло вотъ въ чемъ: я принимаю большое участіе въ извѣстномъ вамъ музыкантѣ, Вольфгангѣ...»

Съ лица N. мгновенно исчезла улыбка; но онъ старался не показываться смущеннымъ.

— «Недавно я слышала,» продолжала княгиня С., «что онъ въ самомъ бѣдномъ положеніи...»

— «Княгиня, вамъ извѣстенъ его послѣдній пассажъ...» началъ осторожно N.

— «Знаю, знаю, что онъ самъ всему виноватъ; но что-жъ дѣлать? Кто безъ ошибокъ?... Скажите, Пантелей Кондратьичъ, не имѣете-ли вы средствъ опредѣлить его опять на прежнее мѣсто?...»

— «Извините, княгиня! не я, нѣтъ,

самое правосудіе откажется выполнить ваше доброе желаніе!...»

— «Но развѣ правосудіе не должно снисходить къ слабому человѣчеству?...»

— «Здѣсь—оно не можетъ: этотъ человѣкъ совершенно потерялся. Это очень жаль! Я совершенно съ вами согласенъ... Я ему покровительствовалъ, какъ нельзя болѣе... Но теперь—онъ лишилъ меня всѣхъ средствъ покровительствовать ему.»

— «Да нельзя-ли опредѣлить его, хоть на время, къ той-же обязанности, чтобы ему такимъ образомъ возвратить потерянныя мѣста во всѣхъ домахъ; иначе и онъ погибнетъ и его, какъ говорятъ, прекрасная, молодая жена!... Опредѣлите его—хоть на время;—послѣ можно ему дать другое мѣсто.»

— «Нельзя, княгиня, увѣряю васъ! Кто станетъ ходатайствовать за него у Императрицы. Ей извѣстно за что онъ уволенъ отъ должности. Самъ князь,

вашъ батюшка, отъ кого все это и зависитъ, никакъ не рѣшится просить за него!»

— «А если я сама попрошу князя?..»

— «Княгиня, позвольте вамъ чистосердечно сказать, что этимъ вы только доставите его сіятельству непріятность отказа. Либо онъ, изъ любви къ вамъ, возложитъ все это на меня; а вѣдь уже я вамъ объяснилъ совершенную невозможность выполнить ваше доброе желаніе. Вотъ одно, что я могу сдѣлать: я опредѣлю его къ себѣ, въ канцелярію...»

— «Но онъ не можетъ быть чиновникомъ.»

— «Я освобожу его отъ занятій довозможности...»

— «Но онъ столько гордъ, что не захочетъ напрасно получать жалованье. Лучше, нельзя-ли ему дать какое-нибудь пособіе изъ того заведенія?»

— «Княгиня, да вѣдь объ этомъ опять надо доводить до свѣдѣнія Императрицы?... Но позвольте, я изъ своихъ денегъ...»

— «О, нѣтъ; извините меня!... это его можетъ оскорбить.»

— «Другаго средства нѣтъ...»

— «Какой вы недоступный человѣкъ, Пантелей Кондратьичъ!» сказала княгиня, подымаясь съ мѣста. «Но ужъ я дала себѣ слово пособить этому человѣку, и сдержу мое слово, вотъ увидите!» прибавила княгиня съ улыбкою, сквозь которую замѣтна была досада.

Княгиня пошла въ залу. Къ N. подошли нѣсколько гостей съ разсказами объ успѣхахъ и промахахъ въ вистѣ, который только что кончился. Но N. успѣлъ сказать своей супругѣ, чтобы она какъ можно болѣе старалась быть съ княгинею С., потому-что княгиня осталась имъ очень недовольна.

Между-тѣмъ княгиня С. сообщила нѣкоторымъ изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, что желаетъ сдѣлать лотерею на тысячу рублей, въ пользу одного бѣднаго семейства. Ея желаніе было принято скоро очень многими. Къ концу бала она опять сошлась съ генераломъ N.

— «Послушайте, Пантелей Кондратьичъ,» сказала она, «я къ вамъ опять съ просьбою, ужъ не съ прежнею; но съ такою, съ какою не могла бы адресоваться къ вамъ, еслибъ не полагалась на ваше добродушіе.»

— «Княгиня, прикажите мнѣ имѣть надзоръ за вашею уборною,—я готовъ; только не просите объ опредѣленіи...»

— «Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то. Я затѣяла маленькую лотерею въ пользу одного бѣднаго семейства. Тысячу рублей, которую она принесетъ, надобно передать Вольфгангу, но такъ, чтобы онъ не зналъ отъ кого и какимъ обра-

зомъ достались ему эти деньги. Примите на себя трудъ передать ему эти деньги лично.»

— «Ничего не можетъ быть легче!»

— «А для большей важности, отвезите эти деньги сами къ нему, на-домъ:.. онъ подумаетъ, что это — пособіе за службу; а вы ему можете дать кстати нѣкоторое наставленіе, совѣты, даже обнадежить его чѣмъ-нибудь на будущее..»

— «За все это я берусь, княгиня, какъ самый покорный вашъ слуга. И удивляюсь вашей выдумкѣ! Кажется, самъ Богъ вложилъ въ васъ эту высокую идею!...»

Но не такъ думалъ N, какъ говорилъ: честолюбецъ сильно страдалъ при мысли, что его употребляютъ уже на посылки; только другая мысль, что онъ теперь тайный совѣтникъ, по милости князя С., что высшее званіе въ госу-

дарствѣ неразлучно съ непріятностями и что исполнить просьбу княгини С. — есть дѣло богоугодное, — успокоила его.

* *
*

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого бала, Эмилія въ горестномъ раздумьѣ, съ заплаканными глазами, стояла у окна; Эдуардъ, возвратясь съ уроковъ, спалъ отягощенный виномъ. Вдругъ къ воротамъ ихъ дома подъѣхала пышная карета; лакей въ богатой ливреѣ спрыгнулъ съ запятокъ, отворилъ дверь экипажа и, получивъ какое-то приказаніе отъ сидѣвшаго тамъ человѣка, явился въ квартирѣ Вольфганга.

— «Генералъ N. прислалъ меня,» сказалъ онъ, «узнать вашу квартиру: онъ желаетъ видѣть музыканта, Вольфганга; и сейчасъ самъ будетъ.

Эмилія хотѣла удержать лакея, хотѣла сказать, что Эдуардъ нездоровъ, что его нельзя видѣть,... но уже слуга исчезъ. Черезъ минуту вошелъ генералъ N. Эмилія, накинувъ на плеча полушаль, встрѣтила его въ залѣ.

— «Съ кѣмъ я имѣю... удовольствіе... говорить?» спросилъ протяжно вельможа.

— «Я жена фортепіаниста, Вольфганга,» отвѣчала скромно Эмилія.

— «А, очень радъ. Я имѣю надобность видѣть вашего мужа...»

— «Извините, милостивый государь!» смутясь, говорила Эмилія. «Онъ очень болѣнъ!...»

— «О, я не буду ему въ тягость: только на пять минутъ...»

— «Но онъ теперь спитъ!» умоляющимъ голосомъ и съ величайшею сты-

длвостію сказала Эмилія. «Извините, пожалусто, ваше превосходительство!...»

— «Мильхенъ, komm' her!» раздался голосъ Эдуарда изъ ближней комнаты. «Съ кѣмъ ты тамъ говоришь?...»

Г-жа Гиммельтраумъ бросилась къ Эдуарду. Генералъ взглянулъ съ легкою ироніею на поблѣднѣвшую Эмилію; и, понявъ изъ нестройнаго голоса положеніе ея мужа, сказалъ серьезно: «Очень жаль, что молодой человѣкъ забывается. Одна изъ начальствующихъ особъ того заведенія, гдѣ онъ обучалъ, уважая прежнія его заслуги и входя въ настоящее ваше положеніе, просила меня передать ему вотъ это...»

Вельможа хотѣлъ вручить Эмиліи тысячу рублей, но она стыдливо отказалась.

— «Любезная госпожа Вольфгангъ, отъ этого отказываться нельзя!» ска-

залъ N. значительно и съ какою-то надмѣнностію. «Отказъ будетъ — оскорбленіе!...»

Эмилія приняла деньги и заплакала.

— «Позвольте спросить, милостивый государь,» сказала она, «можемъ-ли мы узнать имя этой особы, чтобы мужъ могъ ее поблагодарить?...»

Генералъ, улыбаясь, сказалъ: «Этого не требуетъ возвышенная душа той особы. А вашему мужу посовѣтуйте исправиться: вотъ лучшая благодарность!.....»

Съ этими словами вельможа оставилъ бѣдную Эмилію среди робкой радости и терзаній сердечныхъ. Думая, что неожиданныя деньги были какимъ-нибудь вознагражденіемъ Эдуарду изъ заведенія, она радовалась тѣмъ болѣе, что на ту пору дома у нихъ не было ни копейки и кредиторы безпокоили уже ихъ; но

она терзалась, что эта щедрость начальниковъ была только милосердое воздаяніе и за прошедшіе труды Эдуарда.

VI.

X.

Zwar ich merke täglich mehr, mein Lieber, wie thöricht man ist, andere nach sich zu berechnen. Und weil ich so viel mit mir selbst zu thun habe, und dieses Herz so stürmisch ist — ach ich lasse gern die andere ihres Pfades gehen, wenn sie mich nur auch könnten gehen lassen.

Гёте.

Въ это время хозяйственная часть дома Вольфганга очень разстроивалась. Надобно-было случиться, чтобы на ту пору слуга захворалъ и отправился въ больницу, а кухарка, видя бѣднѣющее

положеніе господъ, начала капризничать и отошла; осталась только дѣвочка сирота, которую Эмилія держала, изъ состраданія, для небольшихъ прислугъ. Богъ знаетъ, что ждало Эдуарда и его семейство! Эмилія, болѣя сердцемъ и душою, крѣпилась только упованіемъ на Провидѣніе. Добрая ея знакомка, Лида, доставила ей двухъ ученицъ на фортепіано: онѣ приходили къ ней два раза въ недѣлю... Въ такомъ-то положеніи около полумѣсяца находилось семейство Эдуарда передъ тѣмъ днемъ, въ который такъ неожиданно посѣтило ихъ благодѣяніе...

Эдуардъ, пробудясь на другой день утромъ, пришелъ въ кухню умываться. Нѣкому было подать ему воды — и онъ съ смутною досадой почесалъ голову: маленькая прислужница нянчила плакавшаго ребенка; г-жа Гиммельтраумъ ушла на рынокъ за припасами къ столу; Эми-

лія у очага варила кофе. «Погоди минуту, я тебѣ подамъ воды,» сказала она мужу. «Я еще разскажу тебѣ новость, о которой ты и во снѣ не мечталъ!»

— «Что же такое?» спросилъ съ безпечною улыбкой Эдуардъ.

— «Прежде освѣжи твое лице: оно очень нехорошо!...»

— «Was geht's dir denn mein Saufen an...» легкомысленно запѣлъ было Эдуардъ.

— «Да, ты веселъ; а сегодня у насъ не было бы ни копейки дома, еслибъ..»

— «Еслибъ что?... Еслибъ ты не сварила мнѣ кофе?...»

— «А вотъ пойдемъ въ горницу....»

Эмилія, показывая Эдуарду присланныя деньги, сказала: «Вотъ эту тысячу рублей вчера, когда ты спалъ, привезъ генералъ N., котораго ты знаешь...»

— «Что это значитъ?!» спросилъ смущенный Эдуардъ. «Откуда это?...»

— «Онъ сказалъ, что какая-то великодушная особа, которая желаетъ остаться неизвѣстною, сдѣлала это изъ уваженія къ твоимъ прежнимъ заслугамъ, Эдуардъ!...»

— «Государыня!» проговорилъ Эдуардъ и стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— «Онъ еще сказалъ: посовѣтуйте вашему мужу исправиться!.. Больше онъ ничего не сказалъ—и уѣхалъ!» Съ этими словами Эмилія, растревоженная до глубины сердца, ушла въ другую комнату и стала разливать кофе.

Эдуардъ пришелъ къ ней и, отдавая деньги, сказалъ: «Возьми ихъ: онѣ не мнѣ принадлежатъ!.. Я этого не стóю!..»

Эмилія безмолвно взяла деньги.

— «Но какъ?!.. Я все не могу понять: кто просилъ за меня? У меня теперь покровителей быть не можетъ! И какъ все это дошло....»

— «Неудивительно, что вѣсть о твоихъ поступкахъ зашла такъ далеко: ты давалъ уроки въ знатныхъ домахъ. Удивительно то, что насъ не презрѣли въ теперешнемъ нашемъ положеніи!» сказала съ видомъ упрека Эмилія.

— «Только самое доброе сердце могло это сдѣлать!...»

— «И въ благодарность такому доброму сердцу можно бы въ самомъ дѣлѣ сдѣлать то, что совѣтовалъ генералъ.»

Эмилія говорила сильно и уже горячо: она видѣла, что Эдуардъ неожиданнымъ благодѣяніемъ приведенъ въ такое состояніе души, что можетъ не оскорбляться заслуженными упреками, и что эти упреки могутъ имѣть даже успѣхъ.

— «Еслибъ можно было опять получить мнѣ то мѣсто въ заведеніи, я до-

казалъ бы всѣмъ, что умѣю быть благодарнымъ!...»

— «Это можешь и безъ того сдѣлать: сочини хорошенькую піесу и посвяти ее неизвѣстной благодѣтельницѣ.»

— «Послушай, Эмилія, отъ-сегодня, если ты замѣтишь, что я хоть каплю лишнюю вина возьму, ты тотчасъ напомни мнѣ имя нашей великой благотворительницы!....»

Эмилія ничего на это не сказала, но съ тайною радостію замѣтила въ Эдуардѣ какую-то необыкновенную рѣшимость.

— «Но я думаю,» сказала она, «тебѣ надо сходить къ генералу — поблагодарить его и извиниться.... Ты вѣдь знаешь, какъ онъ тебя вчера засталъ?...»

— «Я сейчасъ-же отправляюсь къ нему!»

И чрезъ полчаса Эдуардъ взбирался по той-же самой лѣстницѣ, по которой

онъ года за три назадъ такъ радостно взбѣжалъ на вечеръ къ вельможѣ и съ такимъ оскорбленнымъ чувствомъ сошелъ. Онъ теперь вспомнилъ тогдашнія впечатлѣнія; вспомнилъ ласковый пріемъ N., его жены, дѣтей, оскорбленіе камер-юнкера, живое участіе графини Д.; много еще лицъ мелькнуло его воображенію—и онъ вошелъ въ переднюю. Онъ подумалъ, что тутъ встрѣтитъ опять того-же камердинера и уже приготовился выслушать его вопросъ; но ксчастію курьеръ указалъ ему дверь въ гостиную.

Здѣсь нѣсколько посѣтителей дожидались минуты—войти, по докладу дежурнаго, въ кабинетъ къ генералу. Дежурный чиновникъ былъ знакомецъ Эдуарда, Славеновъ.

— «Ужъ не хотите-ли,» сказалъ онъ, улыбаясь, Эдуарду, «промѣнять ваше *бездѣльное* занятіе на наше—*дѣловое*?»

— «Пожалуй; зато былъ бы спокойнѣе...»

Славеновъ улыбнулся.

— «Нѣтъ, я имѣю свою надобность видѣться съ вашимъ генераломъ.»

— «Вотъ, какъ выдетъ отъ него одинъ, такъ я доложу о прочихъ, которые ужъ давно дожидаются, и о васъ.»

Между тѣмъ Эдуардъ прислушивался къ разговору двухъ изъ посѣтителей.

— «Но вѣдь,» говорилъ одинъ, «я служу безъ жалованья! Слѣдовательно мнѣ можно бы дать орденъ: это было бы видно!» При этихъ словахъ онъ спесиво наложилъ свою полную ладонь съ раздвинутыми пальцами на лѣвую сторону своей груди. «Вѣдь кто довелъ фабрику,» продолжалъ онъ, «до такого состоянія? Все я!... До меня она что была?....»

— «Да, я согласенъ съ вами,» говорилъ другой, «что фабрика теперь въ

лучшемъ состояніи; но одного не достаетъ ей...»

— «Чего-же, чего?...

— «Вкусу!» сказалъ съ торжествующею усмѣшкою другой.

— «Да; ну гдѣ-жъ взять художниковъ?... Ахъ, а знаете Ладоневъ какъ домъ себѣ отстроилъ, чудо!... Разумѣется, тутъ все—воровское; но ужъ зато—настоящій баринъ!... Жена сидитъ царицею между тысячью цвѣтовъ, какъ Флора!... Я, какъ вошелъ!... Фу, батюшка! ваше превосходительство! что за роскошь!... Прелесть! прелесть!» Приэтомъ разскащикъ, распустивъ руки, поворачивался въ комнатѣ, какъ пѣтухъ съ распущенными крыльями, отыскивающій свою Флору въ цвѣтахъ.

— «Неужели онъ безъ жалованья служитъ?» спросилъ Эдуардъ у Славенова.

— «На что ему жалованье? Онъ по-

лучаетъ съ имѣнія доходу въ годъ тысячъ сорокъ; да можетъ быть еще чего..»

— «Сорокъ тысячъ въ годъ!» подумалъ Эдуардъ.» Я лишился нѣсколькихъ мѣстъ за одну мою слабость; а этотъ!.. Ну какую пользу принесетъ онъ, если такъ заботится объ орденѣ?» Потомъ Эдуардъ спросилъ опять: «А другой-то кто?»

— «Бывшій профессоръ математики. Онъ расчиталъ, что ему гораздо выгоднѣе быть чиновникомъ по особымъ порученіямъ и управлять имѣніемъ генерала, нежели трудиться для пользы просвѣщенія. Смотрите, вотъ онъ скажетъ какую-нибудь колкость: это — его любимое остроуміе.»

Въ самомъ дѣлѣ, когда къ двумъ разговаривавшимъ подошелъ какой-то капитанъ гвардіи и сказалъ съ сладенькимъ сокрушеніемъ, что жена князя Вѣтрова умерла,—и желающій ордена началъ кре-

ститься, изумляться, жалѣть, то бывшій профессоръ, замигавъ глазами, сказалъ: А я вамъ скажу другую новость: нашъ общій знакомый, Бѣлинъ, женился на Саратовской помѣщицѣ; я вчера письмо получилъ.» Желающій ордена отъ радости началъ изумляться. «Ге, видите,» сказалъ бывшій математикъ, «какъ печаль и радость электризуютъ вашу чувствительность!...»

— «Что за-люди!» подумалъ съ негодованіемъ Эдуардъ.

Капитанъ еще недавно былъ на одномъ вечерѣ съ Эдуардомъ; обнаруживалъ тамъ пренебреженіе къ чиновникамъ и тѣмъ болѣе раздражалъ теперь Эдуарда, который даже сердито плюнулъ, когда гвардеецъ, извиваясь, сказалъ: «Ваше превосходительство, позвольте-съ!» и взялъ счепотку табаку, съ чувствительною благодарностію, изъ золотой табакерки его превосходительства, которою

его превосходительство совершенно отличалось отъ пѣтуха съ распущенными крыльями.

— «Странно!» сказалъ Эдуардъ Славенову, «я неразъ видѣлъ, какъ этотъ офицеръ съ презрѣніемъ говорилъ о чиновникахъ; а теперь такъ онъ и самъ...

— «Да вѣдь то—какіе чиновники?» сказалъ, улыбаясь Славеновъ. «Этотъ—богатъ, даетъ балы, вечера; въ кругу съ знатью; имѣетъ дочерей съ большимъ приданымъ, и прочее, и прочее. А вотъ, напримѣръ, этотъ, что сидитъ у стола задумавшись, съ бумагою въ рукѣ: онъ отличный бухгалтеръ въ нашемъ департаментѣ, хорошій семьянинъ; но имѣетъ свои странности, даже смѣшныя, которыхъ причина—бѣдность, малообразованность и, можетъ быть, молодое еще состояніе Россіи... Вотъ такой будетъ предметомъ его насмѣшекъ и презрѣнія. Да вотъ иногда нашъ братъ канцелярскій.

Разумѣется, какъ кто поострѣе, да запасся чѣмъ-нибудь изъ книжнаго магазина, такъ отстрѣляется отъ такого воина...»

Тутъ вошелъ поспѣшно какой-то молодой чиновникъ въ изношенномъ фракѣ. «Что, есть кто нибудь у Пантелея Кондратьича?» спросилъ онъ Славенова.

— «Есть.»

— «Я ему принесъ опять *рацейку* объ увольненіи. Подайте ее, Сергѣй Андреичъ, какъ пойдете докладывать.»

— «Пожалуй.»

Когда изъ кабинета вышелъ какой-то сѣдой старикъ въ полномъ мундирѣ, со звѣздою, къ которому всѣ почтительно обратились, а онъ грубымъ голосомъ заговорилъ о погодѣ, то дежурный пошелъ доложить о новыхъ посѣтителяхъ. Возвратясь, онъ объявилъ чиновнику по особымъ порученіямъ, что прежде всѣхъ генералъ желаетъ говорить съ нимъ;

Эдуарду велѣлъ онъ сказать, чтобы подождалъ; «а вамъ,» сказалъ, улыбаясь, Славеновъ чиновнику, принесшему рацейку объ увольненіи, «онъ велѣлъ сказать, что если вы еще разъ осмѣлитесь его безпокоить, такъ онъ посадитъ васъ подъ арестъ.»

— «Ну, такъ скажите его превосходительству,» говорилъ, смѣясь, чиновникъ, «чтобъ чортъ его... Ну, да ужъ вы знаете, что сказать, Сергѣй Андреичъ; вы покраснорѣчивѣе насъ: вѣдь вы учились поэзіи-то!» Съ этими словами чиновникъ ушелъ, насвистывая себѣ подъ носъ: *Во саду-ли въ огородѣ...*

— «Что это значитъ?» спросилъ изумленный Эдуардъ. «И онъ такъ равнодушенъ!...»

— «Что дѣлать? — Бѣдность и принужденіе уничтожаютъ совершенно этихъ людей; а тѣ, которые посильнѣе или хоть побогаче, смѣются надъ ними. И вотъ

вамъ два класса въ нашемъ обществѣ: одинъ называется — необразованный, а другой — образованный; одинъ — презираемый, а другой — презирающій; одинъ — чиновники, другой — нечиновники!»

— «Но о чемъ же подалъ просьбу этотъ чиновникъ?»

— «Онъ нашелъ себѣ выгоднѣйшее мѣсто и проситъ уволить его отъ настоящей должности; а Пантелей Кондратьичъ согласенъ на это въ такомъ только случаѣ, если онъ пріищетъ на свое мѣсто другаго чиновника. А гдѣ его взять? Хорошій писецъ нейдетъ на это жалованье.»

— «Да развѣ можно такъ деспотически поступать?»

— «Вы видѣли?..»

— «Какъ-же вы можете въ такомъ мѣстѣ служить?»

— «Правда. Вотъ и теперь я, по ошибкѣ и непривычкѣ къ камердинер-

ской обязанности, доложилъ, что пришелъ вице-директоръ Деневъ, тогда какъ это былъ — Нолевъ: и нашъ Пантелей тотчасъ начинаетъ мнѣ выговоръ: «Нестыдно-ли вамъ не знать фамиліи нашихъ вице-директоровъ?...» Да я и слугѣ моему не люблю говорить тотчасъ о стыдѣ!... Но согласитесь, и въ вашемъ состояніи есть своего рода люди, которые вредятъ другимъ ad libitum.»

— «О, и какъ еще?..»

— «Впрочемъ, моя служба, хотя уже и не въ первомъ мѣстѣ, только еще начинается; и едва-ли званіе служаки я не промѣняю на званіе гуляки.»

— «Какъ-такъ?»

— «Мнѣ все хочется путешествовать: и хоть придется просто — шествовать, а ужъ предпочту страннической посохъ перу чиновному и заржавѣвшей саблѣ!»

Это желаніе путешествовать, такъ свободно выраженное, напомнило Эду-

арду, что онъ своею привязанностію къ минутнымъ удовольствіямъ, своими поисками удобствъ житейскихъ, добровольно заковываетъ себя въ цѣпи. Слегка вздохнувъ, сказалъ онъ: «Да, и я какъ-то давно хотѣлъ вояжировать... Но, скажите, отчего-это здѣсь и на меня нападаетъ какая-то робость?» сказалъ, смѣясь, Эдуардъ.

— «Боитесь явиться передъ лицемъ его превосходительства! Ничего, più allegro!... А вотъ эти господа, что разошлись теперь, все уваженіе къ такимъ лицамъ полагаютъ въ губительной, презрѣнной трусости. Еще вотъ этотъ, бывшій профессоръ, немного посмѣлѣе: оттого что уменъ, а болѣе смышленъ; зато и начальникъ уважаетъ его...»

Тутъ вошелъ новый посѣтитель, высокій, плечистый, молодой человѣкъ, чиновникъ состоящій при департаментѣ. Онъ дружески привѣтствовалъ своихъ

знакомцевъ: Славенова и Эдуарда. «Батюшка!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ Эдуарду, а я васъ давно хотѣлъ видѣть. Я оставилъ теперь военную службу и хочу ратовать на полѣ мирномъ: гражданскомъ и литературномъ... А что, Пантелея Кондратьича можно видѣть?» спросилъ онъ у Славенова.

— «Кажется, онъ скоро поѣдетъ.»

— «Ну, такъ я не буду его безпокоить: я только такъ зашелъ. Въ другой разъ... Такъ вотъ-съ, Эдуардъ Богданычъ, я хочу заняться музыкою. Не возьметесь-ли вы поставить меня молодца на путь истинный, музыкальный?...»

— «Соскучитесь?»

— «Попробуемъ-те! Попытка — не шутка, говорятъ добрые люди...»

Эдуардъ согласился. Онъ зналъ, что успѣха не будетъ, но зналъ и то, что деньги вѣрныя: нужда заставила его согласиться.

Этотъ посѣтитель скоро ушелъ, пригласивъ Эдуарда и Славенова на вечера, которые у него составляются по субботамъ. «У меня бываютъ,» сказалъ онъ Славенову: «Владиміръ Измайловъ, Веневитиновъ, Баронъ Дельвигъ и еще нѣкоторые....»

— «Что-жъ, долго-ли мнѣ ждать?» спросилъ Эдуардъ.

Славеновъ, догадываясь, что генералъ неочень-то уважаетъ Эдуарда, сказалъ: что «*подождать* значитъ: когда онъ поѣдетъ со двора, то увидится съ вами въ этой комнатѣ. Но вотъ...»

Генералъ вошелъ; шляпою въ рукѣ далъ онъ дежурному знакъ удалиться и, спесиво кивнувъ головой Эдуарду, сказалъ: «Нехорошо, нехорошо, молодой человѣкъ! Забываете, что вы служитель музъ; не имѣете никакого уваженія къ мѣсту, гдѣ должны были оказывать истинную скромность, являть собою при-

мѣръ благонравія!... Все ясно говоритъ, какъ высоко цѣнили ваши заслуги и дарованія!... Старайтесь исправиться: еще вы молоды и женаты. Думайте болѣе о жизни!»

Съ послѣдними словами вельможа исчезъ. Эдуардъ не успѣлъ ни изъявить своей благодарности за милость, ни изъязвить желаніе опять занять мѣсто въ заведеніи и достойно исправить свою ошибку. Дорогою на урокъ онъ думалъ, что этотъ вельможа можетъ благодѣтельствовать только достойному и — казнить заблудшаго. По немъ сдѣлалъ онъ заключеніе о всѣхъ знатныхъ лицахъ: и это могъ сдѣлать тѣмъ легче, что за свой проступокъ получилъ отказъ отъ входа во многія извѣстныя семейства. Но тѣмъ болѣе поражала и изумляла его неожиданная милость... «Вспомнить мои заслуги!» думалъ онъ. «Удивительно!.... Правда, я употреблялъ все мое усердіе;

но никогда не думалъ, чтобы съ такой высоты могли взглянуть на мои, почти закрытые труды!... Да и что заставляло меня трудиться? Только безумная любовь!...»

Духъ Эдуарда очень опустился послѣ свиданія съ вельможею; но воспоминаніе благодѣянія не давало ему искать самозабвенія, по-прежнему, въ грубомъ чувственномъ наслажденіи. И въ эти минуты онъ еще болѣе сошелъ съ пути поэта на путь обыкновенныхъ людей. «Хорошо-жь,» думалъ онъ, «трудами я найду себѣ хлѣбъ!.. Эмилія замѣнитъ мнѣ всѣхъ музъ: что въ ихъ пѣсняхъ; да и кому дѣло до пѣсенъ? *Трудись и не заблуждайся!*» скажетъ мнѣ иной философъ съ двумя звѣздами на фракѣ и съ парикомъ на головѣ!...»

Огорченному человѣку многое представляется гораздо въ худшемъ видѣ, нежели какъ въ самомъ дѣлѣ есть. Тогда

какъ Эдуардъ думалъ, что уже всѣми оставленъ, что уже долженъ ограничить свои уроки только въ среднемъ классѣ Петербургскихъ жителей, княгиня С. простерла свое благодѣяніе еще далѣе. Она пригласила его давать уроки ея воспитанницѣ, бѣдной сиротѣ, очень понятливой дѣвочкѣ. Черезъ этотъ домъ Эдуардъ сдѣлался опять любимымъ фортепіаннымъ учителемъ во многихъ знатныхъ домахъ. Съ того времени Эдуардъ старался уже болѣе всего о томъ, чтобы не уронить себя въ общемъ мнѣніи: и общее мнѣніе скоро увѣнчало его именемъ — *порядочный человѣкъ.*

XI.

«Да, онъ порядочный человѣкъ.»

Изъ современныхъ разговоровъ.

А онъ блаженствуетъ, въ отставкѣ, подъ судомъ.

А. Е. Измайловъ.

Талантъ и порядочный человѣкъ — ужели они могутъ гармонировать въ одномъ человѣкѣ, въ Эдуардѣ? Но талантъ Эдуарда разбитъ несчастною любовью и проявлялся только въ неистовыхъ порывахъ. Теперь и они почти истребились;

теперь, еслибъ мы встрѣтили Эдуарда, то, вмѣстѣ съ многими, сказали бы сквозь зубы: «Да, онъ порядочный человѣкъ.»

Но зачѣмъ—сквозь зубы? Развѣ быть порядочнымъ человѣкомъ худо? Нѣтъ; но, по принятому понятію, порядочный человѣкъ занимаетъ средину между хорошими и дурными членами общества. Пусть будетъ порядочнымъ человѣкомъ князь В. и графъ N.; они довольно усердны къ службѣ, хотя и подъ звѣзднымъ покровомъ блистательныхъ папенекъ, тетушекъ и тому подобнаго; они имѣютъ довольно ума и, по миролюбію, не ссорятся съ міромъ. Умнѣйшій человѣкъ не назоветъ ихъ дурными: потому-что они не могутъ дѣлать зла; не назоветъ ихъ хорошими, потому-что въ нихъ мало самостоятельности и священнѣйшій законъ для нихъ—мнѣніе окружающихъ. Порядочными людьми зовутъ и тѣхъ, которые, подъ благовидною наружностію

и приличіями, скроютъ свое развращенное сердце и

.....съ помощью сестрицъ,
Со всей Вселенной породнятся.....

Порядочными людьми зовутъ и тѣхъ, которые

.....грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли,
въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ.....

Порядочнымъ человѣкомъ зовутъ и Э. Въ самомъ дѣлѣ вы съ нимъ встрѣчаетесь въ театрѣ, на гуляньѣ, въ гостиной; кланяетесь, пожалуй, беретесь заруку; но дайте ему золота—и онъ черное сдѣлаетъ бѣлымъ и бѣлое — чернымъ... Но тогда и вы станете въ разрядъ такихъ-же порядочныхъ людей. Порядоч-

нымъ человѣкомъ зовутъ инаго ротмистра, инаго экзекутора, инаго секретаря: потому-что, дѣйствуя совершенно въ духѣ своего начальника, они содержатъ своими безгрѣшными доходами свои семейства, какъ нельзя лучше...

И неужели въ числѣ такихъ-то лицъ мы встрѣтимъ и бывшаго питомца музъ— Эдуарда? Правда, закономъ всѣхъ его поступковъ сдѣлалось мнѣніе людей, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ; но его душа, взлелѣянная поэзіею, не могла дозволить себѣ ничего низкаго. Въ угожденіе только требованію нѣкоторыхъ особъ онъ сочинялъ небольшія музыкальныя піесы, въ которыхъ иногда проблескивалъ погибшій его талантъ. Дома онъ велъ себя скромно и умѣренно; изрѣдка дозволялъ себѣ лишній стаканъ вина: въ такомъ случаѣ Эмилія заботливо укрывала его отъ всѣхъ, даже и отъ домашнихъ. Все хозяйство предоставлено бы-

ло Эмиліи; Эдуардъ удерживалъ у себя только небольшую часть денегъ, полученныхъ за уроки. Эмилія умѣла употреблять деньги благоразумно. Изрѣдка ходилъ Эдуардъ то-одинъ, то-съ женою въ театръ, въ гости; изрѣдка собирались и у нихъ родные и знакомые. Эдуардъ въ обществѣ сталъ довольно занимателенъ: то игралъ на фортепіано, то разсказывалъ анекдоты женщинамъ, то шутилъ съ дѣвицами. Когда-жъ заводили съ нимъ степенный разговоръ о музыкѣ и музыкантахъ, то, дѣлая замѣчанія болѣе умственныя, нежели съ участіемъ эстетическаго чувства, онъ старался скорѣе переходить къ забавнымъ анекдотамъ, къ фарсамъ. И вотъ заэто тѣ, которые знали талантъ въ Эдуардѣ, знали его паденіе, называли его теперь—*порядочнымъ человѣкомъ*.

Какъ учитель, Эдуардъ исполнялъ свою обязанность строго; находя способнаго

ученика, прилагалъ особенное стараніе. Разумѣется, тутъ къ благородному желанію—принесть пользу, присоединялась и корыстная мысль, что хорошій ученикъ увеличитъ число учениковъ его. Эмилія радовалась перемѣнѣ въ Эдуардѣ и надѣялась еще на бо́льшую и лучшую перемѣну. Эдуардъ даже опять принялся за оперу: мысль, что ее купятъ для сцены, ободряла его.

Ахъ, эта мысль — уже не вдохновеніе!....

XII.

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты....
Опомнимся —

А. С. Пушкинъ.

....Воспоминаніе горя прошлаго всыпаетъ всегда нѣсколько лишнихъ искорокъ въ бокалъ настоящаго наслажденія; а счастіе былое отравляетъ и послѣдній, черствый кусокъ насущной радости.....

Н. И. Бобылевъ-Буривой.

Надобно-ли говорить что-нибудь еще о настоящемъ бытѣ Эдуарда? И безъ того разсказъ мой показался, можетъ быть,

скучнымъ читателю, привыкшему къ произведеніямъ новѣйшей Французской литературы и ея поклонниковъ, — къ произведеніямъ, наполненнымъ всѣми, иногда увлекательнѣйшими для воображенія и ума, блестками... Но мнѣ, любезный читатель, не хотѣлось подражать Французской, странной литературѣ....

Можетъ быть, мой разсказъ покажется незанимателенъ читателю, привыкшему къ изображеніямъ жизни бурной. Но, да припомнитъ онъ, что я разсказываю жизнь человѣка, дѣйствующаго не на обширномъ многотрудномъ пути политическомъ, а только жизнь мирнаго музыканта. Читателю, вѣроятно, случалось встрѣчать человѣка, о которомъ, по оставшимся искрамъ въ душѣ и сердцѣ, можно, съ глубокимъ вздохомъ сказать:

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ....

Да и мнѣ кажется, бурная жизнь въ наше время была бы только эффектный вымыселъ. Нѣтъ правила безъ исключенія; но исключенія здѣсь очень рѣдки. Если вы, добрый читатель, убѣдите меня въ противномъ, я съ благодарностію откажусь отъ моего мнѣнія, но непрежде, какъ послѣ долгой-долгой битвы. Долгой, потому-что, во время нашей битвы, мнѣ все будутъ слышаться самые жаркіе и глубомысленные разговоры молодыхъ статныхъ и знатныхъ людей, разсадниковъ будущаго поколѣнія, о послѣднемъ покроѣ брюкъ, жилетовъ; самые жаркіе восторги отъ *очаровательныхъ, небесныхъ* танцевъ Тальони; часа по-два, по-три будутъ мнѣ слышаться разсказы путешественника о пощечинѣ, данной имъ станціонному смотрителю и, вслѣдствіе того, о многихъ другихъ пощечинахъ; далѣе—о томъ, что онъ видѣлъ въ Парижѣ домы высокіе, улицы

узенькія; что тамъ онъ встрѣчалъ множество гризетокъ прехорошенькихъ, съ полнымъ ротикомъ зубовъ, но которыя молодаго новичка погубятъ въ три мѣсяца; мнѣ будетъ слышаться шумъ разрушающихся отжившихъ, хотя до крыши еще недожившихъ, зданій; особенно мнѣ будутъ слышаться и видѣться различныя *я*, не люди, нѣтъ, просто буквы *я*, большія и маленькія, толстыя и тоненькія, въ бурну и въ пальто́, въ очкахъ и безъ очковъ, *съ сими* и *безъ оныхъ*, *съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію* и безъ *таковыхъ;* съ ключемъ къ недосягаемой истинѣ и къ дверямъ за чужимъ добромъ, и безъ всякихъ ключей, берущія все, какъ говорится, грудью или просто чужими руками; мнѣ будетъ видѣться... Но всего не перечтешь, что будетъ мнѣ видѣться и слышаться во время нашей битвы. Но будетъ-ли тутъ бурная жизнь?....

Читатель, если васъ не остановитъ картина, изображающая охотника, который, послѣ дневной ходьбы по-лѣсу, вечеромъ у хижины бросилъ ружье и горюетъ о томъ, что, вмѣсто дичи, убилъ только день изъ жизни своей, то конечно васъ не можетъ занять и мой простой разсказъ, хотя писанъ съ натуры.

Но извиняюсь передъ читателемъ, которому жаль моего Эдуарда; извиняюсь, что отдалился отъ моего разсказа. Но вотъ сейчасъ поправлю вину мою.

Въ одинъ Январскій день, послѣ обѣда, когда Эдуардъ отдыхалъ, Эмилія съ теткою сидѣли въ сосѣдней комнатѣ и разговаривали вполголоса. Тетка что-то шила; Эмилія держала на рукахъ ребенка и грустно посматривала на него; возлѣ нея, на окнѣ, лежали раскрытая книга и дѣтскія побрякушки.

— «Нѣтъ, мнѣ кажется, и это дитя

недолго проживетъ!» сказала томно Эмилія.

— «Отчего ты это думаешь?» сказала, поправляя шитье, тетка.

— «Ахъ, видите, какъ онъ истомился! Ужасно!» И Эмилія прослезилась.

— «Вотъ, плачетъ; иные тому чуть не радуются. Умретъ, такъ и грѣха меньше, и заботъ меньше...»

— «Но, тетинька, какъ можно такъ хладнокровно говорить!... Слава Богу, у насъ теперь есть чѣмъ содержаться!»

— «Ну, я говорю,... конечно,... если воля Божія!... А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какъ Эдуардъ удивительно и неожиданно перемѣнился!..»

— «Луиза разсказывала, что онъ на послѣднемъ вечерѣ, у господина Блюма, былъ самый прелюбезный человѣкъ; занималъ почти все общество, особенно дамъ, то анекдотами, то музыкою; но болѣе смѣшилъ анекдотами.... Правда,

ему вѣдь и наскучитъ безпрестанно слушать музыку-да-музыку.»

— «Нѣтъ, я говорю на тотъ счетъ, что онъ теперь такъ исправенъ на урокахъ, имѣетъ много мѣстъ...»

— «Мнѣ только жаль... Да я не знаю, какъ ему объ этомъ говорить?»

— «О чемъ?»

— «Что онъ такъ лѣниво сочиняетъ оперу, о которой ему теперь напоминаетъ письмомъ и его другъ.»

— «Ну, что? Вѣдь здѣсь, въ Россіи, онъ не имѣлъ бы большаго успѣха; да и много-ли бы ему за нее дали?...»

— «Ну, не одно это. Такое сочиненіе могло бы ему доставить большую извѣстность, славу: а это могло бы его еще болѣе удержать на доброй дорогѣ.»

— «Ахъ, любезная, пусть онъ только останется такимъ, каковъ теперь! Что съ того толку, что онъ былъ сочинитель? Я помню, когда бывало, еще

при матери, онъ сочинялъ, такъ былъ дикарь-дикаремъ: ото всѣхъ бѣгаетъ, какъ нелюдимый; либо начнетъ повѣсничать, какъ ребенокъ. А что вышло? Влюбился, Богъ знаетъ, въ кого, и чуть съ ума не сошелъ!...»

Эмилія не противорѣчила теткѣ, зная ея ограниченныя понятія: и тетка, послѣ нѣкотораго молчанія, продолжала: «Сочинитель!... Да, пожалуй, онъ теперь опять бы влюбился и сумасбродствовалъ по-прежнему...»

— «А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ,» сказала Эмилія, «будто чудомъ какимъ перемѣнился онъ съ того дня, какъ пришли къ намъ эти непонятныя деньги!..»

— «Ну что-жъ, тутъ еще ничего нѣтъ чуднаго: вѣдь онъ имѣетъ совѣсть, стыдъ...»

— «Да и знатные господа полюбили его опять съ того времени. — Впрочемъ, его нельзя не полюбить: онъ такъ

благороденъ въ обращеніи съ учениками. Одно заблужденіе ничего не значитъ; да и кто-жъ, по пословицѣ Русскихъ: *Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ?...*»

Приэтомъ вошелъ Эдуардъ. Онъ слышалъ за дверьми послѣднія слова разговора, и, цѣлуя жену, сказалъ, улыбаясь, «Тебя сдѣлать бы сенаторомъ; а васъ, тетинька, какимъ-нибудь казнохранителемъ....»

— «Не говори громко, Эдуардъ,» сказала Эмилія; «Готлибъ очень страдаетъ!..»

— «Ничего, пройдетъ!» сказалъ Эдуардъ. «Я пойду теперь писать письмо къ Тренену въ Ригу: и напишу, что у меня есть очень добрый судья!...»

— «А я напишу, чтобы онъ подсудимому не вѣрилъ,» сказала, смѣясь, Эмилія и начала ходить по комнатѣ, утѣшая плачущаго ребенка и приказывая нянькѣ приготовить другое для Готлиба бѣлье..»

Вотъ что писалъ Эдуардъ къ своему Тренену:

Любезный другъ!

Ты упрекаешь меня въ томъ, что давно къ тебѣ не пишу; ты спрашиваешь о моемъ житьѣ-бытьѣ. Виноватъ, братъ! Какъ я былъ несчастливъ, такъ не зналъ, съ кѣмъ раздѣлить свое горе; а какъ сталъ счастливымъ, то и друзей позабылъ... Нѣтъ, неправда: я не забуду тебя и за гробомъ! Но согласись самъ, что писать о своемъ счастіи, было бы говорить только, что я счастливъ, счастливъ, счастливъ!.. Впрочемъ изволь, вотъ маленькій очеркъ моего житья-бытья, если ужъ тебѣ непремѣнно его хочется. Изъ прежняго письма ты знаешь, что у насъ родился другой сынъ, а первый умеръ. Получаемый мною доходъ простирается до шести тысячъ. Чтобы избавиться отъ всякихъ хлопотъ по домашеству, столько мнѣ несносныхъ,

сколько любезныхъ моей доброй женѣ, я отдаю ей почти все, что получаю. Признаюсь тебѣ, этотъ рѣдкій другъ перенесъ всѣ мои безумства; а теперь, когда я опомнился и сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, достойнымъ ея другомъ, она даже и не вспоминаетъ о моихъ былыхъ дурачествахъ! Но теперь я даже самъ себя стыжусь, когда подумаю, какъ могъ я любить эту легкомысленную дѣвушку, Эвфалію?... Ты спрашиваешь, продолжаю-ли я оперу? Ахъ, любезнѣйшій, да моимъ настоящимъ положеніемъ я не помѣняюсь ни на славу Моцарта! Лепетъ моей Эмиліи для меня дороже крика всѣхъ театровъ міра! Притомъ-же я и не чувствую въ себѣ творческаго дара; а прежніе порывы—сочинять—считаю заблужденіемъ молодости и неопытности. Ужъ кому творить дано свыше, тотъ непремѣнно сотворитъ; а кому нѣтъ,

такъ ужъ изъ воды хлѣба не сдѣлаешь. Пожалуй, я и теперь сочиняю: мазурки, вальсы, кадрили; да ужъ это потому-что здѣсь думаютъ: «Что и заучитель, если не сочиняетъ...» Ты пишешь, что въ бытность твою въ Москвѣ ты съ восхищеніемъ слышалъ игру М., моего бывшаго соученика у Фильда, и что онъ скоро дастъ концертъ въ Петербургѣ: послушаемъ. Знаю только, что онъ былъ усерденъ, но не слишкомъ даровитъ: Фильдъ всегда предпочиталъ меня ему. Я теперь вовсе отказался отъ блистанья въ публикѣ; провести вечерокъ дома для меня гораздо пріятнѣе. Изрѣдка бываю въ театрѣ: люблю смотрѣть, какъ актеръ Вибе хлопаетъ себя по лбу; прекрѣпкій лобъ! Веселюсь довольно часто въ семейныхъ веселыхъ компаніяхъ. Моя жена рѣдко выходитъ изъ дома; теперь ея міръ: домашество, ребенокъ, я и чтеніе... Но пора въ театръ. Про-

щай. Сегодня я очень расположенъ: иду смотрѣть, какъ въ новой драмѣ Вибе будетъ щелкать себя по лбу. Пиши къ намъ, либо самъ пріѣзжай.

Преданный тебѣ

Эдуардъ Вольфгангъ.

PS. Извини, что въ моемъ письмѣ мало связи: видишь, я вездѣ плохой сочинитель.

Прощай!

Можно быть счастливымъ во всякомъ состояніи, если счастіе зависитъ отъ самодовольствія и покоя душевнаго. Надобно только убѣдиться истиною или обманомъ, все равно, что счастливѣйшаго состоянія мы достичь не могли, что пріобрѣтенное состояніе есть произведеніе всѣхъ нашихъ усилій, бывшихъ въ полной борьбѣ съ вѣкомъ или судьбою, съ самими собою и съ людьми. Но мно-

го-ли мудрыхъ, которые бы разсмотрѣли сами себя въ отношеніи къ предназначенному имъ предѣлу и которые бы спокойными шагами, жалѣя болѣе о мірѣ, нежели о себѣ, приближались къ жизни загробной, лучшей?... Древній поэтъ-философъ сказалъ, будто

....и не было такого подъ луною,
Который бы сказалъ, что счастливъ былъ судьбою;
Который бы умѣлъ оставить здѣшній міръ,
Какъ гость, насытившись, великолѣпный пиръ...

Можетъ быть, древній поэтъ и ошибался; однакожъ сколько такихъ людей, которые обманываются, будто-бы достигнуть лучшаго состоянія зависѣло не отъ нихъ; будто ближніе или судьба вѣчно мѣшали имъ: потому-то, успокоенные такимъ убѣжденіемъ, они совершенно довольны сами собою и, слѣдовательно, счастливы... Но еслибъ эти мнимые счастливцы вдругъ очнулись отъ своего усы-

пленія; еслибъ они вдругъ взглянули на то, что сдѣлали въ прошедшемъ и что приготовили для будущаго тѣмъ лицамъ, которыя къ нимъ, какъ братья, имѣютъ бо́льшее или меньшее отношеніе?... Я не могу вообразить мученія ужаснѣе того, которое произвелъ бы этотъ взглядъ на ничтожество созданій нашихъ дѣятельныхъ силъ и на вредныя оттого послѣдствія!... Еслибъ какой нибудь Неронъ, послѣ всѣхъ своихъ злодѣяній и прихотей чувственности, проникся вдругъ мудростію Сократа, говорившаго, что только собственнымъ усиліемъ истребилъ всѣ порочныя наклонности души своей, еслибъ этотъ Неронъ взглянулъ тогда на бездну, въ которую повергъ тысячи собратій?... Да, мнѣ кажется, что адское мученіе настаетъ тогда, когда душа, отрѣшась отъ одолѣвающаго ее тѣла, тамъ, въ другомъ мірѣ за гробомъ, взглянетъ на свои зе-

мныя дѣла и уже не въ силахъ будетъ исправить ихъ!...

Но будемъ продолжать нашу повѣсть объ Эдуардѣ, счастливцѣ, по его собственнымъ словамъ. Для насъ онъ — только счастливый мужъ прекрасной жены.

Прошла масляница, въ которую Эдуардъ своею любезностію, своею чрезвычайно безпечною веселостію, игривостію, каламбурами подымалъ хохотъ, что называется, до-упаду, во всѣхъ коротко знакомыхъ ему домахъ. Всѣ женщины и дѣвицы превозносили веселый характеръ его; всѣ молодые люди старались заманить его въ свои семейства; всѣ старики, улыбаясь, говорили: «Ein komischer Kerl ist dieser Wolfgang!» или «Предобрый малый, этотъ фортепіанистъ!..»

Послѣ первой недѣли Великаго поста,

извѣстный въ то время М., соученикъ Эдуарда у Фильда, давалъ концертъ въ Филармоническомъ залѣ. Эдуардъ явился въ числѣ посѣтителей. При входѣ въ залъ, при видѣ возвышенія для оркестра и на немъ рояля, что-то слегка кольнуло сердце Эдуарда; но встрѣча съ нѣсколькими знакомыми развлекла его. Онъ сѣлъ на срединѣ залы. Послѣ увертюры, М. началъ концертъ Карла Маріи Вебера. Эдуардъ видѣлъ, что М. точно тотъ самый М., съ которымъ онъ учился у Фильда, но, по игрѣ, онъ не узнавалъ его: чистота, сила, чувство, увлекательность были въ высшей степени— и Эдуардъ поникъ головою. Рукоплесканія прерывали игру М.; но они казались Эдуарду какими-то фуріями, адскимъ хохотомъ, которые собрались вокругъ преступнаго Эдуарда. Звуки, вызываемые М., то вбѣгали въ душу Эдуарда, искали въ ней своихъ знакомцевъ и съ го-

ремъ вылетали изъ опустошенной храмины; то, казалось, они прилетали цѣлымъ соборомъ и плакали надъ душою поэта-отступника...

По окончаніи піесы Эдуардъ поспѣшно удалился изъ зала въ буфетъ и выпилъ стаканъ вина. На обычные вопросы: «Каково М. играетъ?» онъ отрывисто отвѣчалъ: «Хорошо! очень хорошо!» Но когда М., во второй партіи, сталъ играть это плачущее начало того самого рондо Калькбреннера, которымъ Эдуардъ началъ свои концерты въ Петербургѣ, и когда тутъ-же изъ нѣсколькихъ словъ разговаривавшихъ, Эдуардъ, сжигаемый стыдомъ, узналъ виновниковъ той тысячи рублей, которую почиталъ вознагражденіемъ за службу, то слезы хлынули изъ глазъ несчастнаго: онъ выбѣжалъ изъ зала, какъ преслѣдуемый всѣми казнями свѣта... Часа три бродилъ онъ по отдаленнымъ улицамъ Петербур-

га, подъ темноголубымъ небомъ и тихо-блещущею луною, но, мало успокоенный, возвратился домой, и только жалуясь головною болью, легъ спать. Эмилія обвязала ему голову, накурила въ комнатѣ уксусомъ, терла ему виски одеколономъ.

Угрюмость его, на другой день, немного встрѣвожила Эмилію: ей казалось, что онъ возвращается опять къ прежнему своему состоянію. Провожая его на уроки, она сказала: «Смотри-же, Эдуардъ, ты мнѣ позволилъ напоминать тебѣ...» «Будь покойна, душенька,» сказалъ онъ, «я не буду неблагоразуменъ; мнѣ только немного скучно отчего-то; ....пройдетъ!..»

Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько уроковъ, данныхъ имъ въ тотъ день въ разныхъ домахъ, а вечеромъ трое добрыхъ гостей развлекли его. Но въ послѣдующіе дни ему невольно приходили на память умершія, дорогія ему прежде особы. Во-

ображеніе и чувственность замѣтнымъ образомъ начали преобладать надъ прочими способностями души его. Такъ однажды Эмилія, желая вывесть его изъ задумчиваго положенія, сказала: «Что ты, Эдуардъ, замечтался?»

— «Я воображаю,» сказалъ онъ съ нѣкоторою важностію, «что еслибъ я былъ богатъ, то завелъ бы себѣ самую роскошную мебель; обилъ бы ее малиновымъ бархатомъ!...»

— «А я,» сказала Эмилія, стараясь напомнить Эдуарду тщету его желанія, «призвала бы тогда всѣхъ нищихъ и посадила бы ихъ на этой мебели обѣдать!»

Эдуардъ захохоталъ во все горло съ безпечностію мальчика и почти прокричалъ отъ удовольствія: «Вотъ была бы сцена! Ха, ха, ха! Ай-да Мильхенъ, умѣла бы сдѣлать употребленіе изъ моей мебели! Ха, ха, ха!...»

Чрезъ нѣсколько дней Эдуардъ съ Эми-

ліею были приглашены къ Луизѣ праздновать день рожденія ея мужа. Весь вечеръ Эдуардъ былъ забавенъ, любезенъ; танцовалъ, шутилъ съ дѣвицами и старушками; но иногда вдругъ, какъ утомленный, задумывался: его воображеніе было въ полной своей дѣятельности. Луиза просила его играть мазурку для танца, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ шутливыхъ отговорокъ и упрямства, сѣлъ за фортепіано. Прямо передъ нимъ на стѣнѣ висѣла небольшая картина — изображеніе Бетговена въ минуту его безумія. Великій композиторъ и въ своемъ несчастномъ положеніи еще хотѣлъ звучать на своей безсмертной лирѣ: онъ сидѣлъ въ густой древесной зелени; его всклоченные на головѣ волосы, его облачное большое лице и дикіе глаза, уставленные, казалось, прямо на зрителя, очень гармонировали съ крупными листьями деревъ, въ которыя дулъ силь-

ный вѣтръ. Правая рука несчастнаго творца, державшая зыблющимися пальцами карандашъ, была опущена на листъ нотной бумаги, положенный на сокрушенномъ дубѣ. Это изображеніе, на которомъ такъ рѣзко обозначалось, что вѣрный служитель музъ, и въ своемъ несчастіи, все еще силится пророчествовать землѣ велѣнія богинь, очень привлекло вниманіе Эдуарда. Онъ игралъ уже только машинально, отдаваясь все болѣе-и-болѣе какому-то тоскующему чувству, которое подымалъ въ немъ видъ Бетговена. Наконецъ картина—будто исчезла: Эдуардъ не видѣлъ уже своими чувственными глазами; руки его играли мазурку, но глазамъ воображенія его открылась большая страшная перспектива. На ближайшемъ мѣстѣ къ нему стоялъ покойный Бекъ въ своемъ сѣромъ платьѣ; изъ впадинъ глазъ пожелтѣвшаго лица его выкатывались, вмѣсто слезъ, кру-

ныя капли крови: онъ скоро закрылъ лице свое листомъ бѣлой бумаги, на которомъ большими черными буквами было написано: «*Безумная ревность*,» а подъ этими словами виднѣлся изображенный черепъ головы человѣческой. Возлѣ Бека стояла мать Эдуарда: увидѣвъ сына, она укрыла слезящее лице свое въ саванъ. Передъ ними Эдуардъ увидѣлъ самаго себя, раскинутаго, въ дремотной нѣгѣ, на диванѣ; а вдали, никого не замѣчая, сидѣла, съ ребенкомъ на рукахъ, Эмилія: съ терпѣливымъ спокойствіемъ взглядывала она по-временамъ на мужа. Въ концѣ этой перспективы скорбный геній, несясь медленно по воздуху, отвратилъ лице свое отъ Эдуарда и отдалъ лиру и лавровый, омоченный слезами вѣнокъ, сопернику его...

Эдуардъ смутился; сильнѣе заигралъ мазурку и какъ будто очнулся. Призраки его воображенія исчезли: онъ опять

слышалъ шарканье ногъ, веселый разговоръ танцующихъ и гостей; передъ нимъ опять висѣло на стѣнѣ изображеніе безумнаго Бетговена. Душа Эдуарда была сильно растревожена: черезъ нѣсколько минутъ онъ опять впалъ въ самозабытіе. Воображеніе перенесло его въ домъ, гдѣ онъ жилъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, съ матерью: и здѣсь, при величайшей тишинѣ въ комнатахъ, онъ вдругъ услыхалъ добрый голосъ матери, спокойно читавшей въ Евангеліи *упрекъ лѣнивому рабу, зарывшему талантъ свой въ землю...* Эдуардъ затрепеталъ; какъ обезумленный, поднялся онъ со стула; сложивъ крестообразно руки на груди, стоялъ онъ у фортепіано и дико смотрѣлъ на группу танцовавшихъ, которые глядѣли на него и ждали продолженія мазурки.

Луиза подошла къ нему съ словами: «Что-жъ ты не продолжаешь, Эдуардъ?»

Но его блѣдное лице, неподвижные глаза и безмолвіе поразили ее. Эмилія, догадавшись, что Эдуарду что-нибудь приключилось, подошла къ нему: онъ, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, палъ въ ея объятія.

XIII.

Опомнимся—но поздно!...

А. С. Пушкинъ.

....независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

А. С. Пушкинъ.

.....Что-же, други?...
Соберитесь на досугѣ
Укоротить подъ разсказъ
Зимней скуки долгій часъ...

П. П. Ершовъ.

Въ одинъ осенній вечеръ, того-же года, какъ случилось разсказанное происшествіе съ Эдуардомъ, Славеновъ навѣстилъ своего бывшаго университет-

скаго товарища, уважаемаго имъ поэта, Платона Павловича Е.

Поэтъ сидѣлъ у стола и читалъ вслухъ: возлѣ него сидѣла и вязала чулокъ его дряхлая мать. Въ такомъ положеніи засталъ ихъ Славеновъ. Мать привѣтливо раскланялась и ушла въ свою спальню.

— «Что тебя, братъ, давно не видать?» спросилъ Платонъ.

— «Эхъ, братецъ, *то есть, вотъ какъ весело!*... Иной разъ и на свѣтъ Божій не глядѣлъ бы!...»

— «Да что-жъ такъ?..» съ участіемъ спросилъ Платонъ.

Славеновъ, немного помолчавъ, неохотно отвѣчалъ: «Знаешь, въ нашихъ семействахъ предстоитъ образованію много борьбы съ предразсудками!..»

Поэтъ, замѣтивъ, какъ неохотно Славеновъ говоритъ объ этомъ, спросилъ: «Ну, а музыка твоя?... Не сочинилъ-ли чего?..»

— «Нѣтъ!» сказалъ съ движеніемъ душевной муки Славеновъ и потомъ продолжалъ съ живостію: «Какую новость слышалъ я! Не знаю, правда-ли; по крайней мѣрѣ вѣроятна. Дорогою къ тебѣ одинъ изъ моихъ сослуживцовъ разсказалъ ужасную гибель цѣлаго семейства гдѣ-то здѣсь въ Петербургѣ...»

— «Что-же такое?»

— «Какой-то мѣщанинъ, мелочной торговецъ, занялъ десять тысячъ рублей, все ассигнаціями. Пересчитавъ ихъ дома, онъ положилъ кипкою на столъ и отлучился изъ комнаты; но, уходя, бросилъ лоскутокъ бумаги въ топившуюся печку. Сынъ его, лѣтъ четырехъ, любовался, какъ вспыхнула брошенная бумага и, по уходѣ отца, досталъ какъ-то со стола всю кипку ассигнацій — да и въ печку ихъ. Отецъ возвратился прямо тогда, когда сынъ смотрѣлъ на тлѣвшій уже пепелъ ассигнацій... Въ бѣшен-

ствѣ схватилъ отецъ ребенка за ноги— и хвать объ полъ. На необыкновенный шумъ прибѣжала испуганная мать, мывшая другаго трехмѣсячнаго ребенка на кухнѣ, въ корытѣ. Пораженная мать промедлила нѣсколько мгновеній надъ трупомъ умерщвленнаго дѣтища и, опомнясь, бросилась въ кухню. Здѣсь ждалъ ее другой трупъ: младенецъ, забытый въ корытѣ,—захлебнулся!...»

— «Это ужасно!...» сказалъ смущенный Платонъ.

— «Этимъ еще не кончилось. Отецъ началъ рвать на себѣ волосы, бить и ломать все, что ему попадалось. Брань, плачъ и вопли отчаянной матери дополнили ужасную сцену. Наконецъ мать бросилась въ полицію. Черезъ полчаса возвратилась она съ полицейскими, но къ двумъ несчастнымъ жертвамъ присоединилась третья,—убійца-отецъ повѣсился!..»

— «Га!.. Я слыхалъ подобныя про-

исшествія!.. Какъ тутъ?.. Тутъ не жадность къ деньгамъ...»

— «Мнѣ кажется, несовсѣмъ-то безъ того; а болѣе—малодушіе!... Вѣдь и то, правда: десять тысячъ, и тѣ занятыя! А сколько еще выгодъ обѣщали онѣ?...»

— «Такъ и объ полъ роднаго сына?..

— «Что-жъ дѣлать?... Мужичекъ!....»

— «Гм, не говори этого о нашихъ мужичкахъ: я ихъ знаю!» сказалъ Платонъ съ нѣкоторымъ огорченіемъ.

— «Въ семьѣ не безъ урода...»

Платонъ всталъ и, набивая трубку, спросилъ: «Ну что, какъ служба твоя?»

— «Какая служба изъ за куска хлѣба?... Да ужъ пусть,

Служить бы радъ, прислуживаться тошно....» *

— «Такъ учителемъ...»

— «Нѣтъ, эту обязанность я считаю слишкомъ важною!... Сдѣлаться такимъ

* А. С. Грибоѣдовъ.

учителемъ, какимъ бы мнѣ хотѣлось, я не имѣлъ средствъ... Да впрочемъ, можетъ быть, и не судьба...»

— «Ты не берешь билета на Польскую лотерею?»

— «Да что мнѣ съ нимъ?»

— «А какъ выиграешь девять сотъ тысячъ злотыхъ?»

— «Да куда такую бѣду?»

— «Какъ, куда?!..»

— «Право, я не зналъ бы, что съ ними дѣлать? Развѣ вотъ что! Половину я бы отдалъ моимъ роднымъ, а съ остальными поѣхалъ бы за границу.»

— «Зачѣмъ-же?»

— «Посмотрѣть, что тамъ за чудеса такія, что все наше передъ тѣмъ—дрянь!.. Да впрочемъ я и фортунѣ...

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,..» *

* А. С. Пушкинъ.

— «*Ни даже сердцу твоему*,» прибавилъ Платонъ, отдувая отъ себя табачный дымъ.

— «Нѣтъ, этого не скажу; иначе не былъ бы съ тобою такъ откровененъ, какъ иногда бываю...» Послѣ нѣкотораго молчанія, Славеновъ скромно сказялъ: «А позволь спросить, нѣтъ-ли твоихъ новыхъ произведеній?»

— «Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ будетъ напечатано мое послѣднее стихотвореніе въ одномъ изъ журналовъ.»

— «А до тѣхъ поръ можно его прочитать?»

— «Да вотъ...»

Платонъ всталъ, закурилъ трубку и, декламируя, началъ ходить по комнатѣ. Славеновъ ходилъ возлѣ него и слушалъ внимательно. Поэтъ читалъ стихи съ полнымъ участіемъ сердца; замѣтно было, что ихъ горестное содержаніе только потому могло быть разсказываемо

Платономъ, что оно облеклось въ поэтическіе образы. Содержаніемъ была тяжелая, почти смертельная потеря недавно скончавшагося прекраснаго и послѣдняго брата сочинителя. Прочитавъ стихотвореніе, Платонъ нѣсколько минутъ безмолвствовалъ: взволнованная душа его требовала успокоенія. Славеновъ, замѣтивъ это, пребылъ въ уважительномъ безмолвіи. Наконецъ Платонъ принудилъ себя ободриться и спросилъ: «Какъ тебѣ кажется мое стихотвореніе?»

— «Да, видишь, ты пріобрѣлъ уже право на славу; тебя ставятъ въ нѣкоторомъ отношеніи на ряду съ Пушкинымъ... А говорить тебѣ свое мнѣніе...»

— «Ничего, ничего! Скажи хоть то, что тебѣ кажется.»

— «Если такъ, пожалуй! Вотъ видишь, мнѣ вовсе не нравятся эти преувеличенія въ нашей литературѣ, особенно въ изліяніи горестнаго чувства.

Оно неестественно. Кчему ты говоришь, что самъ готовъ былъ пасть въ ту-же могилу, въ которую положили брата твоего?...»

— «Да помилуй! я, въ самомъ дѣлѣ, себя не помнилъ тогда: я бы могъ съ тоски зачахнуть — и умереть. Меня спасла только привязанность къ матери!»

— «Хвалю такую любовь въ обыкновенномъ человѣкѣ; но и тамъ не хотѣлъ бы излишества. А ты — поэтъ!... Развѣ для тебя въ мірѣ существуютъ только братъ и мать? Развѣ твое существованіе не принадлежитъ мнѣ, тому, другому, третьему, всему человѣчеству!...»

— «Ну, это ужъ слишкомъ!..»

— «Какъ слишкомъ? Если тебѣ Богъ судилъ принесть хоть каплю нектара людямъ: ты долженъ исполнить волю Божію!... Я говорю свое мнѣніе!... Посмотри на Шиллера: онъ и терзаетъ и исцѣляетъ, разитъ и утѣшаетъ!... Посмо-

три у Шекспира!... Ужъ-коли указывать, такъ я люблю — на образцовыхъ... Посмотри, говорю, у Шекспира: тутъ, кажется, все такъ и иначе быть не могло!... Мнѣ вовсе не нравится большая часть нашихъ новыхъ стихотвореній, гдѣ все плачутъ *о чемъ-то быломъ, навсегда минувшемъ*... Это *минувшее* и должно было миновать!.. Или, какъ во многихъ нашихъ романахъ... Но, кажется, сочинители ихъ сами еще размышляютъ о томъ предметѣ, который должны были напередъ глубоко опустить въ душу свою, чтобы оттуда излетѣлъ онъ поэтическимъ созданіемъ, какъ изъ души Фальконета излетѣлъ безсмертный монументъ безсмертному Петру!..»

Платонъ молчалъ; онъ не со всѣмъ соглашался, что говорилъ Славеновъ, но ему нравились смѣлыя мысли и жаръ, съ которымъ говорилъ одушевленный молодой пріятель.

— «И мнѣ странно,» продолжалъ Славеновъ, «какъ люди, которыхъ судьба выводитъ изъ круга обыкновенныхъ людей, какъ они привязываются къ земнымъ, временнымъ предметамъ!... Вотъ хоть теперь нашъ несчастный Эдуардъ Вольфгангъ!...»

— «А что съ нимъ?!..» спросилъ горячо Платонъ.

— «Развѣ ты ничего о немъ не слыхалъ?»

— «Нѣтъ. Я не былъ у него съ годъ; да и онъ ко мнѣ что-то запалъ.»

Славеновъ разсказалъ приключенія съ Эдуардомъ во время Великаго поста, въ концертѣ и на вечерѣ у Луизы; потомъ продолжалъ: «Послѣ втораго приключенія нашъ Эдуардъ совершенно измѣнился: онъ по-прежнему исправенъ на урокахъ; но искусство его ни шага впередъ! Почти каждый вечеръ онъ, что называется, выпьетъ лишнее; часто задумы-

вается, заговаривается, какъ меланхоликъ... Только эта рѣдкая женщина, его жена, умѣетъ развлечь и успокоить его. Онъ сдѣлался удивительно легкомысленъ и разочарованъ: избѣгаетъ всякаго благомыслящаго человѣка, всякаго основательнаго разговора. Но зато онъ вполнѣ раздѣляетъ забавы тѣхъ, которые только ребячатся; особенно если ему попадетъ хорошая чара. Я видѣлъ его у одного изъ моихъ еще школьныхъ товарищей, нынѣшнимъ лѣтомъ на дачѣ, на берегу Невы, близъ Малой Рыбацкой. День былъ прелестный. Эдуардъ пріѣхалъ водою, къ обѣду. Послѣ сытнаго и довольно небезвиннаго обѣда, онъ пребезпечно уснулъ подъ кусточками. Его разбудили крикъ и хохотъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, родныхъ и знакомыхъ хозяина дачи: веселые гости вынесли какое-то допотопное фортепіано и стали пѣть подъ звуки беззвучнаго инстру-

мента. Эдуардъ, пробудясь, присоединился къ общему веселью: пѣлъ, кричалъ съ прочими; потомъ сталъ играть кадриль; одинъ изъ молодежи подбрякивалъ ему на гитарѣ, хоть не въ тонъ и не въ тактъ, но Эдуардъ игралъ-себѣ! Подъ этотъ оркестръ всѣ преусердно выплясывали на муравомъ коврѣ; съ ними и азъ многогрѣшный откалывалъ колѣнца. Эдуардъ очень занималъ всѣхъ; онъ снялъ сюртукъ, какъ и всѣ мы; на головѣ у него былъ какой-то красный колпакъ; лице немного опухло,—на немъ не было никакой мысли: на немъ виднѣлись совершенная беззаботность и ребячество... Когда-же всѣ утомились, то онъ сѣлъ съ трубкою на травѣ—и тутъ такъ задумался, что когда его о чемъ-нибудь спрашивали, то онъ или оставался безъ малѣйшаго вниманія недвижимъ, или, поднявъ голову и глаза на спрашивающаго, смотрѣлъ ему въ лице и преспо-

койно пускалъ дымъ изо рта... Докуривъ трубку, онъ угрюмо всталъ съ земли, одѣлся и распростился съ обществомъ..»

— «Такъ какая-же этому, думаешь ты, причина?» сказалъ погруженный въ размышленіе Платонъ.

— «Безсиліе таланта перенесть несчастную любовь.»

— «Правда; пора бы думать служителямъ музъ, что они призваны на служеніе не женщинамъ!»

— «Я страннымъ образомъ узналъ о его любви отъ него-же самого. Я зналъ Эвфалію давно; но о ея связяхъ съ Эдуардомъ узналъ только послѣ ея смерти. На прошедшей Святой недѣлѣ встрѣтился я съ нимъ на нѣмецкомъ вечерѣ. Онъ былъ безъ жены; легкомысленно шутилъ и даже строилъ куры одной дѣвицѣ; серьёзно хвалилъ ея предрянную игру на фортепіано. За ужиномъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, стучалъ ножикомъ по бу-

тылкамъ, шутилъ съ дамами; дамы говорили ему: «Постойте, мы скажемъ все вашей женѣ!» а онъ, улыбаясь, подливалъ себѣ вина... Тутъ же въ гостяхъ была одна, которою я тогда былъ долго очарованъ;... ну да теперь, — пусть ей всѣ благо на землѣ и въ небѣ!.. Молодые люди вздумали-было надо мною подшутить; Эдуардъ догадался и также напалъ-было на меня; я вздумалъ отразиться: «Нѣтъ, сказалъ я...»

— «Кчему-же—нѣтъ?»

— «Ну, да какже было сказать, что я... что я влюбленъ! хе, хе!... Я зналъ одну хорошенькую, сказалъ я Эдуарду; она жила на Васильевскомъ-Островѣ, на Большомъ проспектѣ... «Кто? кто-это?» спросилъ онъ поспѣшно. Я отвѣчалъ, что она была принятая дочь купца Крупникова... «А, знаю, знаю,» сказалъ Эдуардъ и, казалось, догадался, что и мнѣ извѣстна его интрига. «Да, она вскру-

жила мнѣ голову!» сказалъ онъ, улыбаясь. «Я хотѣлъ жениться на ней; но хорошо, что не женился: она была слишкомъ вѣтрена!..» Послѣ этого онъ опять игралъ ножемъ по бутылкамъ и шутилъ съ дамами...»

— «А, Владиміръ, здравствуй, братъ!» сказалъ Платонъ вошедшему пріятелю, бывшему университетскому товарищу. «Что новаго?»

— «Сейчасъ былъ я на свадьбѣ, или лучше, — на вѣнчаніи. Я шелъ по Невскому; у Католической церкви стоитъ много экипажей; я зашелъ въ церковь и встрѣтилъ нашего университетскаго чудака — Винцевича. Онъ такъ разодѣтъ, что я хотѣлъ поздравить его женихомъ.»

— «Кого-же вѣнчали?» спросилъ Платонъ, подавая трубку новому гостю.

— «Сестру его.»

— «Которую?» спросилъ съ любо-

пытствомъ Славеновъ. «Я о нихъ немного слышалъ.»

— «Онъ сказалъ — меньшую; а ихъ, кажется, двѣ только. Да и для другой уже есть кандидатъ въ женихи.»

— «А кто эти счастливцы? Ты знаешь?» спросилъ Платонъ.

— «Какіе-то офицеры: одинъ — конный, уже пожилой; другой—пѣшій, похожій на *Бурцова*.» *

— «Теперь они оба *опѣшатъ*!» сказалъ Славеновъ: и молодые люди захохотали.

— «А какой пустоголовый, нашъ Винцевичь!» сказалъ Владиміръ. «Онъ при всѣхъ въ церкви и, кажется, съ намѣреніемъ вслухъ разсказалъ мнѣ, что его маменька выдаетъ дочерей замужъ на выгодныхъ условіяхъ: давать на содержаніе каждому зятю по три тысячи еже-

* Герой извѣстной пѣсни.

годно; а по смерти ея имѣніе раздѣлится на три доли — между двумя дочерьми и сыномъ...»

— «Вотъ славно!» воскликнулъ Славеновъ: «напяли себѣ по офицеру въ мужья, да и знай нашихъ!»

— «Но вы, господа, что-то нападаете на нихъ?» сказалъ, улыбаясь, Владиміръ.

Славеновъ съ полнымъ жаромъ негодованія молодаго человѣка разсказалъ всѣ продѣлки Винцевичей съ Эдуардомъ.

Въ концѣ разсказа послышался говоръ въ передней: «Все-ли здоровъ, Савельичъ?» «Толкаемся по-немногу.» «Ну, дай Богъ побольше.»

Молодые люди улыбнулись. Вошедшая служанка сказала Платону, что къ нему присланъ человѣкъ. Чрезъ нѣсколько минутъ Платонъ, возвратясь съ тетрадкою въ рукѣ къ своимъ гостямъ, сказалъ: «Ну, Славеновъ, вотъ финалъ къ печаль-

ной симфоніи жизни нашего Эдуарда: онъ въ домѣ сумасшедшихъ!...»

— «Въ домѣ сумасшедшихъ?!» воскликнулъ пораженный Славеновъ.

— «Ты знаешь, я ему написалъ слова для оперы; вотъ они; ихъ возвращаетъ мнѣ его жена... Съ недѣлю, какъ отвезли Эдуарда въ домъ безумныхъ: въ частномъ домѣ держать его было невозможно. Жену и сына его приняла къ себѣ двоюродная сестра его; а тетка пошла къ кому-то въ ключницы.»

— «Спасибо доброй сестрѣ!... Га! музы жестоко отомстили своему преступному служителю!..»

— «Теперь нѣтъ музъ!» замѣтилъ, улыбаясь, Владиміръ.

— «Пожалуй: мы не язычники. Зато есть небесное правосудіе!»

— «Какъ будто небо мститъ?» замѣтилъ угрюмо Платонъ.

— «Нѣтъ,» сказалъ Славеновъ; «но

въ такомъ наказаніи оно, можетъ быть, даетъ примѣръ тѣмъ, которыхъ надѣлило своими особенными дарами!.. »

— «Послушай, Славеновъ, мы навѣстимъ Эдуарда на-дняхъ?» сказалъ Платонъ.

— «Хоть завтра-же!» отвѣчалъ Славеновъ.

— «Нельзя-ли узнать исторію этого музыканта?» спросилъ Владиміръ.

И пріятели стали разсказывать ему то, что нашимъ читателямъ уже извѣстно.

* *
*

Я посѣтилъ больницу Всѣхъ Скорбящихъ черезъ недѣлю послѣ того, какъ въ ея стѣнахъ заключенъ былъ несчастный Эдуардъ. Онъ не узнавалъ меня; все просилъ денегъ на табакъ. Больничный служитель говорилъ мнѣ, что онъ обыкновенно все поетъ; то вдругъ дѣ-

лаетъ видъ, что цѣлится въ кого-то, кричитъ «*пафъ!*» и дико хохочетъ, потомъ наводитъ кулаки надъ собою, опять кричитъ «*пафъ!*» и упадаетъ. Вдругъ вскакиваетъ, тихо и пугливо говоритъ: «*Царица! Царица!*» снимаетъ колпакъ и стоитъ съ благоговѣніемъ. Потóмъ принимается горько-горько плакать и приговариваетъ: «*Погубилъ! все погубилъ! погубилъ! погубилъ!..*» Когда-же приходитъ жена его, а она бываетъ почти каждый день, то онъ все кричитъ ей: «*Отойди! отойди! ты убить пришла меня!*» А она, Богъ знаетъ, кажется, барыня добрая! Иногда даетъ мнѣ денегъ и проситъ, чтобы я приглядывалъ за этимъ господиномъ...»

* *
*

Недолго Эдуардъ оставался въ новомъ жилищѣ своемъ. Скоро на него напала чрезвычайная слабость: онъ слегъ въ

постель. Казалось—безуміе оставило его; по крайней мѣрѣ, онъ менѣе мучался. Въ тотъ день, когда Эдуардъ слегъ, пришла къ нему Эмилія. Онъ узналъ ее; онъ говорилъ, что чувствуетъ себя почти здоровымъ; просилъ привезти къ нему сына и то музыкальное сочиненіе, которое онъ впервые издалъ въ свѣтъ.

Обрадованная Эмилія на другой-же день поспѣшила исполнить желаніе мужа. Но при самомъ входѣ ея въ палаты, служитель испугалъ ее вѣстію, что Эдуардъ сегодня, по собственному желанію, пріобщился Св. Тайнъ.... Въ самомъ дѣлѣ, Эдуардъ былъ очень слабъ, когда подошла къ нему жена съ сыномъ.

— «Здравствуй, Готлибъ! здравствуй, Эмилія! здравствуйте, здравствуйте, друзья мои!» заговорилъ Эдуардъ, силясь приподняться; но въ изнеможеніи могъ только протянуть свою тощую бѣлую руку, которую Готлибъ поцѣловалъ.

— «Вотъ, Эдуардъ, я принесла тебѣ то, чего ты желалъ,» сказала Эмилія.

— «Благодарю!.. Ты всегда угождала мнѣ, мой другъ!» Онъ взялъ ноты; и рука его съ этимъ бременемъ опустилась прямо на сердце; глаза его закрылись. Потомъ онъ очнулся и сталъ смотрѣть на заглавный листъ, гдѣ стояли слова: «*Посвящаю моему отцу.*» «Ахъ,» сказалъ онъ, «я-было и забылъ, что у меня есть еще отецъ и братья!..» Тутъ рука его съ нотами опять опустилась на грудь, и онъ опять закрылъ глаза.

— «Не говори такъ много, Эдуардъ!» сказала заботливо Эмилія; «тебѣ тяжело говорить!..»

Эдуардъ опять очнулся. «Вѣдь у насъ съ тобою, Мильхенъ, одинъ отецъ, Небесный!.. Я очень грѣшенъ передъ Нимъ!..»

— «Онъ очень добръ!..» сказала Эмилія.

— «Помолись обо мнѣ!...» прогово-

рилъ Эдуардъ—и вдругъ потянулся: съ тяжелымъ вздохомъ безсмертная душа оставила бренное тѣло...

Какъ медленно угасала и какъ мгновенно исчезла пылкая жизнь!...

XIV.

Еще одно послѣднее сказанье....

А. С. Пушкинъ.

.....пируйте, друзья!
По своему счастливъ, хоть сумраченъ я.

Туманскій.

Прошло два года послѣ смерти Эдуарда. Лѣтнимъ вечеромъ ходилъ я съ моимъ пріятелемъ на Русскомъ Смоленскомъ кладбищѣ..... Я люблю кладбище! Тамъ-ли истинный покой, столько мнѣ вожделенный, или тамъ предѣлъ, съ котораго вступимъ мы въ міръ лучшій,—

не знаю, но люблю страну покойниковъ!... Жаль, что наши кладбища содержатся недовольно въ красивомъ видѣ! Эти мѣста очень поучительны: по сердце человѣческое любитъ поучаться только чрезъ впечатлѣнія пріятныя... Странно, у насъ много дорогихъ, но мало красивыхъ памятниковъ на каждомъ кладбищѣ; и ни одно кладбище не имѣетъ благообразнаго вида: скучно, а не грустно ходить по немъ. И тутъ, какъ вездѣ, проявляется черта изъ нашего быта: у насъ много богатырскихъ силъ, но въ чемъ онѣ соединены? на что употреблены?... Жаль!... Солнце уже погружалось въ багряномъ небосклонѣ, когда между разрушенныхъ надгробій, поросшихъ травою и репейникомъ, пробирались мы къ Черной рѣчкѣ, отдѣляющей кладбище отъ большаго пространства земли, занятаго огородами, пока смерть не присвоила ихъ себѣ. За этимъ полемъ видѣнъ заливъ Бальтійска-

го моря. По спокойной водѣ его неслись, на широкихъ парусахъ, гальоты, катеры; дымились пароходы; повременамъ раздавался ружейный выстрѣлъ охотника за дикими утками; зарево неба отражалось въ гладкой поверхности залива.

На этотъ разъ меня не столько досадовало запустеніе кладбищенскаго мѣста, сколько иныя надгробныя надписи. «Кчему — это?» говорилъ я: «*Здѣсь лежитъ полковникъ*, или *статскій совѣтникъ*, *князь* и *кавалеръ*, и тому подобное! Развѣ погребенный родился, жилъ и умеръ только статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ!... Да если онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ только полковникъ, или дѣйствительный статскій и кавалеръ, пожалуй, то онъ былъ слишкомъ жалкій человѣкъ! Чинъ не есть цѣль жизни!...»

Съ этими словами продолжали мы нашъ путь. Могилъ черезъ десять отъ насъ

увидѣли мы молодаго человѣта, который сидѣлъ опершись на гранитное надгробіе, подъ сѣнію кудряваго дуба. Молодой человѣкъ задумчиво смотрѣлъ на Финскій заливъ; потомъ, вздохнувъ, поднялся и удалился. Я узналъ въ немъ моего знакомаго, Славенова, но не хотѣлъ окликнуть его: онъ что то былъ опечаленъ. Мы приблизились къ этому надгробію: оно состояло изъ кубическаго гранитнаго камня, служившаго основаніемъ колоннѣ дикаго мрамора, держащей на вершинѣ бѣлую мраморную урну. На колоннѣ были высѣчены золотыми буквами только три слова: ЭВФАЛІЯ НИКОЛАЕВНА КРОТКИНА... Такъ вотъ ея могила! Такъ вотъ гдѣ сидѣлъ бывшій товарищъ рѣзвой Эвфаліи!... Но странно, сейчасъ только я досадовалъ на многорѣчивыя эпитафіи, а теперь сердцу моему стало больно, что на памятникѣ Эвфаліи только три слова!...

Хоть бы какой-нибудь стихъ, какое-нибудь изображеніе, которое бы характеризовало легкую, но милую Эвфалію!... Нѣтъ! ничего нѣтъ!... И сердцу моему было очень больно!... Я вспоминалъ ея игривый, дѣтски безпечный нравъ; я съ грустію представилъ себѣ ея безхарактерный, хотя и невольный поступокъ, сокрушившій весь талантъ Эдуарда; я вспомнилъ ея жизнь:... и только послѣдняя минута ея, этотъ съ глубокимъ чувствомъ остановленный на ребенкѣ взглядъ, — мирили меня съ Эвфаліею. Я не могъ негодовать на нее; но я терзался глубокою горестію. «Вотъ,» думалъ я, «между людьми явилось прекрасное; но между людьми оно не могло остаться прекраснымъ!... Небо сжалилось и взяло его себѣ!... Какъ несовершенъ нравственный міръ людей!...» Переходя отъ могилы къ могилѣ, я разсказывалъ спутнику несчастную гибельную любовь

Эдуарда. Я кончилъ мой разсказъ тогда, когда мы шли уже по гладкимъ и чистенькимъ дорожкамъ Нѣмецкаго кладбища.

— «Я знаю также подобное происшествіе,» сказалъ мнѣ спутникъ; «правда, тутъ не погибъ талантъ; зато преждевременно умерла прекрасная дѣвица!» И спутникъ разсказалъ мнѣ, какъ дочь одного музыканта, влюбившись въ своего учителя пѣнія и оставленная имъ, по какимъ то расчетамъ, — лишилась разсудка и кончила жизнь, подобно Эдуарду, въ домѣ сумасшедшихъ.

Этотъ грустный разсказъ, воспоминанія объ Эдуардѣ, теплая погода и видъ могилъ утомили насъ. Садясь на скамейку возлѣ могилы, я какъ-то невольно проговорилъ:

И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!...

На травѣ передъ нами хорошенькій

въ сѣромъ панковомъ сюртучкѣ мальчикъ, лѣтъ шести, срывалъ цвѣтки и клалъ въ клеенковую фуражку. Когда онъ съ своею добычею шелъ мимо насъ, то я, остановивъ его за руку, спросилъ: «Чей ты, душенька?»

— «Эмиліи Вольфгангъ;» отвѣчалъ онъ спокойно. «Мой папа давно умеръ.»

— «Что-жъ, ты учишься?»

Мальчикъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ и сказалъ, улыбаясь: «Конечно!»

— «Кто тебя учитъ?»

— «Мама... У насъ еще много другихъ дѣтей учится.»

— «Чѣмъ-же ты хочешь быть?»

Малютка опять поглядѣлъ на насъ съ улыбкою удивленія и—побѣжалъ. Обратясь въ ту сторону, куда онъ удалился, мы увидѣли, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ женщину въ черномъ камлотовомъ платьѣ, въ большемъ черномъ платкѣ на плечахъ и въ лѣтней сѣренькой шляпкѣ.

Она обрывала крапиву около дерноваго возвышенія, на которомъ стоялъ бѣлый деревянный крестъ. По надписи мы узнали могилу Эдуарда. Малютка уложилъ свои цвѣтки на дернѣ около креста. Чрезъ нѣсколько минутъ они оставили могилу: малютка, хватая свою спутницу за руку, спросилъ:

— «Мама, куда мы теперь пойдемъ?...»

КОНЕЦЪ.

У книгопродавца Ѳедора Васильева Базунова, въ С. Петербургѣ, продаются нижеслѣдующія новыя книги:

НАШИ, СПИСАННЫЕ СЪ НАТУРЫ РУССКИМИ. Съ фигурами и виньэтками 12 выпусковъ, содержащіе въ себѣ статьи: выпускъ 1, 2, 3 и 4. ВОДОВОЗЪ. *А. Башуцкаго.* Выпускъ 5. БАРЫШНЯ. *Княжны—й.* Выпускъ 6, 7 и 8. АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ. *Кн. Львова.* Выпускъ 9, 10 и 11. ГРОБОВОЙ МАСТЕРЪ. *А. Башуцкаго.* Выпускъ 12. НЯНЯ. Соч. ***вой. Спб. 1842 г. Цѣна за 12 выпусковъ 5 р., съ пересылкою 6 руб. сереб.

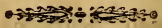
КАРТИНКИ РУССКИХЪ НРАВОВЪ. Съ фигурами и виньэтками 4 книжки, содержащіе въ себѣ статьи. Книжка I. КОРНЕТЪ. Книжка II. САЛОПНИЦА. Соч. *Ѳ. В. Булгарина.* Книжка III. ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ. Соч. *И. П. Мятлева.* Книжка IV. НЕВСКІЙ

ПАРОХОДЪ. Соч. *А. Н. Греча.* Спб. 1842 г. Цѣна за 4 книжки 2 р. сер.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ, или систематическое собраніе рисунковъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ познаній. Изящное литографическое изданіе *Фельтена,* въ трехъ большихъ томахъ, въ 4 долю листа, съ пятью тысячами рисунковъ. Изданіе второе. Спб. 1842 г. Цѣна 10 руб. сереб.

ЖИВОПИСНЫЙ КАРАМЗИНЪ, или Русская Исторія изображенная въ литографированныхъ картинахъ. Издалъ *Андрей Прево.* 2 тома. Спб. 1838 года. Цѣна 14 руб. 30 коп. сереб.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ТУРКИ. Изданіе въ двухъ большихъ томахъ, въ 4 долю листа, съ 96 гравированными на стали въ Лондонѣ картинами. Издалъ *А. Смирдинъ.* Спб. 1842 года. Цѣна 15 руб. сереб.



THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.I37
L58
1842
ch.3